

63(11) 2020

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

**RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES**

- ◆ *ВЕЛИКАЯ ПРОЯВИТЕЛЬНИЦА*
- ◆ *ПОКРОВ САМООБМАНА*
- ◆ *ПРАВЕДНАЯ VS ОПРАВДАННАЯ*
- ◆ *НЮРНБЕРГСКАЯ ЗАЩИТА?!*
- ◆ *ЛОВУШКА ФУКИДИДА*
- ◆ *КОНФЕДЕРАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ*
- ◆ *ДУХОВНЫЙ КРЕМЛЬ*

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

MOSCOW
HUMANIST PUBLISHING HOUSE

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 63. № 11/2020

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
**ВИНИТИ РАН, Российский индекс научного цитирования,
EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«Ulrich's Periodicals Directory»

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

Амилеби С.А., д.филос., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США);
Бараш Дж.Э., д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция);
Брес И., проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция);
Даллмайр Ф.Р., д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Дени М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филос., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Смирнов А.В.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Алексеев П.В.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Апресян Р.Г.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой истории зарубежной философии РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, научный руководитель ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, ак. АГИ, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Лепский В.Е.**, д.психол.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Миронов В.В.**, чл.-кор. РАН, декан филос. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Мотрошилова Н.В.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Пивоваров Ю.С.**, ак. РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии фак-та гум. наук НИУ ВШЭ; **Розин В.М.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-кор. РАО, президент МГПУ; **Северикова Н.М.**, к.филос.н., заслуж.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Степанянц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тульчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Турбовской Я.С.**, д.пед.н., председатель Координационного совета Института стратегии развития образования РАО; **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Черниговская Т.В.**, чл.-корр. РАО, д.б.н., д.ф.н., проф., зав. кафедрой СПбГУ; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Главный редактор **Дубровский Д.И.**

Научный редактор **Винник Д.В.**

Редактор отдела культурологии и религиозведения **Дуркин Р.А.**

Литературный редактор **Тукузова Т.М.**

Верстка: **Топилина В.М.**

E-mail: academyRH@list.ru

http://www.phisci.info

Шеф-редактор Мариносян Х.Э.

THE MINISTRY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES
(FILOSOFSKIE NAUKI)

Vol. 63. No. 11/2020

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), **Russian Index of Science Citation, EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

The information about the journal is published annually
in the international information system on serial publications

Ulrich's Periodicals Directory

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Dallmayr F.R.**, Ph.D., Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chile); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

Alexeev P.V., D.Sc., Prof., Lomonosov Moscow State University (MSU); **Apressyan R.G.**, D.Sc., Head of the Department, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS); **Arshinov V.I.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberger I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Chernigovskaya T.V.**, RAE Corr Memb., D.Sc., Prof., Head of the Department at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrohotov A.L.**, D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); **Dubrovsky D.I.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, Ph.D.; **Gubin V.D.**, D.Sc., Head of the Department of the History of Foreign Philosophy at the Russian State University for the Humanities; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen.Res.Fell., IPhRAS; **Mironov V.V.**, RAS Corr. Memb., Dean of the Faculty of Philosophy at the MSU; **Motroshilova N.V.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Pantín V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Pivovarov Yu.S.**, RAS Full Memb., Scientific Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Severikova N.M.**, Ph.D., Honour.Res.Fell., Faculty of Philosophy, MSU; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Turbovskoy Ya.S.**, D.Sc., Chairperson of the Coordination Council at the Institute for the Theory and History of Pedagogy of the RAE; **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Main Editor Dubrovsky D.I.

Scientific Editor Vinnik D.V.

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.

Literary editor Tukuzova T.M.

Page Layout: Topilina V.M.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Editor-in-Chief Marinossyan Kh.E.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ

Теория справедливой войны.

Этические аспекты ■

<i>ДЖ. ТОМАС (Лондон, Великобритания)</i>	Доктрина справедливой войны: реликт прошлого или актуальность?	7
<i>Й. БАБИЧ (Белград, Сербия)</i>	Православное христианство и война	39
<i>А.Д. КУМАНЬКОВ</i>	Моральное обоснование гуманитарной интервенции в современной теории справедливой войны	58

Философия и политология войны ■

<i>В.К. БЕЛОЗЁРОВ</i>	Политология войны в системе научного знания	74
<i>А.А. СКВОРЦОВ</i>	Русская философия войны Серебряного века: основные особенности	91
<i>С.А. КУЧЕРЕНКО</i>	Понятие войны в политическом реализме	104

Этические проблемы современной войны ■

<i>М. DEWYN (Brussels, Belgium)</i>	Risk Distribution between UN Peacekeepers and Local Civilians: An Ethical Analysis	
<i>{М. ДЕВЕЙН (Брюссель, Бельгия)</i>	Распределение рисков среди миротворцов ООН и гражданским населением: этический анализ}	128
<i>В. VISEKRUNA (Belgrade, Serbia), D. STANAR (Belgrade, Serbia)</i>	Military Ethics Education and the Changing Nature of Warfare	
<i>{Б. ВИШЕКРУНА (Белград, Сербия) Д. СТАНАР (Белград, Сербия)</i>	Образование в сфере военной этики и изменение характера войн}	145

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации и отзывы ■

<i>А.А. СКВОРЦОВ</i>	Отзыв о книге: <i>А.Ю. Коробов-Латынцев. Философ и война. О русской военной философии</i>	158
----------------------	--	-----

CONTENTS
PHILOSOPHY OF WAR

Just War Theory.

Ethical Aspects ■

<i>J. THOMAS (London, United Kingdom)</i>	Just War Doctrine – Relic or Relevant?	7
<i>J. BABIC (Belgrade, Serbia)</i>	Orthodox Christianity and War	39
<i>A.D. KUMANKOV</i>	Moral Justification of Humanitarian Intervention in Modern Just War Theory	58

Philosophy and Political Science of War ■

<i>V.K. BELOZEROV</i>	The Political Science of War in the System of Scientific Knowledge	74
<i>A.A. SKVORTSOV</i>	Russian Silver Age Philosophy of War: Main Features	91
<i>S.A. KUCHERENKO</i>	The Concept of War in Political Realism	104

Ethical Problems of Contemporary War ■

<i>M. DEWYN (Brussels, Belgium)</i>	Risk Distribution between UN Peacekeepers and Local Civilians: An Ethical Analysis	128
<i>B. VISEKRUNA (Belgrade, Serbia), D. STANAR (Belgrade, Serbia)</i>	Military Ethics Education and the Changing Nature of Warfare	145

SCIENTIFIC LIFE

**Book Reviews, Summaries,
and Commentaries ■**

<i>A.A. SKVORTSOV</i>	Book Commentary: A.Yu. Korobov-Latyntsev. <i>Philosopher and War: On Russian Military Philosophy</i>	158
-----------------------	--	-----

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ

Теория справедливой войны.

Этические аспекты

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-7-38

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Доктрина справедливой войны: реликт прошлого или актуальность?

Дж. Томас

Международное общество военной этики в Европе, Гер, Франция

Аннотация

В статье рассмотрена проблема актуальности доктрины справедливой войны применительно к современным конфликтам. Доктрина справедливой войны, восходящая к каноническому праву западного христианства, предполагает, что злу можно противостоять силой, если нет альтернативного способа восстановления справедливого порядка. Но современные тенденции ставят под сомнение определенность и универсальность этой доктрины. С одной стороны, идеи морального релятивизма и сравнительной справедливости получили широкое распространение, потенциально пресекая употребление понятий «справедливый» и «оправданный» в отношении военных конфликтов. С другой стороны, природа войны изменяется, поскольку последняя уже не носит только кинетический характер. Автором приведены примеры, на основе которых показано, как эволюционирующий характер войны бросает вызов традиционному пониманию доктрины справедливой войны. В частности, растет угроза кибервойны, но этические критерии ее использования не определены. В отношении доктрины справедливой войны возникают вопросы о том, когда допустима превентивная кибератака, что должно считаться законными целями кибервойны и в какой степени может быть приемлем сопутствующий ущерб. Вызовом традиционному пониманию доктрины справедливой войны является и концепция гуманитарного вмешательства. На первый взгляд, гуманитарные интервенции не соответствуют критериям *ius ad bellum* доктрины справедливой войны из-за отсутствия прямой военной угрозы государству, осуществляющему интервенцию. Оправ-

дание гуманитарного вмешательства базируется на утверждении недопустимого нарушения общепринятых ценностей. Слабость данного подхода, по мнению автора статьи, заключается в предположениях о том, что ценности одних лиц выше других. Примером новых вызовов доктрине справедливой войны служит также феномен гибридной войны, т.е. многосторонний конфликт, в котором кинетическая война не является доминирующей. Организация нескольких направлений конфликта, каждое из которых призвано быть ниже порога, требующего ответа военной силой, эксплуатирует отсутствие правовых и этических норм, регулирующих эту деятельность. В заключение сделан ряд обоснованных выводов. Во-первых, чтобы доктрина справедливой войны оставалась актуальной, ее следует расширить, включив в нее вред, причиняемый некинетическими действиями. Во-вторых, различия между состояниями войны и мира должны быть пересмотрены, чтобы точнее отразить изменяющийся характер войны.

Ключевые слова: военная этика, нравственные проблемы войны, *ius ad bellum*, право вооруженных конфликтов, военное право, сравнительная справедливость, гуманитарная интервенция, некинетическая война, гибридная война.

Томас Джон – президент Международного общества военной этики в Европе (EuroISME), старший научный сотрудник Королевского института лингвистов (Великобритания).

admin@euroisme.eu

Для цитирования: Томас Дж. Доктрина справедливой войны: реликт прошлого или актуальность? // Философские науки. 2020. Т. 63. № 11. С. 7–38. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-7-38

Just War Doctrine – Relic or Relevant?

J. Thomas

International Society for Military Ethics in Europe, Guer, France

Abstract

In the article, I examine the relevance of Just War Doctrine to contemporary conflicts. Just War Doctrine, which grew out of Western Christian thinking, presupposes that evil might be confronted with force, if there is no alternative way to restore a just order. But modern trends call into question the certainty and universality of this doctrine. On the one hand, ideas of moral relativism and comparative justice have become more widespread, potentially undermining the use of the notions “just” and “justified” in relation to military conflicts. On the other hand, the nature of war is changing,

as warfare is no longer only kinetic in character. I offer examples of how the evolving character of warfare challenges the traditional understanding of Just War Doctrine. For example, there is the growing threat of cyber warfare, but the ethical criteria for its use are not defined. In relation to Just War Doctrine, questions of whether and when pre-emptive cyber attack is permissible arise, what should constitute legitimate targets of cyber warfare and to what degree collateral damage could be acceptable. Another challenge to the traditional understanding of Just of War Doctrine was the putative doctrine of humanitarian intervention. *Prima facie*, humanitarian interventions do not comply with *ius ad bellum* criteria of Just War Doctrine, because of the absence of a direct military threat to the intervening state. The justification of humanitarian intervention is based on the assertion of an intolerable violation of accepted values. The weakness of such approach, as discussed in the article, is that it implicitly assumes that one protagonist's values are superior to others. A further example of emerging challenges to Just War Doctrine is the phenomenon of hybrid war, a term used to describe a type of conflict that is multi-faceted and in which kinetic warfare is not dominant. The orchestration of several strands of conflict, each designed to be below the threshold to provoke a military response, exploits the absence of legal and ethical norms regulating such activity. I conclude the article by suggesting that, firstly, for Just War Doctrine to remain relevant, it should be expanded to include harms caused by non-kinetic actions, and, secondly, the distinctions between the states of war and peace should be redefined to reflect the changing character of war more accurately.

Keywords: military ethics, morality of war, *ius ad bellum*, law of armed conflicts, justice of war, comparative justice, humanitarian intervention, non-kinetic warfare, hybrid warfare.

John Thomas – President of the International Society for Military Ethics in Europe (EuroISME), Fellow of UK Chartered Institute of Linguists.
admin@euroisme.eu

For citation: Thomas J. (2020) Just War Doctrine – Relic or Relevant? *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 11, pp. 7–38. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-7-38

Введение. Учитывает ли доктрина справедливой войны изменения в характере войны?

Ранее вопрос о том, учитывает ли доктрина справедливой войны изменения в характере войны, казался странным практически для всех исследователей военной этики. На протяжении веков эта доктрина была настолько распространена, что стала

для исследователей, в том числе студентов, интеллектуальным воздухом, которым они дышали, и постоянным фоном любого театра военных действий. Однако в последние несколько лет возрос интерес не только к военной этике в целом, но и к актуальной в аспекте современных конфликтов доктрине справедливой войны. Многие из конфликтов не соответствуют термину «война» в его понимании предыдущими поколениями¹.

Продолжаются дебаты между «традиционалистами» военной этики, которые в значительной степени опираются на государственные и коллективистские теории Майкла Уолцера, отраженные в книге «Справедливые и несправедливые войны» [Walzer 1977], и «ревизионистами». «Традиционалисты» утверждают, например, что война требует особой этики, и действиям таких общностей, как армия или государство, можно давать коллективную оценку. В этом случае доктрина справедливой войны характеризуется как набор принципов, которые можно переинтерпретировать с учетом новых технологий и типов конфликтов. «Ревизионисты», в частности Дэвид Родин, считают, что не существует особых моральных норм, регулирующих войну. Следовательно, действия, которые приводят к смерти либо причиняют физический или моральный вред, не могут рассматриваться в рамках отдельного морального универсума, а должны подчиняться тем же нормам, что и в мирное время [Frowe 2015].

Доктрина справедливой войны среди философов рождает споры. Вместе с тем для многих юристов в сфере права вооруженных конфликтов она является, полагаем, полезным дополнением к правовому позитивизму, пусть и нечеткой, но благонамеренной этической поддержкой юридической аргументации. Даже в докладе «Истоки сдержанности на войне» представителей Международного Комитета Красного Креста (МККК), увидевшем свет в 2018 году, не сделаны ссылки на этику или доктрину справедливой войны. Хотя, признавая важность гуманитарных ценностей [Истоки сдержанности... 2019, 36–38], специалисты МККК демонстрируют значительный

¹ Об изменяющемся характере войны см., например: [Kaldor 2007; Freedman 2017].

отход от предыдущего исследования под названием «Истоки поведения человека на войне» [Истоки поведения... 2005], при этом в большей степени юридической направленности.

Развитие доктрины справедливой войны

Ранняя эволюция² доктрины справедливой войны тесно связана с христианством³. Блаженный Августин (354–430) в «О Граде Божием» признает, что в Граде земном мы не можем достичь совершенства и столкнемся с несправедливостью и злом. Чтобы восстановить справедливый порядок, у нас может не быть альтернативы, кроме как противостоять злу насилием. Но такое насилие должно быть сдержанным и минимально необходимым для восстановления порядка⁴.

Процесс эволюции доктрины справедливой войны в дальнейшем осуществлялся на протяжении многих столетий, был осложнен религиозными войнами (особенно Крестовыми походами), санкционировавшими неприкрытое насилие против нехристиан. В эпоху, когда не существовало, как правило, иного закона, кроме закона грубой силы, когда не было независимой судебной системы, даже вполне понятные принципы Августина нередко игнорировали. Ситуация начала изменяться с появлением элементарного понимания естественного права в противовес религиозному. В соответствии с этим пониманием преследование и убийство других людей только по причине того, что они были сторонниками иной веры, не считали приемлемым. Подобного мнения придерживался Франсиско де

² Краткое введение в историю доктрины справедливой войны можно найти в работе М. Эванса [Evans 2005, 1–6].

³ Отдельно ведется дискуссия о том, может ли доктрина справедливой войны иметь плодотворное глобальное применение. Одни исследователи утверждают, что она унаследована из христианской традиции и с учетом этого ее сложно рассматривать как глобальную. Другие учитывают ее античные истоки, вклад в развитие законов вооруженных конфликтов, высокую степень моральной общности с иными аналогичными теориями и полагают, что эта доктрина может быть применима в мире в целом.

⁴ Используя более современную терминологию, можно утверждать, что доктрина справедливой войны «не является перфекционистской, потому что признает косвенную возможность агрессивной войны и конвенционалистскую возможность того, что пацифистское непротивление приведет к гибели невинных людей» [Brunk, Secrest, Tamashiro 1990, 87].

Витория (1492–1546) в контексте жестокого завоевания Южной Америки испанцами⁵. Гуго Гроций (1583–1645) развил понятие естественного права в своем монументальном труде «О праве войны и мира», при написании которого обращался к религиозной, античной литературе, произведениям современных писателей. Гроций пишет о том, что «непоколебимо убежден в существовании в международных сношениях некоего общего права, сохраняющего силу для войны и во время войны» [Гроций 1994, 51].

Наряду с развитием философских основ доктрины справедливой войны развивалось и право войны и мира. Вестфальский мир, положивший конец Тридцатилетней войне (1618–1648), среди прочего изложил выработанные основные принципы национального суверенитета и сосуществования национальных суверенных государств. Его значение для доктрины справедливой войны состоит в том, что сложившийся принцип – государство является единственным субъектом, который может на законных основаниях объявить войну и от своего имени ее вести, – впоследствии стал частью философской, политической и правовой мысли.

Итак, развитие правового позитивизма в XIX веке опередило развитие военной этики (и, следовательно, доктрины справедливой войны). Правовой позитивизм основан на концепциях Томаса Гоббса (1588–1679) и предполагает, что к действующим законам относятся только те, которые приняты правительственным или политическим учреждением. Теория правового позитивизма исходила из того, что в отсутствие суверенного закона естественное состояние человечества – это состояние самосохранения, которое ведет к войне. Концепции Гоббса оказали значительное влияние на его последователей. Считая государство суверенным, Гоббс (что может показаться спорным) не предлагал какой-либо формы всеобъемлющей межгосударственной (международной) структуры.

Тем не менее идея о том, что поведение во время войны должно быть ограничено международными правилами и

⁵ См. его лекции «Об индейцах и о праве войны» (*De Indis et De iure belli*, 1532).

положениями, была влиятельной. Она посеяла семена таких международных актов и структур, как Женевские конвенции, Гаагские конвенции, Нюрнбергский и Токийский трибуналы после Второй мировой войны. Однако этическая проблема, связанная с юридическим позитивизмом, включает в себя как минимум три проблемных вопроса. Во-первых, могут быть ошибки (или даже злой умысел) при принятии законов. Во-вторых, законодательство можно изменить, и то, что было законным сегодня, станет незаконным завтра (или наоборот). Третья проблема – исключить, чтобы даже при отсутствии действующей государственной власти противники действовали бы аморально или неэтично. Отсутствие государственной власти может наблюдаться, например, во время гражданской войны, когда легитимность политической власти может быть оспорена (см.: [Moseley 2011]).

После Второй мировой войны наблюдался значительный рост размышлений о военной этике, частично начатый с отрицания «нюрнбергской защиты» по принципу «я просто выполнял приказы». Затем в течение нескольких десятилетий центральное место занимала этика ядерного сдерживания. С конца XX века и по настоящее время философы, мыслители, изучающие военные события, вынуждены разрешать этическую сложность современных конфликтов: прокси-войн (т.н. войн чужими руками), «войн среди людей»⁶, международного терроризма, войн с негосударственными акторами, множеством иных сложностей, включая некинетические⁷ формы агрессии.

Вестфальская модель оставалась основой международных отношений в течение нескольких столетий. С созданием Лиги Наций, после ужасов Первой мировой войны, возникает международная (в отличие от национальной) парадигма предотвра-

⁶ «Войной среди людей» (*war amongst the people*) Руперт Смит называл войны, в которых государство противостоит не другому государству, а различным военизированным формированиям на территории страны проведения операции (например, война в Ираке, война в Афганистане) [Smith 2005]. – *Прим. пер.*

⁷ Некинетические формы агрессии – это формы агрессии, которые не предполагают использование физической силы и не способны привести к летальному исходу. Кинетическая война – «традиционная» война с применением летального оружия. – *Прим. пер.*

щения и разрешения межгосударственных споров. Несмотря на то, что Лига Наций была создана ввиду стремления к высоким идеалам, ее деятельность не увенчалась успехом, о чем свидетельствует факт развязывания Второй мировой войны. На смену ей пришла Организация Объединенных Наций. Но и в Уставе ООН, вероятно, окончательном выражении того, как должны регулироваться межгосударственные отношения, присутствует Вестфальская модель⁸. В Уставе ООН созданы механизмы не только для предотвращения вооруженного конфликта, но и для санкционирования войны в случаях, если это считается законным и неизбежным (главы VI и VII Устава).

Если рассматривать совокупно этапы развития доктрины справедливой войны, достижения в области военных технологий и изменения гражданского общества, то на первый взгляд непонятно, имеет ли сегодня доктрина, которая постулирована в V веке н.э., геополитическое значение. Насколько это действительно важно и актуально? Предлагаем на основе анализа трех примеров попытаться понять, в какой степени доктрина справедливой войны остается (или не остается) актуальной для современных конфликтов.

Что такое «справедливая» война?

Прежде всего необходимо ответить на вопрос о том, что мы имеем в виду, когда называем войну «справедливой». «Справедливый» (*just*) – неточное и субъективное понятие, означающее «честный» (*fair*) или «морально правильный». Почему же мы не можем быть более точными и говорить о «законной» или «легальной» войне, если существует объемный свод норм международного гуманитарного права и ООН, члены которой могут проголосовать за то, чтобы сделать войну «законной»?

⁸ Статья 2.1. Устава ООН гласит: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов». Статья 2.7 Устава ООН гласит: «Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII».

В равной мере мы не говорим и об «оправданной» или «оправдаваемой» войне.

Такая неточность характеризуется одновременно и как помощь, и как помеха. «Справедливость» – слово, схожее со словами «порядочность» (*integrity*) или «лидерство», о которых все говорят, что понимают их суть, но многие не могут дать четкое определение. «Справедливый» – это слово, позволяющее действующим лицам «справедливой войны» лучше относиться к тому, что они делают, чувствовать, что они морально честны и поступают правильно. Однако возникают проблемные вопросы, требующие ответов. Во-первых, вопрос о том, что происходит, когда обе стороны считают, что они ведут справедливую войну; во-вторых, о чьей именно морали мы говорим при этом; в-третьих, возможно ли начать справедливую войну, полностью основанную на легалистской реальной политике (*realpolitik*) при отсутствии какой-либо морали. Афиняне в диалоге с мелосцами⁹, безусловно, думали об этом, и многие правители на протяжении веков считали выживание государства более высоким моральным благом, чем общепринятая мораль (или даже законность).

Доктрина справедливой войны, с нашей точки зрения, уходит корнями в христианство (западное), когда она изначально постулировалась Августином, предназначалась для применения в мире, каким он его знал. Хотя мы сегодня живем в эпоху, которая, возможно, имеет еще менее определенную систему морали, чем эпоха Августина, необходимость морали редко подвергается сомнению. Более распространены вопросы о том, что подразумевается под понятием морали и чья мораль важнее. Нравственность все больше становится внутренним вопросом личных предпочтений. Христианская мораль, находящаяся

⁹ В «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида представлен диалог между жителями острова Мелос и афинянами, требующими от мелосцев под угрозой уничтожения отказаться от нейтралитета в Пелопоннесской войне и присоединиться к Афинскому морскому союзу. При этом каждая сторона приводит аргументы в защиту справедливости и разумности своей позиции. Афиняне не смогли убедить мелосцев и предприняли осаду острова, по завершении которой мужчины-мелосцы были казнены, а их жены и дети проданы в рабство. – *Прим. пер.*

в основе большей части современного западного общества и поведения, уже не доминирует. Все меньше людей посещают церкви¹⁰, и религиозное образование в большинстве школ уже не сводится к представлению перед детьми единого понятия, а скорее, напоминает «шведский стол» вероисповеданий, из которых они могут «выбирать»¹¹. Христианское наследие Европы заменено в Лиссабонском договоре, подписанном на саммите Евросоюза, т.е. речь уже идет о выражении «культурное, религиозное и гуманистическое наследие Европы». Шагом в ином направлении можно признать изменения, внесенные в 2020 году в Конституцию России, в которой теперь упоминается Бог.

Сегодня, в эпоху морального релятивизма, многие считают, что не существует (и не должно быть) единой всеобъемлющей морали, направляющей действия каждого. Хотя может существовать согласие относительно ряда вопросов морали, таких как запрет на убийство. Все чаще индивидуальная мораль определяется индивидуальной интерпретацией нравственности поступков, например, в случае супружеской измены или лжи. Данная тема может быть интересна любому в мире, особенно социологам и психологам. В контексте последствий она имеет отношение и к доктрине справедливой войны.

На протяжении веков римско-католическая церковь была своего рода маяком моральной определенности в богословских вопросах. Но в 1983 году произошел уход от этой позиции определенности, когда в папском письме о ядерном сдерживании, выпущенном Национальной конференцией католических епископов США [The Challenge of Peace... 1983],

¹⁰ В Великобритании, по оценкам специалистов, посещаемость церкви снизилась у 11,8 % населения (в 1980 году) до 5 % (в 2015 году). (Источник: издания «Religious Trends» под редакцией Питера Брайерли.— URL: <http://www.brin.ac.uk/figures/church-attendance-in-britain-1980-2015/>)

¹¹ Например, согласно руководству по религиозному образованию британского Департамента по делам детей, школ и семьи, «изучение религии должно основываться на юридических требованиях и обеспечивать соответствующий баланс между христианством, иными основными религиями при необходимости религиозными традициями и мировоззрениями на всех ключевых этапах, имея соответствующие отсылки к другим частям учебной программы по разным предметам» [Religious Education... 2010, 23].

была введена концепция сравнительной справедливости, или сравнительного правосудия (*comparative justice*)¹². Вместе с тем нельзя не обратить внимание на возрождение концепции Вестфальского «суверенного государства»:

Категория сравнительной справедливости призвана подчеркнуть презумпцию против войны, которая стоит в начале учения о справедливой войне. В мире суверенных государств, не признающих ни общего морального авторитета, ни центрального политического авторитета, сравнительная справедливость подчеркивает, что ни одно государство не должно действовать на том основании, что на его стороне «абсолютная справедливость». Каждая сторона в конфликте должна осознавать ограниченность своего «справедливого дела» и вытекающее из этого требование использовать только ограниченные средства для достижения своих целей. Сравнительная справедливость не только не узаконивает менталитет Крестовых походов, но и призвана уравновесить абсолютные требования, ограничить применение силы даже в «оправданном» конфликте [The Challenge of Peace... 1983, пункт 93].

Представление о том, что римско-католическая церковь выступает в качестве сторонника морального релятивизма (даже если только в теоретическом плане, в контексте ядерного сдерживания), можно рассматривать как ее резкий уход от прежней твердой веры в моральную определенность. Идея морального релятивизма находит отражение в доктрине Тони Блэра о «гуманитарном вмешательстве». В ней он интерпретировал доктрину справедливой войны через призму гуманизма, оправдывая моральный долг вести войну исключительно в моральных целях. Католические епископы косвенно предупреждали о нравственной ущербности предполагаемого аргумента в пользу войны, а Блэр заявлял о том, что его высокая нравственность фактически превосходила стандартные параметры *ius ad bellum*.

Одна из неявных предпосылок доктрины справедливой войны состоит в том, что войны были, по сути, кинетическим процессом, в ходе которого комбатанты бросали свое оружие (или самих себя) в ожесточенные сражения с противником.

¹² В русскоязычной литературе понятие *comparative justice* переводят и как «сравнительное правосудие». – Прим. пер.

До недавнего времени ни одно из крупных достижений в военной технике не внесло существенных изменений в эту парадигму. В любом случае выпущено что-то очень твердое и опасное с намерением причинить вред: будь то камень, брошенный из метательной машины, или кассетная бомба, сброшенная с самолета. Даже знаменитая максима Карла фон Клаузевица («война – это продолжение политики другими средствами»¹³) не предполагает наличия непрерывного континуума между войной и миром. Скорее, речь идет о том, что мир и война – два состояния, которые имеют разные характеристики.

В настоящее время различия между войной и миром все более стираются (см.: [Whetham 2016]), представляя собой и богатый пласт дебатов для философов, и то, что имеет реальные последствия для политиков, населения и безопасности в целом. Например, убийство (при определенных обстоятельствах), разрушение инфраструктуры противника допустимо на войне, но не в мирное время. Как отличить преступление от военного преступления, если война и мир неразличимы? В Римском статуте Международного уголовного суда проводится юридическое различие между актами агрессии и преступлениями агрессии. Однако даже этот тщательно подготовленный документ может иметь ограниченную ценность, поскольку в основе его аргументации, в частности в статье 8 bis (2) Римского статута, находится положение о том, что акт агрессии является «...применением вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства» [Rome Statute... 2011, 7]. Далее он определяет акты (и преступления) агрессии исключительно с точки зрения физических действий, предпринятых в основном вооруженными силами государства, за исключением статьи 8 bis (2)(g)¹⁴. В Римском статуте не упо-

¹³ Дословно у Карла фон Клаузевица: «Война есть только продолжение политики иными средствами». Обычно цитируется как «война – это продолжение политики другими средствами».

¹⁴ В статье 8 bis (2)(g) как акт агрессии квалифицируется использование одним государством иррегулярных вооруженных формирований против суверенитета или территориальной целостности другого государства. – *Прим. пер.*

минаются, например, понятия кибервойны или манипулирования информацией. Агрессия определяется исключительно в кинетических терминах (см. также: [Einarsen 2012]).

Данный документ также не позволяет установить ряд фактов, в том числе связанных с тем, как квалифицировать строительство Китаем военных баз в международных водах Южно-Китайского моря. Согласно одной из интерпретаций, строительство баз в международных водах может не быть актом агрессии, поскольку речь идет не об агрессии в отношении другого государства. Но сегодняшние предупреждения со стороны Китая в адрес самолетов и судов о том, чтобы они держались подальше от этих баз, можно рассматривать, на наш взгляд, в качестве такого акта.

Пример 1. Атака *Stuxnet* на ядерные центрифуги Ирана в 2007 году

Ядерная программа Ирана восходит к 1950-м годам, когда он был союзником западных стран, в том числе США. Она была практически полностью остановлена во время Иранской революции 1979 года в значительной степени из-за личного противодействия аятоллы Хомейни ядерному оружию. Неслучайно большинство ученых-ядерщиков покинули страну. Но ядерные амбиции государства не умерли. На протяжении десятилетий страна обращалась за помощью к Китаю, Пакистану и России, чтобы возродить ядерную программу. В 2003 году Иран согласился приостановить программу ядерного обогащения, но в 2006 году возобновил работу на своем объекте в Натанзе. Множество различных нарративов связаны с соглашением о прекращении обогащения и решением о перезапуске. В данном случае обогащение фактически возобновилось.

Однако в течение нескольких лет центрифуги в Натанзе выходили из строя, некоторые даже взрывались. Сначала считали, что причиной является неисправное оборудование, но замена оборудования не привела к улучшениям. Не обнаружены неисправности в компьютерах, управляющих оборудованием для точной, но относительно простой операции. К сожалению иранских инженеров, они искали не в том месте, поскольку

«вина» заключалась в программном обеспечении, установленном на компьютерах. С точки зрения иранцев, данная причина казалась неправдоподобной, т.к. ни одно из их устройств не было подключено к Интернету, следовательно (по крайней мере в теории), не подвержено атаке вредоносного программного обеспечения. Установлено, что источником атаки стала программа *Stuxnet* – очень сложный код, точно нацеленный на управлявшее центрифугами программное обеспечение *Siemens WinCC/PCS 7 SCADA* и только на управление этими центрифугами [Singer 2015]. Таким образом, он был безвреден во всех других ситуациях, но очень эффективен в среде, для которой разработан.

Описанное нападение вызывает два этических вопроса в отношении доктрины справедливой войны. В первую очередь, возникает вопрос о том, допустимо ли какое-либо *упреждающее* нападение на центрифуги. Многие страны опасались, что Иран намеревается произвести ядерное оружие. До этого, вероятно, оставалось по крайней мере несколько лет. Тем самым не существовало непосредственной угрозы, которая могла бы оправдать *превентивное* нападение. Но это нападение имело иную природу, чем все предыдущие атаки. Был нанесен ущерб только неодушевленным машинам, полученным незаконным путем и применявшимся, полагаем, в незаконных целях. Ни один человек не был убит или ранен, и, кроме центрифуг, остальное оборудование не пострадало на объекте. Код вируса *Stuxnet* предполагал, что он будет влиять лишь на компьютеры, на которых запущено программное обеспечение *Siemens* для точного количества центрифуг в Натанзе. Несмотря на то, что впоследствии вирус найден в другом месте, это было не более чем безвредное присутствие. К тому же вирус был заранее запрограммирован на самоуничтожение в 2012 году.

Необходимо подумать о том, чтобы обстоятельства этой атаки не применялись широко во избежание превентивных кибератак, поскольку используемое для них оружие представляет собой компьютерный код, а не бомбы или пули. Цель атаки состояла в том, чтобы нанести ущерб (в идеале постоянный ущерб) ядерному потенциалу Ирана. Следовательно, рожда-

ется вопрос о том, следует ли проводить различие в доктрине справедливой войны между атакой, которая не нанесла побочного ущерба людям или инфраструктуре, и атакой, которая могла бы такой ущерб причинить¹⁵. И нужно ли проводить дальнейшее различие между атакой (с применением *Stuxnet*), нацеленной на потенциальную разработку оружия, чтобы не дать ему появиться в арсенале потенциального врага, и атакой, предназначенной для кражи технологий (как, например, в случае с вирусом *Flame* [Kushner 2013]), чтобы использовать их в собственных целях?

Нельзя не учитывать намерение и последствия этой атаки. Цель нападения – спасение многих жизней, которым угрожала опасность, если бы Иран разработал ядерное оружие. Этот риск включает в себя не только катастрофические последствия применения такого оружия (и возмездие за это), но и риск дестабилизации одного из самых нестабильных регионов мира в дальнейшем. Относительно последствий отметим, что атака *Stuxnet* была очень сложной и успешной и с точки зрения поражения выбранной цели, и с точки зрения предотвращения утечки в более широкое киберпространство.

Однако вопрос о намерении и последствиях применим ко всем кибератакам, а не только к атаке *Stuxnet*, которую многие сочли бы оправданной. Что произошло бы, если бы будущая атака была менее успешной в приведенном выше контексте, и нанесла ущерб не только основной военной цели, но и финансовым рынкам или гражданским энергетическим или транспортным системам управления, например, системе управления воздушным движением? Данный вопрос остается открытым. Одна из отличительных черт кибервойны заключается в том, что долгосрочные эффекты не всегда могут быть точно рассчитаны во времени и пространстве, как при использовании кинетического оружия. Пуля убийцы способна поразить главу государства, а ракета, выпущенная дроном, может убить тер-

¹⁵ Возникает вопрос о том, отличалось ли нападение посредством вируса *Stuxnet* от нападения Израиля на иракский ядерный объект в Аль-Тувайтхе (операция «Вавилон») в 1981 году, когда иракские ядерные реакторы были физически уничтожены бомбами в результате упреждающего нападения.

рориста. Но оружие, из которого выпущена пуля или ракета, не приводится в действие случайно, убивая или нанося вред непреднамеренным целям.

Кибератаки могут быть задействованы и как акты мести, в качестве возмездия за торговые санкции, и для критики авторитарных режимов, а также в целях саботажа или кражи промышленных и государственных секретов. Следовательно, намерение может быть мстительным, а не оправданным предотвращением будущих конфликтов.

Пример 2. Доктрина гуманитарного вмешательства Тони Блэра

Доктрина гуманитарного вмешательства сформулирована в речи, которую Тони Блэр произнес в Чикагском экономическом клубе в 1999 году, в период военных потрясений на Балканах, где бушевала межэтническая война. Ситуация в это время была критической, и Блэр пытался убедить Билла Клинтона в том, чтобы задействовать наземные силы. Клинтон не соглашался, понимая, что войска, в основном состоящие из американцев, подвергаются риску, и учитывая, что приближались промежуточные выборы (и ему необходимо было разрешить ситуацию, вызванную скандалом с участием Моника Левински). После нескольких безуспешных попыток министров Великобритании изменить позицию администрации США Блэр и выступил с речью в Чикагском экономическом клубе во время запланированного визита в Вашингтон, изложив свой подход к международным отношениям, в том числе на уровне политики, экономики и безопасности.

Он начал выступление с утверждения о том, что «это (операция в Косово. — *Дж. Т.*) — справедливая война, основанная не на каких-либо территориальных амбициях, а на ценностях». О каких и чьих ценностях идет речь? Кампания в Косово не была санкционирована Организацией Объединенных Наций (где Россия наложила бы на нее вето) и не была войной в целях самообороны, типом войны, изначально санкционированным как Уставом ООН, так и столетиями обычного права. Юристы в министерстве иностранных дел Великобритании обеспокоены

тем, что кампания в Косово не была законной. Между тем Тони Блэр и министр иностранных дел Великобритании Робин Кук решили, что «война может не быть законной, но у нее есть вся необходимая международная легитимность» [Kampfner 2003, 41]. Далее Блэр изложил свой подход к будущим конфликтам:

Но теперь мы должны создать новую основу. Наше существование как государства больше не находится под угрозой. Теперь наши действия руководствуются более тонким сочетанием взаимного личного интереса и моральной цели в защите ценностей, которыми мы дорожим. В конце концов ценности и интересы сливаются [Blair 1999].

Прежде чем принять решение о начале войны, он представил свои «соображения», все за и против:

Во-первых, уверены ли мы в данном случае? Война – несовершенный инструмент для устранения гуманитарных бедствий, но вооруженная сила иногда является единственным средством борьбы с диктаторами.

Во-вторых, исчерпали ли мы все дипломатические возможности? Мы всегда должны давать мирному процессу все шансы, как мы это сделали в случае с Косово.

В-третьих, исходя из практической оценки ситуации, можем ли мы разумно и осмотрительно проводить какие-то военные действия?

В-четвертых, готовы ли мы к долгосрочным действиям? Раньше мы слишком много говорили о стратегиях выхода. Но, взяв на себя обязательство, мы не можем просто уйти, когда битва закончится. Лучше оставаться с умеренным количеством войск, чем возвращаться для повторных действий с большим количеством войск.

И, наконец, есть ли у нас национальные интересы? <...> Я не утверждаю, что это абсолютные критерии. Но это те вопросы, о которых нам нужно подумать, решая в будущем, когда нам вмешиваться и будем ли вообще [Blair 1999].

Очевиден проблемный характер изложенного подхода Блэра. В частности, он предполагает, что его ценности и интересы выше других. Это несложно понять в случае защиты перед лицом зверств и варварства, но такая позиция перекликается с «цивилизаторскими» мотивами европейских колонизаторов, завоевавших большую часть Африки в XIX веке. Последние искренне верили в то, что несут мораль (христианство)

коренным народам и что личные интересы их родных стран важнее интересов африканских народов. По их мнению, это оправдало оптовый экспорт драгоценных металлов и оптовое присвоение собственности и земли. Блэр руководствовался же лишь гуманитарными помыслами. Но ценности и личный интерес (взаимный или иной) не являются изолированными объективными критериями.

Смелое утверждение Блэра о том, что Косово было справедливой войной, если подразумевается, что нужно применять традиционные принципы *ius ad bellum* справедливой войны, не выдерживает критики при его сопоставлении с такими критериями. Команда юристов министерства иностранных дел также была встревожена идеей вмешательства, основанной исключительно на ценностях премьер-министра [Kampfner 2003, 53]. Британские дипломаты впоследствии пытались превратить видение Блэра в надлежащую стратегию, но это им не удалось. Следовательно, интеллектуальная подоплека интервенционистского подхода Блэра была неубедительной и не столь обоснованной, как он представлял. В дальнейшем установлено, что Блэр сомневался [Bloomfield 2019], высказывая предположение о необходимости еще двух дополнительных критериев: «Если вы имеете дело со страной, где будет сильное исламистское влияние... чей целью будет дестабилизировать то, что вы пытаетесь сделать... будут те, кто готов убивать и умирать ради этого». Еще один довод в большей мере связан с внутренней политикой, чем с вмешательством как таковым, и Блэр формулирует это следующим образом: «Я думаю, что это трудно предпринять, если это будет долгосрочный проект, а ваша собственная страна разделена в отношении этого» (цит. по: [Bloomfield 2019]).

Поражает смена расстановки акцентов Блэром, заключающихся в том, что первые пять соображений предшествовали войне в Ираке, а последние два – разработаны после нее. Поэтому можно предположить, что эти последние критерии служат прямым результатом хаоса, наступившего в Ираке после вторжения, и внутривнутриполитической критики в адрес Блэра, когда он настаивал на вторжении. Однако, несмотря на критику

подхода Блэра к гуманитарному вмешательству, который считали наивным, политически конъюнктурным или ошибочным, он был по крайней мере прозрачным. Тем не менее вопрос о прозрачности при оправдании вторжения в Ирак все еще служит предметом интенсивных дискуссий. Блэр рассказал миру в Чикаго о своем видении вектора движения. Такая прозрачность контрастирует с большей частью стратегии и тактики, применяемых в гибридной войне, которая гораздо чаще характеризуется преднамеренным запутыванием и отрицанием.

Пример 3. Гибридная война

Возможно, «гибридная война» – современный термин для обозначения древнего явления. Войны нередко сопровождались скрытым или явным принуждением, пропагандой, экономической блокадой, подрывной деятельностью и шпионажем. Вторая мировая война включала в себя все эти явления, а также физическое насилие, но ее нельзя назвать гибридной войной. Кинетические элементы этой войны были в значительной степени подчинены кинетическим. Это соответствовало идее «традиционной» войны, в которой вооруженные силы в униформе противостоящих государств вели кровопролитные сражения друг с другом, пусть даже и на «поле битвы», простиравшемся через всю континентальную Европу и Северную Африку.

Поэтому, пытаясь определить, что означает понятие гибридной войны, логично вспомнить о типе конфликта, в котором кинетический элемент не обязательно играет доминирующую роль. Гибридная война – быстро развивающееся явление с множеством определений, что неудивительно по двум причинам. Суть первой состоит в том, что ввиду новизны развивающегося явления не успело сформироваться единое устоявшееся определение. Вторая причина более тесно связана с природой гибридной войны, поскольку отсутствие четкого определения позволяет агрессорам оспаривать или опровергать утверждения о том, что они каким-либо образом совершают акт войны. Некоторые даже оспаривают саму идею «гибридной войны» (см., например: [Van Puyvelde 2015]). Но будет здесь длительного анализа, я решил примет следующее определение.

Гибридная военная деятельность – это «синхронное использование нескольких инструментов власти, адаптированных к конкретным уязвимостям по всему спектру социальных функций для достижения синергетических эффектов» [Cullen, Reichborn-Kjennerud 2017, 8]. В этом определении присутствуют три наиболее значимых понятия. Первое – «множественные инструменты власти», второе – «уязвимости», третье – «синергетический». Многочисленные инструменты власти можно разделить на пять категорий: военные, политические, экономические, гражданские и информационные (*military, political, economic, civil and information – MPECI*) [Cullen, Reichborn-Kjennerud 2017, 9]. Утверждается, что эти инструменты могут применяться с различной интенсивностью и в разных пропорциях с течением времени (что в исследовании характеризуется как вертикальная и горизонтальная эскалация). Ключевая идея состоит в том, что степень эскалации и деэскалации является результатом сознательного планирования.

Акцент на уязвимостях не менее важен. В так называемой традиционной войне сильная сторона, вероятно, играет более важную роль, чем уязвимая атакуемая. В гибридной войне это соотношение обратное: именно уязвимости становятся ключевыми детерминантами стратегии. Анализ уязвимостей уже не ограничивается военной сферой, но может включать в себя слабости в экономических, политических, гражданских и информационных сферах. В такой войне открывается очень широкий фронт действий. Значимой становится «синергия», поскольку совокупный эффект этих действий должен быть больше, чем просто сумма их частей. В идеале действия должны усиливать друг друга таким образом, чтобы их противодействие было затруднено. Тем более что среди особенностей гибридной войны – управление каждым из пяти ее элементов (*MPECI*), чтобы каждый индивидуально оставался на уровне, не вызывающем беспокойства или ответа, в то время как общий эффект имел бы дестабилизирующее воздействие.

«Туман войны» – это выражение, передающееся из поколения в поколение для описания сложности принятия решений в военное время. «Туман» – сокращенный вариант

неразберихи и хаоса, неизбежных побочных продуктов вооруженных конфликтов. Одновременно это указывает на одно из главных отличий гибридной войны от «традиционной». В гибридной войне «туман» или неоднозначность (*ambiguity*) становится объектом стратегии, а не ее побочным продуктом. Приведем более строгое определение: «Неоднозначность целесообразно определить как “враждебные действия, которые государству трудно идентифицировать, приписать или публично определить как принудительное использование силы” [Mumford, McDonald 2014]. Неоднозначность характерна для усложнения или подрыва процессов принятия решений оппонентом. Она конфигурируется таким образом, чтобы затруднить военный или даже политический ответ. С военной точки зрения она предназначена для того, чтобы быть ниже порога войны и лишить легитимности (или даже сделать политически иррациональным) возможность ответа военной силой» [Reichborn-Kjennerud, Cullen 2016, 2].

Если неотъемлемой частью стратегии гибридной войны служит проведение действий, находящихся ниже порога чувствительности радаров атакуемого противника, снова возникает вопрос об ущербе. Показателен случай при этом, если государство *A* предлагает построить гражданскую атомную электростанцию по бросовой цене на территории государства *B*, сэкономив для государства *B* много денег в краткосрочной перспективе, но сделав его зависимым от технологий и опыта государства *A* в долгосрочной перспективе. Это – потенциальный или фактический ущерб? Этот аргумент применим и к ситуации предоставления основных компонентов в инфраструктуре связи 5G. Строительство Китаем искусственных островов в Южно-Китайском море служит примером тактики, которая вызвала беспокойство. Но пока ни одна из стран не пришла к выводу о том, что такие действия преодолели порог для военного ответа и выходят за рамки «демонстрации силы» предположительно из-за отсутствия на сегодняшний день какого-либо фактического ущерба морскому судоходству¹⁶.

¹⁶ Об обсуждении вопроса ущерба в гибридных войнах подробнее см.: [Whetham 2016].

В наш «век информации», когда те или иные данные – наиболее ценный товар, который можно сравнить с ценившимися во все времена золотом, сахаром и нефтью, виртуальное пространство, где добывается, хранится и распространяется информация, стало одним из основных полей битвы гибридной войны. Например, ИГИЛ (запрещенное в России) использовало высококачественную онлайн-продукцию как эффективный инструмент для открытой вербовки и пропаганды. Если и были сомнения в силе социальных сетей, их убедительно развеяла реакция на видео со смартфона, на котором полицейский Миннеаполиса придавил коленом шею Джорджа Флойда. В считанные дни выставленное в интернет видео спровоцировало всемирное движение *Black Lives Matter*. Это видео не относится к категории фейковых новостей (и не было актом гибридной войны), но оно показывает, к каким стремительным глобальным последствиям может привести событие в одной стране. Его поразительный всемирный эффект заметят, скорее всего, и те, кто заинтересован в манипулировании информацией в собственных целях.

Новости не всегда правдивы или точны, однако оказывают свое влияние. Так, Ницан Циммерман, специалист по созданию вирусного контента, генерирующего большой интернет-трафик, в 2014 году сделал смелое заявление: «В настоящее время неважно, настоящая ли история. Единственное, что действительно имеет значение, это то, нажимают ли на заголовок новости люди». Факты, по его утверждению, закончились: «они пережили эпоху печатного станка, когда у читателей не было выбора». При этом Циммерман продолжил: «Если человек не делится новостью, это, по сути, не новость» (цит. по: [Viner 2016]). Эта тенденция усугубляется алгоритмами, которые подают новости пользователям интернета на основе их известных предпочтений, что укрепляет существующие предрассудки.

В качестве примера гибридной войны нового типа исследователи часто приводят конфликт между Украиной и Россией. Многие полагали, что присутствовавшие в Крыму т.н. «зеленые человечки», имеют отношение к российским вооруженным силам. Такие анонимные силы (без знаков различия), конечно,

играли важную тактическую роль, но более важная, основная часть гибридной тактики осуществлена все-таки на стратегическом политическом и экономическом уровне.

Украина зависела от импорта российского газа и имела очень высокий уровень международного долга. Использование Россией этих фундаментальных слабостей¹⁷, а в некоторых случаях их обострение за счет дешевого газа и дешевых кредитов, сделало президента Виктора Януковича уязвимым при давлении со стороны РФ в целях того, чтобы он не подписал соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС. Метод кнута и пряника, повышение и снижение цен на газ, предложение и аннулирование кредитов, применение неблагоприятных механизмов индексации цен и подача огромного арбитражного иска о компенсации фактически дестабилизировали руководство Украины. Политические и экономические рычаги применялись в некоторых случаях в сочетании с более откровенной военной тактикой, вытекающей из необходимости защиты этнических русских. В соответствии с «передовой практикой» гибридной войны действия России сознательно сдерживались ниже порога военного вмешательства, и смысл этих действий не был очевиден до последнего момента.

Но гибридная война не всегда проходит в масштабах территориальной аннексии. Часто гибридную войну невозможно отличить от политического давления. Так, в январе 2016 года тринадцатилетняя немецкая девочка русского происхождения (Лиза Ф.) заявила, что ее изнасиловали мигранты. Как впоследствии установлено полицией, обвинение в адрес мигрантов было бездоказательным. Но до того, как это случилось, Министерством иностранных дел России было направлено в посольство Германии в Москве требование о проведении полного расследования, а министр иностранных дел России Сергей Лавров обвинил власти Германии в недопустимом бездействии. Предпринятые дипломатические действия позволили развер-

¹⁷ Например, некоторые исследователи к уязвимостям Украины относят слабые макроэкономические показатели, высокий уровень государственного долга, поставки газа и транзитные контракты между Россией и Украиной, российские кредиты Украине, высокую степень зависимости Украины от российского газа [Cullen, Reichborn-Kjennerud 2017, 16].

нуть широкую кампанию в средствах массовой информации. Позднее в немецкой прессе распространяли мнение о том, что основной целью российской медийной кампании было дестабилизировать кабинет Ангелы Меркель в тот момент, когда она и без того испытывала политическое давление в связи с ее политикой предоставления убежищ для мигрантов.

В 2007 году Эстония решила перенести бронзовую статую советского солдата Второй мировой войны с площади в центре столицы на менее заметное место. Русская община Эстонии (26 % от общей численности населения страны) расценила этот шаг как оскорбление и пример дискриминации русских. Данные действия привели к политической напряженности, и Россия выразила протест правительству Эстонии. Затем последовала целенаправленная кибератака на критически важную инфраструктуру страны. Это стало бы значительным ударом для любого государства, но особенно болезненно было для Эстонии, одной из самых цифровизированных стран того периода в мире (см., например: [Herzog 2011; Grassegger, Krogerus 2017]) и, следовательно, наиболее уязвимой для кибератак. В первый день атаки через сети передачи информации страны использовалось две тысячи пакетов данных в час. В разгар атаки указанная цифра выросла до четырех миллионов пакетов данных в секунду. Атаки прекратились только 19 мая, когда эстонское правительство отключило компьютерную сеть всей страны.

Гибридная война носит комплексный характер и требует как разработки сложной стратегии, так и ресурсов для ее реализации на нескольких фронтах одновременно. Это также предполагает, что государство, желающее проводить кампанию гибридной войны, уже имеет достаточное военное, политическое, экономическое, гражданское и информационное влияние (фактическое или потенциальное) для оказания давления на противника на этом широком фронте.

Так, маловероятно, что небольшое Княжество Андорра в Европе (пример чисто гипотетический) сможет вести гибридную войну против Китая или США. Следовательно, на данный

момент только более могущественные государства могут реализовать различные компоненты гибридной стратегии скоординированным и контролируемым образом. Это также отличается от чисто кибервойны, поскольку небольшие, но технологически продвинутые государства способны применять как наступательные, так и оборонительные стратегии кибервойны.

Как указывалось выше, сама природа гибридной войны может затруднить доказательство. Эта неопределенность не только позволяет агрессорам отвергать выдвинутые против них обвинения, но также позволяет выдвигать обвинения против государств, которые могут быть невиновны в ведении гибридной войне, а просто предпринимают решительные (но законные) действия.

Заключение?

Знак вопроса после слова «заключение» отражает тот факт, что нет точного ответа на вопрос, актуальна ли доктрина справедливой войны или она становится пережитком прошлого. Решение в отношении того, начинать войну или нет – это не проставление «галочек» в клетках критериев права на ведение войны (*ius ad bellum*) доктрины справедливой войны. Такие моральные императивы, как право на самооборону и отказ от убийства невиновных сторон, могут вступать в противоречие [Fisher 2011, 24]. Хотя военачальников все больше обучают законам и этике ведения войн (*ius in bello*), в целом верно утверждение о том, что политические лидеры крайне не обучены этике и законности инициирования войны (*ius ad bellum*). Судьбоносное решение о начале войны в Персидском заливе в 2003 году показывает, каким существенным недостатком может быть отсутствие образования и подготовки.

Очевиден тот факт, что доктрина справедливой войны имеет ряд недостатков в сравнении с современными конфликтами, например, в отношении гражданских войн¹⁸, терроризма (осо-

¹⁸ По оценкам ООН, 800 000 человек убиты вследствие резни в Руанде и 400 000 человек – в ходе Гражданской войны в Сирии. В эти цифры не

бенно, если они предпринимаются прокси-группой от имени другого государства) или некинетических атак, которые причиняют экономический или политический ущерб, а не физический вред или ранение. Мы живем в мире, где некоторые корпорации обладают большей властью и влиянием, чем многие национальные государства, и где могущественные и жестокие наркокартели могут обладать огневой мощью небольших армий¹⁹. Было бы нелепо утверждать, что компании *Facebook*, *Google* и *Instagram* имеют какие-то враждебные намерения, но их способность передавать информацию (манипулируемую или нет) огромному количеству пользователей за считанные секунды может быть важным непреднамеренным способом влияния на тех, кто стремится причинить вред²⁰. И наоборот, скорость и гибкость создает степень открытости, которая может быть воспринята авторитарными режимами как угроза (см., например: [Sheehan 2018]).

Уместно вспомнить о попытках (с, очевидно, добрыми намерениями) Тони Блэра, главы правительства страны, входящей в «Большую семерку» и являющейся постоянным членом Совета Безопасности ООН, обновить фундаментальные критерии *ius ad bellum* доктрины справедливой войны. Эксперимент продолжался около десяти лет и оказался безуспешным. Это говорит о том, что накопленные веками мудрость и опыт более устойчивы, чем точка зрения отдельного политика, основанная на его видении мира в определенный момент.

входят раненые или перемещенные лица.

¹⁹ По оценкам экспертов, с 2006 года в Мексике в результате организованного преступного насилия погибло 150 000 человек [Beittel 2019, 7]. Это более высокий показатель, чем число убитых в войнах на территории бывшей Югославии в 1991–2001 годах.

²⁰ Обвинения во вмешательстве России в президентские выборы в США в 2016 году широко распространены. Существует немало литературных источников, содержащих позиции за и против этих обвинений. Известны предупреждения о том, что *TikTok* (сегодня более популярный в США среди подростков, чем *Facebook*) используется как бэкдор (тайный вход) для китайского шпионского программного обеспечения (см.: [Dans 2020]).

По сути, причины войн и конфликтов не изменились. Конфликт – это стремление осуществить власть над противником, если не путем принуждения, то путем нанесения фактического вреда (как случилось с мелосцами, когда они отказались подчиняться принуждению афинян). Данное утверждение сохранило свою актуальность с того периода, когда оно сформулировано и проанализировано величайшими стратегическими мыслителями, такими как Сунь-Цзы и Клаузевиц. В спектре войн, от традиционных, ядерных, кибернетических до гибридных, одной константой является намерение нанести вред противнику и в результате осуществить власть. Все чаще вред не обязательно должен быть физическим ущербом инфраструктуре или людям, но он может быть не менее реальным.

Поэтому наш главный вывод заключается в том, что отказ от доктрины справедливой войны содержит риски. Как и демократия, такой механизм представляется несовершенным инструментом, но наиболее приемлемым. Однако, если эта доктрина не будет расширена, прежде всего, чтобы учитывать вред, причиненный некинетическими средствами, она рискует превратиться в инструмент, который будут применять в качестве прикрытия для отрицаемых наступательных некинетических действий.

Кроме того, более пристальное внимание необходимо уделить вопросу о размытом пространстве между войной и миром, чтобы установить обоснованные различия между войной и миром, законностью и незаконностью, этичным и неэтичным государственным управлением. Это имеет значение не только для международных отношений, но и для определения границ между гражданскими и военными законами внутри государств. Недавние конфликты, в том числе на Украине и в Афганистане, продемонстрировали, что существует опасный вакуум, возникающий в пространстве между тем, что мы когда-то считали «войной» и «миром». Вакуум все больше будет заполняться новыми и спорными явлениями (среди них – одностороннее присвоение статуса военного противника, широкое использование

военизированных спецслужб и частных военных подрядчиков), если и закон, и этика не изменятся, чтобы соответствовать изменяющемуся характеру войны.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гроций 1994 – *Гроций Г.* О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994.

Истоки поведения... 2005 – Истоки поведения человека на войне // Международный Комитет Красного Креста. 2005. – URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/roots_of_behaviour.pdf

Истоки сдержанности... 2019 – Истоки сдержанности человека на войне // Международный Комитет Красного Креста. 2019. – URL: https://www.icrc.org/ru/download/file/91059/4352_005_the-roots-of-restraint_web.pdf

Beittel 2019 – *Beittel J.S.* Mexico: Organized Crime and Drug Trafficking Organizations // Congressional Research Service. 2019, December 20. – URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=832671>

Blair 1999 – *Blair T.* The Blair Doctrine // Global Policy Forum. 1999, April 22. – URL: <https://archive.globalpolicy.org/empire/humanint/1999/0422blair.htm>

Bloomfield 2019 – *Bloomfield S.* Tony Blair is Having Second Thoughts on War // Prospect. 2019, July 17. – URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/tony-blair-second-thoughts-war-iraq-liberal-interventionism>

Brunk, Secrest, Tamashiro 1990 – *Brunk G.G., Secrest D., Tamashiro H.* Military Views of Morality and War: An Empirical Study of the Attitudes of Retired American Officers // International Studies Quarterly. 1990. Vol. 34. No. 1. P. 83–109.

Cullen, Reichborn-Kjennerud 2017 – *Cullen P., Reichborn-Kjennerud E.* Understanding Hybrid Warfare // Multinational Capability Development Campaign. January 2017. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/647776/dar_mcdc_hybrid_warfare.pdf

Dans 2020 – *Dans E.* TikTok: Beneath Its Fun Exterior Lies A Sinister Purpose // Forbes. 2020, June 28. – URL: <https://www.forbes.com/sites/enriquedans/2020/06/28/tiktok-beneath-its-fun-exterior-lies-a-sinisterpurpose/?sh=4d11299a3b79#39357a53b792>

Einarsen 2012 – *Einarsen T.* The Concept of Universal Crimes in International Law. – Oslo: Torkel Opsahl Academic Epublisher, 2012.

Evans 2005 – *Evans M.* Moral Theory and the Idea of a Just War // Just War Theory: A Reappraisal / ed. by M. Evans. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. P. 1–24.

Fisher 2011 – *Fisher D.* Morality and War. – Oxford: Oxford University Press, 2011.

Freedman 2017 – *Freedman L.* The Future of War: A History. – London: Penguin Random House, 2017.

Frowe 2015 – *Frowe H.* Reductive Individualism and the Just War Framework // Legal Philosophy between State and Transnationalism Seminar Series. 2015. No. 46. – URL: https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/transnationalism_series/46

Grassegger, Krogerus 2017 – *Grassegger H., Krogerus M.* Fake News and Botnets: How Russia Weaponised the Web // The Guardian. 2017, December 2. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/dec/02/fake-news-botnets-how-russia-weaponised-the-web-cyber-attack-estonia>

Herzog 2011 – *Herzog S.* Revisiting the Estonian Cyber Attacks: Digital Threats and Multinational Responses // Journal of Strategic Security. 2011. Vol. 4. No. 2. P. 49–60.

Kaldor 2007 – *Kaldor M.* New and Old Wars / 2nd ed. – Stanford: Stanford University Press, 2007.

Kampfner 2003 – *Kampfner J.* Blair's Wars. – London: The Free Press, 2003.

Kushner 2013 – *Kushner D.* The Real Story of Stuxnet // IEEE Spectrum. 2013. February 26. – URL: <https://spectrum.ieee.org/telecom/security/the-real-story-of-stuxnet>

Moseley 2011 – *Moseley A.* Legal Positivism // Encyclopedia of Military Ethics. 2011. – URL: <https://www.militaryethics.org/Legal-Positivism/8/>

Mumford, McDonald 2014 – *Mumford A., McDonald J.* Ambiguous Warfare // Development, Concepts and Doctrine Centre. October 2014.

Reichborn-Kjennerud, Cullen 2016 – *Reichborn-Kjennerud E., Cullen P.* What is Hybrid Warfare? // Norwegian Institute of International Affairs. Policy Brief. 2016. No. 1. – URL: <http://hdl.handle.net/11250/2380867>

Religious Education... 2010 – Religious Education in English Schools: Non-Statutory Guidance 2010 // Department for Children, School and Families. 2010. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/190260/DCSF-00114-2010.pdf

Rome Statute... 2011 – Rome Statute of the International Criminal Court. – The Hague: International Criminal Court, 2011. – URL: <https://www.icc-cpi.int/resource-library/documents/rs-eng.pdf>

Sheehan 2018 – *Sheehan M.* How Google took on China – and lost // MIT Technology Review. 2018, December 19. – URL: <https://www.tech->

nologyreview.com/2018/12/19/138307/how-google-took-on-china-and-lost/

Singer 2015 – *Singer P.W.* Stuxnet and Its Hidden Lessons on the Ethics of Cyberweapons // *Case Western Reserve Journal of International Law*. 2015. Vol. 47. No. 1. P. 79–86.

Smith 2005 – *Smith R.* The Utility of Force: The Art of War in the Modern World. – London: Allen Lane, 2005.

The Challenge of Peace... 1983 – The Challenge of Peace: God's Promise and Our Response. A Pastoral Letter on War and Peace // National Conference of Catholic Bishops. 1983, May 3. – URL: <https://www.usccb.org/upload/challenge-peace-gods-promise-our-response-1983.pdf>

Van Puyvelde 2015 – *Van Puyvelde D.* Hybrid War – Does It Even Exist? // *NATO Review*. 2015. May 7. – URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2015/05/07/hybrid-war-does-it-even-exist/index.html>

Viner 2016 – *Viner K.* How Technology Disrupted the Truth // *The Guardian*. 2016, July 12. – URL: <https://www.theguardian.com/media/2016/jul/12/how-technology-disrupted-the-truth>

Walzer 1977 – *Walzer M.* Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. – New York: Basic Books, 1977.

Whetham 2016 – *Whetham D.* “Are We Fighting Yet?” Can Traditional Just War Concepts Cope with Contemporary Conflict and the Changing Character of War? // *The Monist*. 2016. Vol. 99. No. 1. P. 55–69.

REFERENCES

Beittel J.S. (2019, December 20) Mexico: Organized Crime and Drug Trafficking Organizations. *Congressional Research Service*. Retrieved from <https://www.hsdl.org/?view&did=832671>

Blair T. (1999, April 22) The Blair Doctrine. *Global Policy Forum*. Retrieved from <https://archive.globalpolicy.org/empire/humanint/1999/0422blair.htm>

Bloomfield S. (2019) Tony Blair is Having Second Thoughts on War. *Prospect*. Retrieved from <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/tony-blair-second-thoughts-war-iraq-liberal-interventionism>

Brunk G.G., Secrest D., & Tamashiro H. (1990) Military Views of Morality and War: An Empirical Study of the Attitudes of Retired American Officers. *International Studies Quarterly*. Vol. 34, no. 1, pp. 83–109.

Cullen P. & Reichborn-Kjennerud E. (2017) Understanding Hybrid Warfare. *Multinational Capability Development Campaign*. Retrieved from

https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/647776/dar_mcdc_hybrid_warfare.pdf

Dans E. (2020, June 28) TikTok: Beneath Its Fun Exterior Lies A Sinister Purpose. *Forbes*. Retrieved from <https://www.forbes.com/sites/enriquedans/2020/06/28/tiktok-beneath-its-fun-exterior-lies-a-sinisterpurpose/?sh=4d11299a3b79#39357a53b792>

Einarsen T. (2012) *The Concept of Universal Crimes in International Law*. Oslo: Torkel Opsahl Academic Epublisher.

Evans M. (2005) *Moral Theory and the Idea of a Just War*. In: Evans M. *Just War Theory: A Reappraisal* (pp. 1–24). New York: Palgrave Macmillan.

Fisher D. (2011) *Morality and War*. Oxford: Oxford University Press.

Freedman L. (2017) *The Future of War: A History*. London: Penguin Random House.

Frowe H. (2015) Reductive Individualism and the Just War Framework. *Legal Philosophy between State and Transnationalism Seminar Series*. No. 46. Retrieved from https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/transnationalism_series/46

Grassegger H. & Krogerus M. (2017, December 2) Fake News and Botnets: How Russia Weaponised the Web. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/technology/2017/dec/02/fake-news-botnets-how-russia-weaponised-the-web-cyber-attack-estonia>

Grotius H. (1994) *On the Law of War and Peace*. Moscow: Ladimir (Russian translation).

Herzog S. (2011) Revisiting the Estonian Cyber Attacks: Digital Threats and Multinational Responses. *Journal of Strategic Security*. Vol. 4, no. 2, pp. 49–60.

International Committee of the Red Cross. (2004) *The Roots of Behaviour in War: Understanding and Preventing IHL Violations*. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/publication/0853-roots-behaviour-war-understanding-and-preventing-ihl-violations>

International Committee of the Red Cross. (2018) *The Roots of Restraint in War*. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/publication/roots-restraint-war>

Kaldor M. (2007) *New and Old Wars* (2nd ed.) Stanford: Stanford University Press.

Kampfner J. (2003) *Blair's Wars*. London: The Free Press.

Kushner D. (2013, February 26.) The Real Story of Stuxnet. *IEEE Spectrum*. Retrieved from <https://spectrum.ieee.org/telecom/security/the-real-story-of-stuxnet>

Moseley A. (2011) Legal Positivism. *Encyclopedia of Military Ethics*. Retrieved from <https://www.militaryethics.org/Legal-Positivism/8/>

Mumford A. & McDonald J. (2014) Ambiguous Warfare. *Development, Concepts and Doctrine Centre*.

Reichborn-Kjennerud E. & Cullen P. (2016) What is Hybrid Warfare? *Norwegian Institute of International Affairs. Policy Brief*. No. 1 (2016). Retrieved from <http://hdl.handle.net/11250/2380867>

Department for Children, School and Families. (2010) *Religious Education in English Schools: Non-Statutory Guidance 2010*. Retrieved from https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/190260/DCSF-00114-2010.pdf

Rome Statute of the International Criminal Court. (2011) The Hague: International Criminal Court, 2011. Retrieved from <https://www.icc-cpi.int/resource-library/documents/rs-eng.pdf>

Sheehan M. (2018, December 19) How Google Took on China – and Lost. *MIT Technology Review*. Retrieved from <https://www.technologyreview.com/2018/12/19/138307/how-google-took-on-china-and-lost/>

Singer P.W. (2015) Stuxnet and Its Hidden Lessons on the Ethics of Cyberweapons. *Case Western Reserve Journal of International Law*. Vol. 47, no. 1, pp. 79–86.

Smith R. (2005) *The Utility of Force: The Art of War in the Modern World*. London: Allen Lane.

National Conference of Catholic Bishops. (1983, May 3) *The Challenge of Peace: God's Promise and Our Response. A Pastoral Letter on War and Peace*. Retrieved from <https://www.usccb.org/upload/challenge-peace-gods-promise-our-response-1983.pdf>

Van Puyvelde D. (2015, May 7) Hybrid War – Does It Even Exist? *NATO Review*. Retrieved from <https://www.nato.int/docu/review/articles/2015/05/07/hybrid-war-does-it-even-exist/index.html>

Viner K. (2016, July 12) How Technology Disrupted the Truth. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/media/2016/jul/12/how-technology-disrupted-the-truth>

Walzer M. (1977) *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. New York: Basic Books.

Whetham D. (2016) “Are We Fighting Yet?” Can Traditional Just War Concepts Cope with Contemporary Conflict and the Changing Character of War? *The Monist*. Vol. 99, No. 1, pp. 55–69.

Православие и война*

Й. Бабич

Белградский университет, Белград, Сербия

Аннотация

В статье исследуется существующий подход православия к войне. Христиане иной деноминации создали теорию справедливой войны (ТСВ), положения которой о природе и оправдании войны приняты и нехристианами, и даже светскими мыслителями. В отчаянных попытках представить мир совершенным издано большое количество литературных источников. Сторонники такой литературы настаивают на утверждении о том, что война – акт наказания за нарушение закона. Результатом является эпистемологическая легкость, с которой все заранее кажется очевидным, включая положения относительно того, кто прав, а кто виноват, кто пользуется, а кто не пользуется благосклонностью Бога. Исключая из категории войны важную особенность, характеризующую ее как форму конфликта, ТСВ тем самым исключает концепцию взаимности и вводит заранее заявленное неравенство, что позволяет устранить неопределенность в отношении исхода войны. В православии ситуация иная. В настоящее время продолжают споры о том, следует ли оставаться на позициях первоначального христианского пацифизма или нужно от него отказаться, всегда ли для православного христианства война – это сочетание катаклизма и искушения. В православии нет той манихейской дихотомии, которая присутствует в ТСВ. Цель войны – мир. Но для ее оправдания справедливость – недостаточное условие, независимо от необходимости последней. Разница между «праведной» и «оправданной» войной сохраняется ввиду неопределенности, вызванной дилеммой. Возникает спорный вопрос о том, кого Бог любит больше по окончании войны – победителей или побежденных, учитывая, что и те, и другие пребывают в Его благодати. Проигрыш в войне как таковой не превращает побежденных в преступников. Победа не дает победителю права ото-

* Более ранняя сербская версия данного текста использовалась в качестве послесловия к сборнику статей «Православие и война», посвященных позиции православного христианства в отношении войны [Православье и рат 2017]. Я благодарен друзьям – профессорам Бориславу Гроздичу и Борису Кашникову – за вдохновляющие дискуссии по некоторым интересным вопросам, затронутым в этой статье.

мстить за самозащиту, и, соответственно, у этого подхода значительные преимущества: сохранение различия «права на ведение войны» (*ius ad bellum*) и «права во время войны» (*ius in bello*), сохранение взаимности, взаимного уважения и доверия, невозможность рассматривать ведение войны противником в качестве преступления, возможность почетного поражения.

Ключевые слова: отношение православия к войне, теория справедливой войны, праведность, оправдание войны, право на победу, достойное поражение.

Бабич Йован – доктор философских наук, профессор Белградского университета.

jovanpbabic@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7591-4902>

Для цитирования: Бабич Й. Православие и война // Философские науки. 2020. Т. 63. № 11. С. 39–57.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-39-57

Orthodox Christianity and War

J. Babić

University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Abstract

The subject of this article is the Orthodox Christianity's approach to war. Christians of other denomination have developed an elaborate theory of war, so-called "Just War Theory" (JWT), which has also been accepted by non-Christians and even secular thinkers regarding the nature and justification of war. A vast literature has been produced in a dire attempt to render perfect the world by insisting on the claim that war is the act of punishment for breaking the law. The result is an epistemological ease from which everything seems evident in advance including who is right and who at fault, who is and who is not favored by God. By removing from war an essential feature – that it is a form of conflict – JWT takes away the concept of reciprocity and introduces an in advance declared inequality which enables removal of uncertainty about the war's outcome. In Orthodox Christianity, the situation is different. With still live debate whether to persevere or abandon original Christian pacifism, for Orthodox Christianity, war is always a combination of cataclysm and temptation and far less Manichean than anything present in JWT. The aim of war is peace; but, however necessary, justice is an insufficient condition for justification. The difference between "justness" and "justification" is preserved through the uncertainty whom God, at war's end, loves more, because both victors

and vanquished remain and continue to be in His grace. Losing a war, as such, does not turn the vanquished into criminals, nor does victory give the vanquisher the right of revenge for defending oneself. The latter approach to war has significant potentialities: preserving the distinction of *ius ad bellum* and *ius in bello*, preserving reciprocity, mutual respect and trust, impossibility of incrimination of war per se, the possibility of honorable defeat, etc.

Keywords: Orthodox Christianity's approach to war, Just War Theory, justness, justification of war, right to victory, honorable defeat.

Jovan Babić – D.Sc. in Philosophy, Full Professor of Ethics, University of Belgrade.

jovanpbabic@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7591-4902>

For citation: Babić J. (2020) Orthodox Christianity and War. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 11, pp. 39–57. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-39-57

Введение. Справедливость как источник и оправдание войны

Отношение православия к войне – сложная и требовательная тема, которой часто пренебрегали. Каковы особенности подхода православного христианства к войне, и чем он отличается от подходов иных религий или идеологий?

Христиане других конфессий разработали сложные и разнообразие теории войны, т.н. теории справедливой войны, которые, по-видимому, позволяют им лучше понять и оправдать это сложное явление. Такие теории, взращенные в рамках римско-католической моральной теологии, со временем были приняты другими христианскими группами, а также сформировали нехристианские, даже светские представления¹ о природе (прежде всего о моральной) и оправдании войны. В отчаянных попытках сделать мир совершенным было издано немало литературных источников, посвященных изложенному. Сторонники высказанных в такой литературе идей настаивают на утверждении о том, что война – это акт наказания за нарушение закона. Следовательно, с позиции «права на ведение войны» (*ius ad bellum*) война не порождает трагической ответственности за

¹ Сформулировали не только представления, но и нормативное регулирование, международное право.

принципиальные решения, а значит, отсутствует и чувство вины за принятое решение воевать. Результатом является эпистемологическая легкость, с которой все заранее кажется очевидным, в частности ответы на вопросы о том, кто прав, а кто виноват, кому Бог благоволит, а кому не благоволит.

«Теория справедливой войны» рассматривает войну как деятельность, направленную на поиск справедливости, т.е. устраняется важнейшее свойство: война – форма конфликта. Тем самым то, что обозначает война, очищается от взаимности. Это значительно сокращает область возможных причин для оправдания, фактически устраняя все причины, основанные на *различиях*, которые де-факто порождают войну как действие и явление. Единственная причина, разрешенная для оправдания войны, – восстановление справедливости. Однако любая война идет не за справедливость, а возникает вследствие конфликта интересов, и их разрешение должно происходить именно разрешением этого конфликта.

Корни войны уходят к свободе, заключающейся в том, чтобы иметь разные интересы и действовать в соответствии с ними. Справедливость же и особенно несправедливость, даже если они являются одним из аспектов истинной причины войны, не объясняют ее в полной мере. Свобода включает в себя возможность выбирать зло и как таковая может порождать несправедливость. Но каким бы важным параметром ни была справедливость, по существу, она остается в тени. Критерий справедливости зависит от этой последовательности: конститутивное правило института войны – победа, которая не наступает ни обязательно, ни очевидно, но является результатом деятельности, и она могла бы в реальности потерпеть неудачу. Хотя интересы, конфликт которых предшествует войне, претендуют на обоснование, их *prima facie* не считают преступными намерениями (иначе победа была бы невозможна, а стала бы только успешным преступным деянием, вытекающим из этого намерения). В противном случае разница между врагом и преступником исчезнет, а две стороны будут относиться друг к другу как к преступникам, что приведет к тотальной войне, которая может завершиться полным уничтожением одной из

сторон. Такой подход исключает возможность почетного поражения, а сдача будет означать самоотрицание и признание преступного намерения. Поражение становится показателем обмана и преступления. Сведение сущности войны к поискам справедливости превращает войну в форму непонимания власти, инструмент для установления и восстановления порядка.

В православном христианстве ситуация иная. Существует сложная и непоследовательная совокупность подходов, сосредоточенных в основном на попытках выработать сохранение или отказ от первоначального христианского пацифизма, когда вновь и вновь появляются вопросы, на которые нет ответа. Казалось бы, отношение к войне в православном христианстве кардинально отличается не только от римско-католического подхода, но и, возможно, даже в большей степени от протестантского, а также от остальных позиций, какими бы многочисленными они ни были. Может показаться, что война с точки зрения православного христианства – это всегда сочетание катаклизма и искушения. Означает ли это, что в православном христианстве нет теории войны, или речь идет о вопросе моральных и онтологических особенностей, которые каким-то образом связаны со сложным, неоднозначным понятием войны?

Война как конфликт

Война – явление, которое не поддается простому объяснению, а тем более оправданию. Сложно понять возможность ее существования. И все-таки речь идет об одной из возможностей среди проявлений реального мира, созданного в результате человеческой деятельности. Она возникает в любой момент, и это зависит от ряда условий.

Возможности существуют априори, поскольку Бог создал их до начала времен, и совокупность возможностей является априори неизменной основой мира. Возможности – фиксированные и неподвижные точки этого базиса, т.е. их «существование» не зависит от актуализации фактического исполнения во времени. Их набор больше, чем набор рядовых естественных возможностей, поскольку он дополнен теми, которые проистекают

из свободы как причинной силы, вызывающей последствия, частично не зависящие от естественной причинности (хотя всегда в соответствии с ней).

Таким образом, совокупность всех возможностей – основа нашего мира, граница между возможным и невозможным. Очевиден тот факт, что возможности как таковые нельзя отрицать или «отменять». Война – это не просто естественная возможность, подобная возможности землетрясения; она попадает в сферу свободы, а значит, реальность обязательно требует соответствующего решения, чтобы она началась. Это – общее свойство свободы: производить то, что не было бы таковым, если бы это не было решено таким образом, и что можно было бы решить иначе. Если решение принято, оно уходит в прошлое, становясь неопровержимым фактом и обязательно таковым (в противном случае этого бы не произошло, независимо от того, насколько лишней была ее возможность до данного решения).

Война – один из многих видов конфликта. Его существование понять нетрудно. Возможность конфликта – необходимое следствие наличия свободы, что тоже следует иметь в виду. Конфликты не могут быть сведены лишь к следствию существования изменений и различий, характерных для любого естественного процесса: изменения порождают различия. Конфликты – это не столкновение и не естественная необходимость, а результат *реальности* свободы. Их основная характеристика – возможность *разрешения*. Можно попытаться разрешить конфликт, и попытка бывает успешной или неудачной. В этом и заключается суть проблемы: возможность невозможности разрешения конфликта, по крайней мере с помощью традиционных средств.

Предположим, что «обычные» средства разрешения конфликта являются «разумными» или «мирными». Соответственно, может случиться так, что конфликт нельзя разрешить этим способом, т.е. с использованием *этих* средств. В этом случае либо существует *принятие* (поскольку мы все еще находимся в сфере свободы) того, что конфликт останется неразрешенным (т.е. принятие поражения *заранее*, что противо-

речиво и нормативно невозможно)², либо существует решение, чтобы разрешить конфликт с помощью *других средств*. Суть определения войны состоит в следующем: *непринятие* отсутствия разрешения конфликта, который не может быть устранен «мирным путем». Приведенное утверждение однозначно помещает войну в сферу свободы и ответственности, делает ее одним из многих институтов среди социальных и политических проявлений жизни, в подавляющем большинстве случаев коллективным и межгрупповым. Война – наследие цивилизации.

Отношение к войне изменяется от цивилизации к цивилизации. Оно включает в себя общее отношение той или иной цивилизации к миру, ее структуру, средства ее функционирования и ее ценности. Если общее отношение обозначить словом «традиция», целесообразно признать, что религиозные и светские традиции, несмотря на некоторое сходство, по-разному относятся к войне. Такие различия в значительной степени изучены исследователями, о чем свидетельствует соответствующая литература. В ней отношение к войне чаще выражено в форме теории справедливой войны и анализируется в контексте различных типов мировоззрения: римско-католического, протестантского, иудейского, исламского, буддийского, а также либерального, консервативного, коммунистического, коммунитарного, феминистского, европейского, внеевропейского, иного. Вместе с тем в данной литературе наблюдается отсутствие анализа отношения православного христианства к войне³. Неужели эти отношения настолько

² В главе «Право и необходимость» своей книги «Очерки о защите» мною отмечено, что нормативно невозможно заранее принять вариант, даже не пытаясь разрешить конфликт: в таком случае конфликта больше не было бы, поскольку одна из «конфликтующих» позиций была бы фиктивной. Из этого также следует, что защита является (юридической и конституционной) обязанностью, без которой правительство не было бы уполномочено обеспечивать соблюдение собственных законов [Бабић 2018].

³ Ср.: «Христианские теологи в целом согласны относительно того, что православная церковь не разделяла теорию справедливой войны в западном понимании, разработанной на основе принципов западного канонического права *jus ad bellum* и *jus in bello*» [Simion 2011, 23].

мистичны, что их лучше оставить в стороне, или они не обнаружены?

Первоначальный пацифизм и поиск его замены

Христианская вера, как известно, начала свое социальное развитие с пацифистской точки зрения, отрицая любое оправдание не только войны, но и принуждения в решении человеческих проблем, отрицая суть или важность конфликта. Среди христиан (ранних) конфликтов не было, а настоящие конфликты с другими считались незначительными. Однако, когда христиане пришли к власти в государстве, которое было не малым (самодостаточным) царством, а мировой империей, то столкнулись с новой проблемой, и ее нельзя было игнорировать. Теперь они несли ответственность за этот мир, его судьбу, структуру, формулировку ценностей, более того, за исполнение законов и их защиту, как внешнюю, так и внутреннюю. Именно это осознание показало, что пацифизм не может спасти ни их, ни какой-либо иной мир от катаклизмов. Прежняя чрезмерная политическая власть пацифизма, которая привела христианство к власти, не была адекватным средством защиты империи.

Полагаем, что осознание полного инструментального бессилия пацифизма для защиты и созидания ведет к формулировке определенной точки зрения или «теории». Она должна была одновременно сохранить существенное свойство пацифизма – упорство в стремлении к *справедливости* любой ценой, но с учетом связи с силой, которая обеспечила бы адекватный инструментарий. Прежний потенциал пацифизма, мобилизовавший мощь пассивного сопротивления, черпая силу из точки зрения вне времени, в котором ценность мирской жизни отсутствовала или была минимальной, исчез перед необходимостью упорядочения коллективной жизни: это означало необходимость правил, учитывающих время и происходящие события, предсказуемость законов, политики. Ответственность перед государством требовала иного отношения, и абсолютное безразличие к мирской власти сменилось абсолютной имперской справедливостью. Кол-

лективная свобода более требовательна, чем индивидуальная, и ее защита требовала другого, институционального выражения власти.

Истоки теории справедливой войны – *производная от пацифизма*. Как пишет М. Уолцер в одной из недавних работ [Walzer 2002], данная теория берет начало на службе имперской армии, когда богобоязненный христианин стал имперским солдатом (тем, кто похож на полицейского, имперского служащего и мирянина, но в большей степени на полицейского, чем солдата). Новый солдат находился на законной и благословенной службе защиты мира, отказавшись от предыдущего радикального запрета на применение силы по отношению к людям. Итак, была необходима теория, сохраняющая чистоту пацифистской позиции, и она обнаружена в абсолютизации справедливости, основанной на допущении совершенства некоторого идеализированного *status quo ante*. Защита *этого* предполагаемого предыдущего состояния стала источником легитимности для того, что ранее считалось невозможным узаконить, – применения силы. Плата за это была огромной.

В действительности цена заключалась в безоговорочном отказе от того, что было самым ценным в христианстве, т.е. от моральной и практической универсальности, необходимой для двух наиболее важных вещей. Во-первых, моральное равенство между людьми невозможно без всеобщего равного доступа к возможностям как ресурсам, созданным христианским Богом для всех (а не только некоторых): разум присутствует во всех мыслящих существах, все мыслящие существа свободны, все, кто свободен, имеют волю и могут ставить цели, пытаться их достичь и быть счастливыми, когда они это делают. Во-вторых, другой частью цены была свобода, неизбежно связанная с силой мысли и обладанием разумом, свобода, чтобы ставить в первую очередь цели, а затем достигать их с помощью средств, которые являются причинами и имеют эти цели как следствия.

Предположение о совершенстве, даже воображаемом, положение дел до нападения, нарушение которого явля-

ется оправданием силы в теории справедливой войны, исключает и соответствующее равенство, и истинную свободу, тайно вводя замену концепции избранного народа. В этом состоит величайшая опасность теории справедливой войны. В ее основе находится концепция, развитие которой может сделать теорию эксклюзивной, крестоносной и безусловной, разделяя человечество на две части. Одна – особенная часть, имеющая право или уполномоченная интерпретировать добро и зло, другая – аксиологически и морально ниже, к тому же потенциально подлежит соответствующему ограничению. Разделение предполагает две группы: первая – те, чьи мнения имеют значение, вторая – те, чьи интересы и желания, если они возникнут, менее важны или в целом недействительны.

Описанная выше структура предполагаемого неравенства все-таки позволила христианам (по крайней мере на Западе) сберечь существенную часть первоначального пацифизма и одновременно проводить двоякую политику, защищать мир. Тем самым был сохранен пацифистский черно-белый образ. Не акцентируя внимание на вопросе о неявном или латентном присутствии манихейства в пацифизме, можно утверждать, что когда пацифизм сменился нормой активной службы христианских солдат, манихейство приобрело конститутивную функцию. Установившееся неравенство гарантировало, что праведная сторона всегда побеждает, потому что это – ее судьба. Победитель очевиден. Считается, что праведная сторона не может проиграть войну, поскольку Бог – ее главнокомандующий. Разница между защитой национальной, государственной и защитой такого мировоззрения, как христианство, рассеивается и исчезает.

Изложенная теория, выдержавшая время, утвердившаяся и в светском мире, формирует два интересных утверждения: во-первых, религиозные основания по-прежнему обеспечивают структуру мира (априорный набор всех возможностей, т.е. предполагаемое точное разграничение между предельно воз-

можным и невозможным), во-вторых, манихейство сохраняет безграничный соблазн по сей день⁴.

В реальном мире, учитывая факт свободы в какой бы то ни было степени и свободы воли всех, кто обладает последней, включая несправедливую сторону (т.е. массивную и претенциозную метафизику рационализации того, как Другой, олицетворяющий Зло, может иметь хоть разумную и мотивирующую силу, хотя в итоге и не будучи «правым»), описанная теория обязательно подразумевает не только превосходство, но даже *всемогущество* сил добра, против которых зло бессильно. На войне это особенно значимо, о чем свидетельствуют ее последствия. Наиболее существенно высокомерие (*хюбрис*) как основа манихейства: оно отрицает достоинства богобоязненности и смирения, а также готовность принять истину как нечто независимое от нас. Истина, подвергаясь интерпретации, становится собственностью тех, кто является или считает себя всемогущим и поэтому без колебаний истолковывает ее произвольно. Высокомерие и произвол идут рука об руку.

Мозаика православия

Суть позиции православия понять непросто. В православном христианстве универсальность охраняется местом и разнообразием. Универсальность не субстантивна, а скорее, методологична и фрагментарна, разбита на отдельные коллективные личности как формы актуализированной жизни, подобно тому, как индивидуум сохраняет универсальность разума⁵.

Православное христианство предлагает не широкий и торный, как в римском католицизме, а извилистый *путь спасения* (с которого можно свернуть и по касательной упасть в ад); это и не протестантский *лабиринт* узких переплетенных индиви-

⁴ Простой мысленный эксперимент подтверждает это: если мы заменим слово «христианский» словом «демократический» или иной легитимизирующей концепцией (до недавнего времени большая часть населения мира использовала термин «социалистический»), то манихейский паттерн повторяется.

⁵ Личность, будучи единичной, имеет универсальную, а не частную ценность (она вне и «выше» любой цены и в этом отношении не допускает соизмеримости). Каждый человек уникально универсален, несмотря на то, что сам един.

дуальных путей, сплетающих совокупные индивидуальные успехи в кумулятивную максимизацию прогрессивного благополучия. Речь идет, скорее, о *мозаике*, которую выкладывают «в определенном порядке». Только в таком виде «порядок» прекрасен и делает жизнь прекрасной, т.е. оптимален, а не максимален (как максимальное счастье или иная недостижимая цель). Этот «порядок» в политическом смысле представляет собой, скорее, гармонию и конфедерацию интересов, чем уравнивающее и утонченное пространство полной соизмеримости, которое допускало бы всеобщий контроль. Следовательно, не требуются ни крестовые походы, ни колониальная логика, ни даже манихейство. Терпимость (то, что христиане называют «любовью»), возможно, имплицитна, но не сугубо декларативна. Вероятнее всего, имплицитность является важной характеристикой православного христианства: она – то, что сохраняет личные ценности, а также целостность всего, что имеет абсолютную ценность, как личности и их институты.

В контексте отношения к войне актуален вопрос о том, преодолело ли православное христианство первоначальный пацифизм Нового Завета или сохранило его каким-то образом (как, например, в католицизме, с помощью теории справедливой войны)? Данный вопрос по-прежнему остается источником дебатов в настоящее время. С практической точки зрения может показаться, что следует противостоять злу силой⁶, но с более строгими ограничениями, чем те, которые применяются в соответствии с двумя римско-католическими теориями войны и силы: теорией справедливой войны и теорией двойного эффекта⁷. Аксиологический статус войны вбирает в себя

⁶ В связи с этим нельзя не вспомнить важное исследование И. Ильина «О сопротивлении злу силой» [Ильин 1925].

⁷ «Теория двойного эффекта» обосновывает моральное оправдание действий или действий благими намерениями, что позволяет легко игнорировать плохие последствия как «побочный ущерб». (Фома Аквинский в «Сумме теологии» (II–II, вопрос 64, раздел 7) замечал: «Ничто не препятствует тому, чтобы у одного акта было два следствия, одно из которых преднамеренно, а другое – непреднамеренно. Затем моральные действия получают свой вид от того, что входит в намерение действующего, а не от того, что не входит, поскольку последнее... является акцидентным» [Фома Аквинский 2013, 218–219].) Это удобная теория для тех, кому при-

существенное катаклизмическое измерение; действительно, это – неотъемлемая часть отношения православных христиан к войне⁸. Вместе с тем аксиологический статус применения силы включен в диалектическое отношение между оправданием целей и соответствующими средствами. Данное обстоятельство способствует закреплению различия между защитой от опасностей, угроз миру, т.е. собственным конкретным, актуальным миром как выражением реальной жизни, и существенной религиозной потребностью для преодоления зла. С одной стороны, мы несем ответственность за счастье и свободу (свою и окружающих) как интерес и долг, с другой – нормативный идеал святости как призвания или даже вызова.

Кому принадлежит победа?

Возможно, лучше всего изложенное выше проявляется в отношении православных христиан к победе. Православный солдат должен сражаться честно и по правилам войны, с верой в борьбе за победу. Тем не менее солдат отдает победу в руки Бога: именно Создатель решает, кто победит [Grozdić, Kajtez, Gostović 2016]. Провидение Бога не ведомо людям, а значит, нет уверенности в том, кто победит или кто будет любимцем Бога. Это превращает любое предположение о необходимости победы в акт высокомерия и узурпации власти, включая власть наказывать. По словам И. Канта, война никогда не должна быть «карательной» [Кант 1965, 274–276].

Но одновременно отсутствует и уверенность в том, кто больше чтит Бога, учитывая хитрость дьявола. Последняя незаметно вносит высокомерие (*хюбрис*), эгоизм и предубежденность в идеологические и теоретические построения, которые могли бы глубоко скрывать аспекты зла. Возможность зла, скрывающегося под покровом самообмана, самовозвеличивания и эгоизма, по-своему значима. Дополним, что насилие не всегда легко

ходится принимать трудные решения, поскольку она значительно сужает сферу их ответственности и, если они разумны и решительны, позволяет повысить эффективность того, что делается.

⁸ Толстой описывает это измерение в «Войне и мире» (подробно в четвертом томе). В романе он не поддается своей идеологии строгого пацифизма, в отличие от брошюр.

отличить от законного принуждения, тем самым становится возможным эффективное и массовое сотрудничество с новыми формами зла, даже открытыми. Этот ландшафт еще более усложняется мощными техниками манипуляции (одна из них – преднамеренное или непреднамеренное ложное наименование, другая – широко распространенное наименование нового зла старыми именами) [Babic 2004, 241 и след.]. Сблaзн поддаться ошибочным убеждениям и неверным решениям растет. Убеждение в необходимости победы подразумевает кощунственное допущение о всемогуществе, которое, в свою очередь, предполагает, что конфликт является излишним. Он превращает отношение к врагу в презрение, а затем в безоговорочную и необоснованную ненависть. Нетерпение и изоляция становятся соблазнительными и непреодолимыми, еще больше сужают область предсказуемости и усиливают неопределенность.

Наконец, термины «воля», «усилие», «стремление к цели» конститутивно включают в себя неопределенность, т.е. возможность неудачи. Любое отрицание этого сведет действие борьбы к механическому исполнению, заменяя свободу выбора необходимостью естественного детерминизма. Более того, это может привести к дегуманизации действия в целом.

Позиция, согласно которой победа находится в руках Бога, устраняет все, по сути, манихейские ловушки. Победа, естественно, важна, и в первую очередь ведется война. Отсутствие *этого* допущения подразумевает безответственность и отсутствие серьезности. Отсутствие серьезности означает отрицание порядка жизни и ее социальной структуры, законности; в то время как нерешительность и безответственность отрицают потенциальную составляющую долгосрочного смысла жизни. Столкновение с *возможностью* поражения, если так решит Бог, может восприниматься и как нечто поистине невыносимое, особенно в таких вопросах, как жизнь или личная и национальная оборона. Искушение пацифизмом кажется заманчивым, так что слабые и заблуждающиеся люди фаталистически веряют *все предприятие* Богу, отказываясь реагировать на любое зло или выступать

в защиту себя либо своей страны. В действительности это сродни отказу от всякого контроля над своим будущим, которое должно быть результатом свободно составленных планов и законов (а не принятых или навязываемых извне). Поступая таким образом, сдаваясь, человек не только принимает поражение, но и признает необходимость зла.

Какая бы сила ни находилась в руках человека, поскольку она основана на свободе, то обязательно ограничена множеством способов. Человек ограничен природной средой, другими людьми (проблема сотрудничества и его избегания из-за затрат), что сокращает свободу до малейшей доли от воображаемого или желаемого. К этому логично причислить пределы, порождаемые искушениями и неуверенностью, которые каждый человек несет в себе. Тем не менее подразумеваемая пацифистская стратегия состоит в том, что даже эту частичку свободы и силу, которую она несет (что составляет сферу жизни), следует отдать случаю: пренебрежение и отсутствие заботы о себе означают отказ от ответственности за свои действия. Это включает в себя отказ от обороны как единственной законной причины для оправдания войны. Обратим внимание на тот факт, что оправдание войны не делает войну справедливой. Оно сохраняет ее трагический и катастрофический характер, который никогда не мог бы быть сохранен, если бы война когда-либо была «справедливой», поскольку справедливая победа в итоге все исправит. Но она все еще может быть оправдана как защита ценностей, позволяющих потенциально составить долгосрочный смысл жизни. Различие между *справедливостью* и *оправданием* является значительным, поскольку первая точка зрения максималистична, последняя – стремится к оптимуму в данной ситуации, действуя в рамках, которые ограничивают, но и защищают все ценности от тления.

Оправдание подразумевает не справедливость, а необходимость и принуждение, в данном случае трагический путь без невинного выхода, но также *избегающий абсурдности простого произвола*. Полагаем, это – очень важная идея: если

Бог решает не присуждать победу тем, кто сделал все, что в их силах, чтобы победить (нет оснований винить себя за поражение), результат будет трагичным, поскольку любое поражение (в отличие от неудачи) действительно трагично. Однако поражение не считается абсурдным в значении пацифистского фатализма или чистой случайности. Трагедия не абсурдна и не должна быть абсурдной, как и смерть. Принятие возможности поражения предохраняет от этой абсурдной позиции. Отсюда значимость тезиса о том, что победа находится в руках Бога. Он избавляет человека от черного и белого, стратегии «все или ничего», которая предотвращает прощение других и себя, и делает поражение непростительным и абсолютно неприемлемым, даже когда мы сделали все, что в «наших» силах, чтобы избежать поражения и добиться победы. Непрощение также исключает уважение и к себе, и к противнику; оно препятствует или, учитывая, что жизнь не останавливается, затрудняет установление мира, новых правовых рамок либо новых условий жизни.

Войне нужно дать возможность закончиться и быть похороненной, по крайней мере в нравственном смысле, как говорит М. Вебер в одном из своих текстов [Вебер 2020, 129]. Это лучше, чем позволить обществу, созданному войной (победой или поражением в ней), избежать будущего, столь же незаконного и ужасного, как и его прошлое, когда война еще продолжалась. Война – состояние дел, которое стремится разрешиться, по-настоящему разрешиться в новой норме, и не должно быть средством упорства в сохранении совершенства и святости прежних нормативных состояний (которые не устраивали ту или иную сторону в конфликте). К войне нельзя обращаться для преследования и наказания виновных в нарушении прежнего совершенства в надежде доказать таким образом свою «праведность»⁹.

⁹ Правосудие подразумевает нормативную необходимость, а не только обоснование наказания. Однако это не сделает войну справедливой. Наказание, будучи принципом, применяемым постфактум, относится к тому, что было сделано безответственно и неправильно, что не играет большой роли в общем оправдании войны (войны как таковой или определенной войны). Ее окончательное общее оправдание (или его отсутствие) имеет

Не может быть уверенности в том, какая сторона победит в войне. И наоборот, допущение, что победа является вопросом произвола и случайности, лишает смысла ценность усилий по ее достижению, усилий, направленных на то, чтобы сделать для победы все, что в «наших» силах. Проигрыш в войне не делает нас преступниками, а победа не дает нам права отомстить тому, кто осмелился выступить против нас, поскольку Бог мог решить иначе. Бог не оставит тех, кто потерпел поражение. Подобные законы, нравственные и естественные, по-прежнему в равной степени применимы ко всем. Такие законы требуют уважения истины и уважения к миру и его Богу. Без этого не может быть самоуважения как предпосылки собственной моральной ценности и достоинства, заслуживающих уважения другого.

Заключение

Православию удастся избежать манихейской ловушки разделения мира на «чисто хорошую» и «чисто злую» части. Такой мир станет механическим, сводя свободу к счастью или иному комфорту, содержащему ценности, основанные на иллюзии свободы. Речь идет о мире, все ценности которого имеют цену, т.е. о мире без абсолютных ценностей, что превышает всех затрат. Возникает вопрос о том, в чем же будет различие между защитой мира от зла (актом защиты от зла) и «окончательным преодолением» зла? На самом деле последнее невозможно, поскольку зло – это не только одна возможность, латентно всегда присутствующая в мире и во всем, что мы делаем, но и конститутивный аспект свободы: возможность выбора зла – это

очень мало общего со справедливостью. Но настаивание на справедливости, о чем пишет Вебер в «Политике как призвание и профессия», может заменить примирение унижением (и, как следствие, защитой от унижения): «Нация простит ущемление ее интересов, но не оскорбление ее чести, в особенности если оскорбляют ее прямо-таки поповским упрямством. Каждый новый документ, появляющийся на свет спустя десятилетия, приводит к тому, что с новой силой раздаются недостойные вопли, разгораются ненависть и гнев. И это вместо того, чтобы окончание войны похоронило ее по меньшей мере в нравственном смысле» [Вебер 2020, 129]. Ущерб интересам может быть исправлен и, следовательно, прощен. Вместе с тем унижение не является непростительным.

условие свободы. Нормативный идеал всеобщей святости не является основанием артикуляции действий, правильных или неправильных, в рамках которых можно было бы установить ответственность (вину и заслугу) за собственную или чужую свободу. Это означает, что «война против войны», война, целью которой было бы уничтожение всех будущих войн, устранение самой возможности войны, предполагала бы не только отсутствие всякого интереса, но и отсутствие свободы и конкретных, реальных людей, которые физически и эпистемологически детерминированы во времени и пространстве. Такое понимание не предполагает присутствия людей, реальных сообществ как форм долгосрочной жизни. Ни общества, ни традиций, ни инвестиций в цели, которые составляют основу деятельности в целом. Взамен все, что существует, – это, вероятно, получение удовольствия, от эгоизма и зла до состояния скуки и бессмысленности.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бабић 2018 – *Бабић Ј.* Огледи о одбрани. – Београд: Службени гласник, 2018.

Вебер 2020 – *Вебер М.* Политика как призвание и профессия / пер. с нем. А.Ф. Филиппова. – М.: РИПОЛ классик, 2020.

Ильин 1925 – *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою. – Берлин: Presse, 1925.

Кант 1965 – *Кант И.* Метафизика нравов в двух частях // *Кант И.* Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 2. – М.: Мысль, 1965. С. 109–436.

Православље и рат 2017 – *Православље и рат* / прир. Б. Гроздић. – Београд: Одбрана, 2017. С. 311–327.

Фома Аквинский 2013 – *Фома Аквинский.* Сумма теологии. Часть II–II. Вопросы 47–122. – Киев: Ника-Центр, 2013.

Babić 2004 – *Babić J.* Toleration vs. Doctrinal Evil in Our Time // *The Journal of Ethics.* 2004. Vol. 8. No. 3. P. 225–250.

Grozdić, Kajtez, Gostović 2016 – *Grozdić B., Kajtez I., Gostović D.* Orthodox View of Victory and Defeat in War // *Defendology.* 2016. Vol. 3. No. 37–38. P. 17–33.

Simion 2011 – *Simion M.Gh.* Just War Theory and Orthodox Christianity // *Annals of the Academy of Romanian Scientists. Series on Philosophy, Psychology, Theology and Journalism.* 2011. Vol. 3. No. 1. P. 23–44.

Walzer 2002 – *Walzer M. The Triumph of Just War Theory (and the Dangers of Success) // Social Research: An International Quarterly*. 2002. Vol. 69. No. 4. P. 925–944.

REFERENCES

Babić J. (2004) Toleration vs. Doctrinal Evil in Our Time. *The Journal of Ethics*. Vol. 8, no. 3, pp. 225–250.

Babić J. (2018) *Essays on Defense*. Belgrade: Sluzhbeni glasnik (in Serbian).

Ilyin I.A. (1925) *On Resistance to Evil by Force*. Berlin: Presse (in Russian).

Kant I. (1965) The Metaphysics of Morals. In: Kant I. *Works in 6 Vols.* (Vol. 4, part 2, pp. 109–436). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Grozdić B. (Ed.) (2017) *Orthodoxy and War*. Belgrade: Odbrana (in Serbian).

Grozdić B., Kajtez I., & Gostović D. (2016) Orthodox View of Victory and Defeat in War. *Defendology*. Vol. 3, no. 37–38, pp. 17–33.

Simion M.Gh. (2011) Just War Theory and Orthodox Christianity. *Annals of the Academy of Romanian Scientists. Series on Philosophy, Psychology, Theology and Journalism*. Vol. 3, no. 1, pp. 23–44.

Thomas Aquinas. (2013) *Summa theologiae* (part II–II, questions 47–122). Kiev: Nika-Tsentr (Russian translation).

Walzer M. (2002) The Triumph of Just War Theory (and the Dangers of Success). *Social Research: An International Quarterly*. Vol. 69, no. 4, pp. 925–944.

Weber M. (2020) *Politics as Vocation* (A.F. Filippov, Trans.). Moscow: RIPOL classic (Russian translation).

Моральное обоснование гуманитарной интервенции в современной теории справедливой войны*

А.Д. Куманьков

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается проблема морального обоснования гуманитарной интервенции современными теоретиками справедливой войны. В начале статьи обсуждается эволюция доминирующих парадигм морального оправдания войны и объясняется, почему теория и практика гуманитарных интервенций появляется только на современном этапе развития этики и права войны. При этом отмечается, что теоретизация гуманитарной интервенции началась в последние десятилетия XX века. Это связано с существенной трансформацией – отступлением в правовых и этических исследованиях войны с позиции радикального осуждения агрессивных действий и с признанием политической субъектности негосударственных групп. Таким образом, происходит переосмысление продолжительной традиции, вестфальской системы международных отношений, согласно которой главным участником большой политики признавалось государство, а его суверенное право на ведение внутренней политики считалось неоспоримым. Далее в качестве основного источника современной концептуализации этики гуманитарного интервенционизма берутся работы Майкла Уолцера, который многократно обращался к этой теме и сформулировал по этому вопросу позицию, репрезентативную в целом для всей современной теории справедливой войны. Рассматриваются аргументы Уолцера и его сторонников в пользу морального обоснования гуманитарной интервенции. Среди них выделяются следующие. Во-первых, аргумент о государстве как организации, целью которой называется защита прав собственных граждан. В случае невыполнения этой цели государство утрачивает свою власть над данными людьми и на данной территории. Во-вторых, Уолцер призывает идентифицировать правительства и вооруженные силы, участвующие в массовых убийствах как преступные, а потому заслуживающие наказания. Наконец, приводится, возможно, самый важный, демонстративный аргумент: апелляция к самоочевидной невозможности оста-

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 21-04-028) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2021–2022 годах.

ваться в стороне в случае, если в каком-либо государстве происходят массовые акции насилия. Приводится критика этих аргументов, а также демонстрируется, как современная теория справедливой войны может ответить на эту критику.

Ключевые слова: этика войны, политическая философия, принцип невмешательства, обязанность защищать, Майкл Уолцер, суверенитет, права человека.

Куманьков Арсений Дмитриевич – кандидат философских наук, доцент Школы философии и культурологии, заместитель декана по науке факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

akumankov@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-8951-4707>

Для цитирования: Куманьков А.Д. Моральное обоснование гуманитарной интервенции в современной теории справедливой войны // Философские науки. 2020. Т. 63. № 11. С. 58–73.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-58-73

Moral Justification of Humanitarian Intervention in Modern Just War Theory*

A.D. Kumankov

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Abstract

The article deals with the problem of moral justification of humanitarian intervention by modern just war theorists. At the beginning of the article, we discuss the evolution of the dominant paradigms of the moral justification of war and explain why the theory and practice of humanitarian intervention appears only at the present stage of the development of ethics and the law of war. It is noted that theorization of humanitarian intervention began in the last decades of the 20th century. This is due to a significant transformation, a retreat in the legal and ethical studies of war from the position of radical condemnation of aggressive actions and the recognition of the political subjectivity of non-state groups. Thus, there is a rethinking of the long tradition, the Westphalian system of international relations, according to which the state was recognized as the main participant of big politics, and its sovereign right to conduct domestic policy was considered indisputable. Further, we take the works of Michael Walzer as the main source

* The article is prepared as a result of the research (no. 21-04-028) in the framework of the Academic Fund Programme of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE) in 2021–2022 years.

of modern conceptualization of the ethics of humanitarian interventionism, since Walzer repeatedly addressed this topic and formulated a position on this issue that is representative of the entire modern Just War Theory. The arguments of Walzer and his supporters in favor of the moral justification of humanitarian intervention are considered. Among them are the following. First, the argument about the state as an organization which goal is to protect the rights of its own citizens. If this goal is not achieved, the state shall loose its power over these people and in this territory. Second, Walzer calls for identifying governments and armed forces involved in mass murders as criminal and, therefore, deserving of punishment. Finally, there is, perhaps the most important, demonstrative argument: an appeal to the self-evident impossibility to stand aside in cases of mass violence in any state. This is followed by a critique of these arguments, as well as a demonstration of how the modern Just War Theory can respond to these criticisms.

Keywords: ethics of war, political philosophy, principle of non-intervention, responsibility to protect, Michael Walzer, sovereignty, human rights.

Arseniy D. Kumankov – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the School of Philosophy and Cultural Studies, Deputy Dean for Research of the Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

akumankov@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-8951-4707>

For citation: Kumankov A.D. (2020) Moral Justification of Humanitarian Intervention in Modern Just War Theory. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 11, pp. 58–73.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-58-73

Введение

Один из основополагающих принципов морального подхода к рассмотрению войны заключается в том, что война должна иметь причину, в достаточной мере вескую и обоснованную. Это необходимое, хотя и не единственное условие, соблюдение которого позволяет говорить об оправданности войны или ее справедливости. Требование наличия причины обращения к военной силе можно назвать едва ли не самоочевидным. Оно оказывается также и демаркационным – ведущий войну без всякой причины теряет человеческое обличие, исключается из цивилизованного сообщества. Как пишет Аристотель в «Никомаховой этике», «никто ведь не собирается ни воевать ради того, чтобы воевать, ни готовить войну ради нее самой, ибо невероятно кровавым делом покажется тот, кто станет даже друзей делать врагами, лишь бы сражаться и убивать» [Аристотель 1983, 282]. Такой человек или сообщество людей, несомненно, кажутся Аристотелю в большей

степени зверьми, нежели людьми. Отсутствие основания для агрессии само по себе свидетельствует о моральной неприемлемости войны. Но при этом очевидно: не каждая причина может дать моральное обоснование войны. Порой для оправдания самых страшных войн и военных преступлений отыскивались причины, представлявшие в качестве законных оснований для начала боевых действий. Так, даже Вторая мировая война, где, казалось бы, роли агрессора и его жертв были однозначно определены, началась с Гляйвицкого инцидента – инсценировки нацистскими спецслужбами нападения польской армии на немецкую радиостанцию в городке Гляйвиц, которая подавалась как повод для начала Германией «оборонительной» войны против Польши. Этот пример показывает, что в рамках морального подхода к войне важно не только назвать причину начала боевых действий или заявить о ее наличии, но и доказать, почему она дает моральное обоснование войне. Западное учение о войне прошло своеобразную эволюцию в определении справедливости причин войны. Можно выделить несколько доминировавших подходов к определению справедливости войны: необходимость восстановить естественное положение вещей (Античность), идея восстановления божественной справедливости и наказание грешников (христианское Средневековье), легалистский подход, строящийся вокруг права государств защищать свой суверенитет (начиная с Нового времени и во многом до настоящего времени) и, наконец, новая версия легализма, но апеллирующая к возможности применять военное насилие только для защиты прав человека (начиная с последних десятилетий XX века). В этой последней парадигме, активно развивающейся в настоящее время, особое место отведено идее войны по гуманитарным основаниям – гуманитарной интервенции. В данной статье мы обозначим основные аргументы, которые современные сторонники теории справедливой войны выдвигают в поддержку гуманитарного интервенционизма, и дадим им оценку. В качестве основного источника мы возьмем работы Майкла Уолцера, поскольку он с 1977 года многократно возвращался к проблеме гуманитарной интервенции и его позиция по этому вопросу репрезентативна для всей современной теории справедливой войны.

Становление дискурса гуманитарного интервенционизма

Стоит отметить, что тема гуманитарной интервенции сравнительно недавно стала разрабатываться в исследовательской

литературе. Внимание к ней было привлечено в 70–80-е годы XX века, а действительно популярной она стала в 90-е годы на фоне конфликтов в Руанде, Боснии, Косово, Сомали, Гаити. В это время проблема вмешательства во внутренние дела государства для предотвращения геноцида или иных форм массового нарушения прав человека внутри государства, формально не являющегося агрессором, превратилась едва ли не в центральную проблему как для политиков, занятых практикой международных отношений, так и для юристов, политических ученых и специалистов по политической философии и этике войны. Иллюстративна в этом отношении эволюция взглядов корифея современной теории справедливой войны Майкла Уолцера. В *magnit opus* Уолцера «Справедливые и несправедливые войны», опубликованном впервые в 1977 году, раздел о гуманитарной интервенции занимает всего семь страниц [Walzer 2015, 101–108]. В 2004 году в сборнике важнейших своих работ «Споря о войне» Уолцер называет гуманитарные интервенции (во всяком случае, некоторые из них) столь же очевидным примером допустимости в некоторых обстоятельствах решать конфликты при помощи военной силы, что и борьбу с нацизмом [Walzer 2004, xi]. Сама идея интервенционизма, направленного на скорейшее прекращение акций массового насилия в отношении гражданского населения и изменение «режима, который ответственен за негуманность» [Walzer 2004, 19], кажется теперь Уолцеру необходимой частью теории справедливой войны.

Изначально, однако, гуманитарные основания в качестве вестфальской причины войны не были и не могли быть элементом учения о справедливой войне, и только в силу ряда политических и теоретических трансформаций произошла их переоценка. Среди прочего стоит в первую очередь обратить внимание на транзит от вестфальской к поствестфальской системе международных отношений и связанные с этим изменения в международном праве. Суверенное право государств и их монополия на легитимное физическое насилие внутри определенной территории все еще остаются базовыми характеристиками современного политического пространства. Тем не менее и суверенитет, и границы зоны распространения монополизированного насилия были заметно пересмотрены после окончания Второй мировой войны. В межгосударственных отношениях значительно усилилась роль надгосударственных объединений, занятых, как прописано в

Уставе ООН, решением вопросов коллективного «поддержания международного мира и безопасности». Снизу же государство подпирают различные негосударственные субъекты. Еще один значимый контекст задается изменением роли прав человека в политической практике. Права человека – не просто один из идеалов эпохи модерна, но давно уже институционализированный механизм регуляции внутригосударственных и международных отношений. Говоря словами Майкла Игнатьева, «на практике реализация государствами собственной суверенности теперь зависит, как минимум, в некоторой степени, от соблюдения ими общепризнанных прав человека. Государства, не считающиеся с этим, становятся объектами критики, санкций и в конечном счете внешнего вмешательства» [Игнатьев 2019, 49]. Сдерживание и оборона (а не наступательная война) становятся основой военных доктрин; вооруженные контингенты надгосударственных организаций применяются для обеспечения национальной и международной безопасности; существенно усилилось значение гражданских прав. Сочетание нескольких факторов создало условия, при которых становится приемлемой легитимация войны как средства защиты прав человека. Это правило распространяется в том числе и на людей, которые не являются гражданами государства, берущего на себя миссию осуществления подобной защиты. В международно-правовом контексте мы в этой связи сталкиваемся с доктриной «Обязанность защищать» (responsibility to protect). В сфере этики и политической философии – с попытками нравственного обоснования гуманитарного интервенционизма.

Иногда в философской литературе, посвященной проблематике гуманитарной интервенции, встречаются замечания о своеобразном возвращении теории справедливой войны к парадигмам, исторически предшествовавшим легалистскому подходу [Hehir 1995, 5–6; Coates 2015, 20]. Представляется, что подобное сопоставление возможно лишь с определенной долей условности. Действительно, идея гуманитарного интервенционизма несовместима с легализмом, который появился в XVII веке и представлял собой теоретическую форму обоснования прав национальных государств на силовое отстаивание своих интересов и балансировку сил. Государственный суверенитет был незыблемым, и вмешательство во внутренние дела государства не могло рассматриваться в качестве справедливой причины войны. Самооборона была главной, а для некоторых авторов единственной нравствен-

ной причиной нарушения принципа невмешательства. Примечательно в этом отношении, что Джон Стюарт Милль, известный защитник прав человека, в своем эссе о справедливых причинах войны («Несколько слов о невмешательстве») отводит всего лишь несколько предложений, чтобы обозначить проблематику того, что мы сейчас называем гуманитарной интервенцией. Он пишет: «Требует отдельного рассмотрения случай затяжной гражданской войны, в которой противостоящие друг другу стороны настолько равны по силе, что нет никакой вероятности быстрого решения конфликта; а если и есть, то победившая сторона не может даже надеяться на то, чтобы удержать побежденных в подчинении иначе как жестокостью, несовместимой со всякой человечностью и губительной для долговременного благосостояния страны» [Милль 2020, 294]. То есть, с точки зрения Милля, в ситуациях, когда внутренний конфликт сопряжен с жестокостью, несовместимой со всякой человечностью, внешнее военное вмешательство допустимо. Однако он тут же добавляет, что подобная практика пока еще не стала общепринятой: «Похоже, еще не получила признания доктрина, согласно которой в этом исключительном случае страны-соседи (или один могущественный сосед с молчаливого согласия остальных) имеют основания требовать, чтобы противостояние сторон прекратилось, а примирение было достигнуто на справедливых условиях и по взаимному согласию» [Милль 2020, 294].

И все же современный поворот к гуманитарному интервенционизму не свидетельствует о возвращении к античной или средневековой доктрине морального обоснования войны. Справедливость войны для античных авторов, как было сказано во введении, связана с восстановлением в ходе боевых действий природной справедливости. В качестве цели такой войны определяется мир, в котором каждый займет определенное ему природой положение. Христианское учение о справедливой войне оправдывает войну как форму борьбы с грехом. Она направлена против отступников от божественной справедливости. Именно Бог и установленный Им порядок являются главными предметами беспокойства христианских философов. Очевидно, что ни Античность, ни Средние века не могли дать теоретического обоснования гуманитарной интервенции, о которой невозможно было говорить без концептуализации индивидуализма и проблематики прав человека, а в этике войны эти темы стали центральными только в середине

XX века. Единственное, что объединяет современный военный гуманитаризм с христианской апологетикой войны – идея воздаяния нарушителю права. Так, Уолцер замечает, что «гуманитарная интервенция радикально меняет аргументацию по поводу завершения войн, поскольку теперь война с самого начала является усилием по изменению режима, ответственного за бесчеловечные действия» [Уолцер 2019, 133].

Традиционное представление о самообороне как справедливой причине войны предполагало также чаще всего возможность защиты союзника от агрессии. Это позволяет говорить о некоторой близости гуманитарной интервенции по отношению к войне, которая ведется ради помощи союзнику. Однако существенное отличие состоит в том, что союзник мог просить об этой помощи или даже самой целью заключения союза было обеспечение защиты. Кроме того, этот союзник был государством, одно правительство договаривалось и помогало другому правительству. В случае с гуманитарной интервенцией возникает вопрос, который сформулировала Хелен Фроу: «Допустимо ли вторгаться в государство, не получив согласия его правителей, чтобы защитить граждан этого государства от внутренней агрессии?» [Frowe 201, 87].

Казалось бы, препятствием в отношении гуманитарного интервенционизма служит и международное право. В Уставе ООН было прописано, что народы объединенных наций солидаризируются в стремлении «избавить грядущие поколения от бедствий войны», ради чего они готовы к подавлению любых актов агрессии. А в принятой в 1974 году резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии» однозначно утверждалась необходимость решать «международные споры мирными средствами, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость». При этом там же была дана дефиниция понятия агрессии: «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства». Как же может быть оправдано действие, явным образом нарушающее суверенитет независимого государства, которое в этом время не ведет агрессивную внешнюю политику?

Обоснование гуманитарной интервенции: основные аргументы

Чтобы ответить на эти вопросы и дать моральное обоснование нарушению суверенитета государства, не ведущего агрессивную

войну, но переживающего гуманитарную катастрофу, было предложено несколько аргументов.

Майкл Уолцер, которого Терри Нардин считает автором, реактуализировавшим понятие «гуманитарная интервенция» в теоретическом дискурсе [Nardin 2013, 68], повторяет в «Справедливых и несправедливых войнах» аргумент Милля: «...если правящие силы в стране вовлечены в массовые нарушения прав человека» [Walzer 2015, 101], то правительство фактически утрачивает свою власть. Это дает право другим правительствам действовать на данной территории во благо людей, находящихся на этой земле: «Против порабощения или убийства политических оппонентов, национальных меньшинств и членов религиозных сект может и не быть никакой помощи, пока эта помощь не придет извне» [Walzer 2015, 101]. Правительство в этом случае не может заявлять о праве на самоопределение, чтобы отвести гуманитарную интервенцию, поскольку своими действиями оно разрушает политическое сообщество, внутри которого действовала его власть.

По сути, это аргумент, базирующийся на классическом либеральном понимании государства. Как минимум, начиная с Джона Локка, легитимность государства опирается на его возможность выполнять ту задачу, ради которой оно было создано. Государство, созданное «ради общественного блага и безопасности» [Локк 1988, 327], распадается и перестает существовать, когда «не продолжается более отправление правосудия для обеспечения прав людей и в обществе не остается какой-либо власти, которая направляла бы его силу или обеспечивала бы нужды населения» [Локк 1988, 389]. Но Уолцер усиливает его, добавляя, что «правительства и армии, участвующие в массовых убийствах, однозначно идентифицируются как преступные правительства и армии (они виновны на основании Нюрнбергских принципов “преступлений против человечности”»)» [Walzer 2015, 106]. Правительство, ответственное за нарушение прав человека, не только недееспособно, но и преступно, а потому в его отношении допустимы насильственные действия.

Уолцер при этом задает два ограничения гуманитарной интервенции. Во-первых, нарушающие суверенитет интервенции оправданы только в случаях действительно серьезных нарушений прав человека и в ситуациях, когда необходимо действовать максимально быстро [Walzer 2015, 90–91]. Но при этом «не каждое нарушение прав человека является оправданием. Обычная жесто-

кость авторитарной политики, постоянный гнет традиционных социальных практик – все это не повод для вмешательства; с ними должны иметь дело на местном уровне люди, разбирающиеся в политической обстановке, которые способны повлиять на практику или сопротивляющиеся ей» [Walzer 2002, 31]. Во-вторых, интервент ограничен в целях. Он не может превратить гуманитарную интервенцию в агрессивную войну против правительства (пусть и преступного) другого государства. Его цель состоит только в прекращении акций насилия в отношении гражданских лиц, а решать свое политическое будущее должны сами жертвы этих акций [Walzer 2015, 117–124].

Кроме того, Уолцер часто использует демонстративный аргумент, апелляцию к здравому смыслу или очевидности, когда говорит о необходимости обоснования гуманитарных интервенций. Сами по себе гуманитарные катастрофы не появились в последние десятилетия XX века. Но в наше время они стали куда более заметными и шокирующими, теперь «мы гораздо более тесно связаны ими и с ними» [Walzer 2002, 30]. То есть ужас этических чисток или геноцида столь силен, что каждый из нас способен ощутить его самым интенсивным образом, что буквально приковывает нас к происходящему.

Против подобного рода аргументации – теоретической и демонстративной – можно привести ряд возражений. Во-первых, можно продолжать настаивать, что принцип невмешательства и запрет на нарушение суверенитета, коль скоро они имеют юридическую силу, невозможно игнорировать и отменять, с какими бы шокирующими событиями мы не столкнулись. Однако, принимая во внимание, что международное право является предметом соглашения и может эволюционировать, подобный юридический ригоризм вряд ли может рассматриваться в качестве серьезного контраргумента по отношению к гуманитарным войнам. Как замечает Хелен Фроу, «мораль иногда обязывает нас нарушать закон, особенно если закон несправедлив» [Frowe 2015, 89], как это было в случае суфражизма или аболиционизма.

Во-вторых, гуманитарную интервенцию можно критиковать с реалистической позиции: кто будет бескорыстно заниматься решением проблем чужого народа, исходя только из моральных побуждений; наверняка интервент в ходе боевой операции постарается достичь своих корыстных целей (захватить территорию, подорвать экономическую мощь противника, получить доступ к редким

ресурсам и т.п.). Или этот вопрос можно перевести на язык этики долга: можно ли признать нравственным поступок, совершенный из соображений выгоды, а не из уважения к моральному долгу? Получит ли моральное одобрение действие, совершенное не из гуманного мотива? Здесь ответ есть у самого Уолцера. Он предлагает довольно утилитарное решение: если интервенция решает задачу остановить гуманитарную катастрофу, то она справедлива вне зависимости от мотивации интервента или его морального статуса [Walzer 2015, 101–102]. Примеры подобных интервенций можно привести. Случай, к которому любит обращаться сам Уолцер – вторжение Вьетнама в Кампучию в 1978–1979 годах. Вьетнам явно не был государством, ориентированным на защиту прав человека, кроме того, был ряд политических причин, подталкивавших Вьетнам к войне с красными кхмерами: неприятие самого режима, стремление защитить находящихся в Кампучии вьетнамцев. Иными словами, Вьетнам не действовал исключительно из соображений уважения человеческого достоинства. Однако его интервенция помогла прекратить геноцид. Ценность спасенных жизней оказывается для Уолцера достаточным условием для оправдания боевых действий в данном случае.

Британский философ и политолог Джеймс Пэттисон также дает несколько ответов на возражение о мотивах, расширяющих аргументацию Уолцера. Он говорит о невозможности обсуждать мотивы в политическом контексте в связи с возникающими онтологическими и эпистемологическими затруднениями. Онтологическое затруднение связано с тем, что мотивы могут быть только у индивидов, а не у политических сообществ, государств или правительства [Pattison 2010, 156]. И даже если мы рассмотрим правительство как коллектив, составленный из индивидов, сложно делать заключения о мотивации правительства как такового, поскольку «любая интервенция возникает из сложного и меняющегося контекста политических целей, взглядов и позиций, в котором мотивы трудно выделить и проанализировать» [Pattison 2010, 156]. Впрочем, этого заключения Пэттисона вряд ли достаточно для того, чтобы считать проблему мотивов закрытой. С одной стороны, политическая философия и наука довольно давно освоили подходы к государству как к корпоративному субъекту со своими целями и интересами. С другой – если в принятии решения об интервенции участвует множество субъектов или партий, каждая из которых обладает целым набором мотивов,

само по себе это не причина отказываться анализировать это многообразие взглядов и позиций. Правда, на последнее замечание Пэттисон отвечает, описывая гносеологическое затруднение: как именно можно выявить мотивы тех, кто принимает решение об интервенции. Как нам определить, «хотел ли Билл Клинтон вмешаться в Косово, потому что он действительно заботился о спасении жизней косовских албанцев? Или он был больше озабочен тем, чтобы погасить внутривнутриполитические страсти вокруг дела Моники Левински?» [Pattison 2010, 157]. Иными словами, что считать истинным мотивом? Впрочем, хотя бы на уровне анализа публичных деклараций мотивов и целей провести подобную работу можно.

В-третьих, часто используется аргумент об избирательности гуманитарных интервенций. Одна и та же страна может вмешиваться во внутренние дела суверенных государств в одних случаях и игнорировать другие. В исследовательской литературе и публицистике довольно популярен следующий пример. В 2011 году президент США Барак Обама заявил: «Мы не можем сидеть сложа руки, когда тиран говорит своему народу, что пощады не будет, и его войска усиливают свои атаки на такие города, как Бенгази и Мисурата, где невинные мужчины и женщины становятся жертвами жестокости и смерти от рук своего собственного правительства» [Obama 2011]. Будучи готовым использовать военную силу для решения ливийского кризиса, Обама и США при этом не были обеспокоены ситуациями в Бирме, Конго или Дарфуре. Сам Уолцер отвечает на это следующим образом. Политические сообщества принимают решение, исходя из тех условий, в которых они находятся, и политической целесообразности. В какой-то мере это продолжение аргумента, приведенного в ответ на второе замечание: мотивы потенциальных интервентов могут дать, а могут и не дать им оснований для вмешательства. Однако «нет ничего аморального в том, чтобы действовать или отказываться действовать из соображений благоразумия» [Walzer 2002, 37]. Кроме того, замечание об избирательности или даже произвольности при принятии решения об интервенции отсылает нас к вопросу, является ли гуманитарная интервенция обязанностью или правом государств. Однако этот вопрос выходит за пределы проблемного поля настоящей статьи и заслуживает отдельного исследования (см. об этом: [Pattison 2008]).

Четвертое возражение сформулировал американский военный эксперт Эдвард Люттвак: «Предписание, что X должен сражаться с Y всякий раз, когда Y грубо нарушает принятые X моральные и юридические нормы, узаконило бы вечную войну» [Luttwak 2000, 11]. Иначе говоря, гуманитарный интервенционизм опасен, поскольку ввергает мировую политику в состояние хаоса непрерывных интервенций, спровоцированных расхождением моральных позиций между различными государствами или народами. В определенной степени этот аргумент имеет отношение к ответу Уолцера на предыдущее возражение. Если иногда политическое благоразумие подсказывает отказаться от вмешательства в события, происходящие в государстве Y , то, возможно, в целом разумнее отказаться от любого такого вмешательства? На это Уолцер отвечает, что не следует злоупотреблять сведением морали к личным представлениям и суждениям. Когда интервент действует, чтобы остановить массовые убийства или этнические чистки, он реагирует не на личное представление о приемлемом способе поведения, а на ценность права на жизнь, которая понимается как общезначимая. И лицо или правительство, ответственное за гуманитарную катастрофу, не защитит себя заявлениями, что с точки зрения его личной морали агрессивные действия в отношении гражданских лиц были нравственным способом поведения [Walzer 2002, 35].

Сам же Люттвак разрушает свой контраргумент, когда далее пишет: «Даже если мы не говорим о гражданских войнах, массовых убийствах или нанесении увечий, совершенно нормальное повседневное функционирование армии, полиции и бюрократии влечет за собой постоянное вымогательство, частые грабежи и изнасилования, а также повсеместное угнетение» [Luttwak 2000, 11]. Почему бы не начинать гуманитарные интервенции в каждом из таких случаев, задается вопросом Люттвак. Однако заметно – и Уолцер указывает на это, – что в этом рассуждении Люттвак уже готов признать универсальность оценки злодеяний, совершаемых службами безопасности или даже бюрократической системой [Walzer 2002, 36]. В этом замечании Люттвака поднимается, однако, важная тема определения момента, когда гуманитарная интервенция (и война вообще) становится не одним из возможных способов решения конфликта, а единственным средством. Для теории справедливой войны, а также для системы международного права, это серьезный вопрос, поскольку они отдают

должное принципу крайнего средства: война допустима не только при наличии веской причины, но и в случае, когда исчерпаны все иные, ненасильственные средства урегулирования проблемы (см., например: [Коппитерс, Апресян, Келеманс 2002]). Уолцер в этом случае готов вновь задействовать демонстративный аргумент и апеллировать к самоочевидности ситуации, которая требует военного вмешательства. Невозможно игнорировать поля смерти Пола Пота, их нужно закрыть любой ценой, даже при помощи военной силы в нарушение суверенитета Кампучии.

Заключение

Гуманитарные интервенции – это способ действовать в настоящему экстремальных условиях, когда насильственные акции в отношении огромных масс людей, как правило, гражданских лиц, не подлежат сомнению. В подобных условиях количество жертв легитимирует как можно более быстрое вмешательство извне: «прежде чем оказать поддержку, нам не стоит дожидаться, пройдут ли они (люди, которых убивают. – А. К.) тест на самопомощь. Именно невозможность этой самопомощи и заставляет нас вступать в дело» [Walzer 2015, 106]. В результате оказывается, что именно демонстративный аргумент – к ясно представляемым ужасам и объему насилия – оказывается наиболее востребованным как в теории Уолцера, так и в рассуждениях современных теоретиков справедливой войны. Этот аргумент встает поверх всех моральных концепций или рассуждений о политических целях, которые могут привлекаться в дискуссию о гуманитарных интервенциях. Как возможно бездействовать, если ты становишься свидетелем ежедневно повторяющихся убийств тысяч человек, как это имело место в Руанде в 1994 году?

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аристотель 1983 – *Аристотель*. Никомахова этика // *Аристотель*. Соч. в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. С. 53–294.

Игнатьев 2019 – *Игнатьев М.* Права человека как политика и как идолопоклонство. – М.: НЛЮ, 2019.

Коппитерс, Апресян, Келеманс 2002 – *Коппитерс Б., Апресян Р.Г., Келеманс К.* Крайнее средство // *Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры* / под общ. ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. – М.: Гардарики, 2002. С. 141–167.

Локк 1988 – *Локк Дж.* Два трактата о правлении // *Локк Дж.* Соч. в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. С. 135–406.

Милль 2020 – *Милль Дж.Ст.* Несколько слов о невмешательстве // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 281–299.

Уолцер 2019 – *Уолцер М.* Триумф теории справедливой войны (и опасности успеха) // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 117–138.

Frowe 2015 – *Frowe H.* The Ethics of War and Peace: An Introduction. – London: Routledge, 2015.

Hehir 1995 – *Hehir J.B.* Intervention: From Theories to Cases // Ethics & International Affairs. 1995. Vol. 9. No. 1. P. 1–13.

Luttwak 2000 – *Luttwak E.A.* No-Score War // Times Literary Supplement. 2000, July 14. P. 11.

Nardin 2013 – *Nardin T.* From Right to Intervene to Duty to Protect: Michael Walzer on Humanitarian Intervention // The European Journal of International Law. 2013. Vol. 24. No. 1. P. 67–82.

Obama 2011 – *Obama B.* Remarks by the President on Libya // The White House Office of the Press Secretary. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/03/19/remarks-president-libya>

Pattison 2008 – *Pattison J.* Whose Responsibility to Protect? The Duties of Humanitarian Intervention // Journal of Military Ethics. 2008. Vol. 7. No. 4. P. 262–283.

Pattison 2010 – *Pattison J.* Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect: Who Should Intervene? – New York: Oxford University Press, 2010.

Walzer 2002 – *Walzer M.* The Argument about Humanitarian Intervention // Dissent. 2002. Vol. 49. No. 1. P. 29–37.

Walzer 2004 – *Walzer M.* Arguing about War. – London; New Haven: Yale University Press, 2004.

Walzer 2015 – *Walzer M.* Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. – New York: Basic Books, 2015.

REFERENCES

Aristotle (1983) Nicomachean Ethics. In: Aristotle. *Works in 4 Vols.* (Vol. 4, pp. 53–294). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Coppieters B., Apressyan R., & Ceulemans C. (2002) *Ultimum remedium*. In: Coppieters B., Fotion N., & Apressyan R. (Eds.) *Moral Constraints on War: Principles and Cases* (pp. 141–167). Moscow: Gardariki (in Russian).

Frowe H. (2015) *The Ethics of War and Peace: An Introduction*. London: Routledge.

Hehir J.B. (1995) Intervention: From Theories to Cases. *Ethics & International Affairs*. Vol. 9, no. 1, pp. 1–13.

Ignatyev M. (2019) *Human Rights as Politics and Idolatry*. Moscow: NLO (in Russian).

Lock J. (1988) Two Treatises of Government. In: Lock J. *Works in 3 Vols.* (Vol. 3, pp. 135–406). Moscow: Mysl' (in Russian).

Luttwak E. (2000, July 14) A No-Score War. *Times Literary Supplement*. P. 11 (in English).

Mill J.S. (2020) A Few Words on Non-Intervention. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 19, no. 3, pp. 281–299 (in Russian).

Nardin T. (2013) From Right to Intervene to Duty to Protect: Michael Walzer on Humanitarian Intervention. *The European Journal of International Law*. Vol. 24, no. 1, pp. 67–82 (in English).

Obama B. (2011) Remarks by the President on Libya. *The White House Office of the Press Secretary*. Retrieved from <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/03/19/remarks-president-libya>

Pattison J. (2008) Whose Responsibility to Protect? The Duties of Humanitarian Intervention. *Journal of Military Ethics*. Vol. 7, no. 4, pp. 262–283.

Pattison J. (2010) *Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect: Who Should Intervene?* New York: Oxford University Press.

Walzer M. (2002a) The Argument about Humanitarian Intervention. *Dissent*. Vol. 49, no. 1, pp. 29–37.

Walzer M. (2002b) The Triumph of Just War Theory (and the Dangers of Success). *Social Research: An International Quarterly*. Vol. 69, no. 4, pp. 925–944 (Russian translation in: *Logos*. 2019. Vol. 29, no. 3, pp. 117–138).

Walzer (2004) *Arguing about War*. New Haven: Yale University Press.

Walzer (2015) *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. New York: Basic Books.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-74-90

Оригинальная исследовательская статья

Original research

Политология войны в системе научного знания

В.К. Белозёров

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия*

Аннотация

В статье обосновывается возможность и необходимость разработки в России политологии войны как относительно самостоятельной отрасли политической науки. Для решения этой задачи дается ретроспективный обзор появления и развития политического компонента в системе научного знания о войне. В России этот процесс происходил противоречиво. Некоторыми авторитетными мыслителями, в том числе из числа военных теоретиков, отрицалась и наука о войне как таковая. Изучение войны как политического феномена обычно игнорировалось. В конечном итоге в дореволюционный период возобладала освобожденная от политики парадигма понимания войны, т.е. способов и инструментов ее ведения, причин и последствий для человека, общества и его политической организации. Такой подход имел негативные последствия для политической элиты, подготовки военных кадров, общественного сознания, что особенно проявилось в период социальных катаклизмов. В советский период истории в результате индоктринации общественных наук возобладало не политическое, а политизированное изучение войны, что также не обеспечивало ее целостного восприятия и имело отрицательные последствия при подготовке военной силы и обращении с ней. Анализ подходов и военной науки, и общественных наук показывает, что феномен войны изучается ими фрагментарно, в рамках своего метода. При этом в настоящее время подготовлено немало ценных научных трудов по философии, социологии, психологии войны. В условиях, когда общепризнано, что война есть продолжение политики, неразработанность политологии войны является нелогичной, ее отсутствие препятствует целостному восприятию этого сложного феномена. В статье делается вывод, что в настоящее время в России сложились необходимые предпосылки и условия для разработки политологии войны.

Ключевые слова: наука о войне, теория войны, военная политика, общественные науки, философия войны, социология войны.

Белозёров Василий Клавдиевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, член научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации.

vk_belozеров@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

Для цитирования: *Белозёров В.К.* Политология войны в системе научного знания // *Философские науки*. 2020. Т. 63. № 11. С. 74–90.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-74-90

The Political Science of War in the System of Scientific Knowledge

V.K. Belozеров

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract

The article substantiates the possibility and necessity of the development of the political science of war in Russia as a relatively independent branch of political science. To solve this problem, a retrospective review of the emergence and development of a political component in the system of scientific knowledge about war is provided. This process was controversial in Russia. Some credible thinkers, including military scientists, denied the science of war as such. The study of war as a political phenomenon was usually disregarded. Eventually, in the pre-revolutionary period, there prevailed the free-from-politics paradigm of understanding war (the ways and means of its conduct, its causes and consequences for an individual, society, and government agencies). Such an approach had negative consequences for political elite, training of military personnel, and public consciousness, which was especially evident in the period of social disasters. During the Soviet period of history, as a result of the indoctrination of social sciences, the politicized study of war had prevailed, which also did not ensure its holistic perception and had negative consequences in the preparation and handling of military force. A comparison of the approaches of military science and social sciences shows that they study the phenomenon of war in fragments, within the framework of their method. At the same time, many valuable scientific works on philosophy, sociology, and psychology of war have been prepared. In conditions when it is generally recognized that war is a continuation of politics, the undeveloped political science of war is illogical, its absence does not provide a holistic perception of this complex phenomenon. The

article concludes that nowadays Russia has the necessary prerequisites and conditions for the development of the political science of war.

Keywords: military science, theory of war, military politics, social sciences, philosophy of war, sociology of war.

Vasily K. Belozerov – D.Sc. in Political Science, Professor, Head of the Department of Political Science, Moscow State Linguistic University; Leading Research Fellow, Research Laboratory “Study of Global and Regional Socio-Political Processes,” N.A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod; Member of the Scientific Council under the Security Council of the Russian Federation.

vk_belozerov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

For citation: Belozerov V.K. (2020) The Political Science of War in the System of Scientific Knowledge. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 63, no. 11, pp. 74–90.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-74-90

Введение

Война сопровождает человечество с самого начала его истории и образует неотъемлемую составную часть общественно-политической жизни. Война трансформируется постоянно и непрерывно, меняется и ее образ. Вследствие этого возникают все новые трудности для всеохватывающего познания военной действительности.

Как известно, война и ее проявления образуют сложный объект исследования многих наук. Политологическое же изучение войны является необходимым условием и предпосылкой ее полного и объективного восприятия. Однако в современной политической науке необоснованно отсутствует ее относительно самостоятельная часть, которая непосредственно связана с проблемой войны. Как представляется, в указанном статусе должна получить развитие политология войны.

Исследование войны в царской России и в Советском Союзе в его политическом измерении

Наука о войне прошла в России длительный и непростой путь. Заслуживает внимания и интереса то, что на различных этапах этого процесса периодически проявлялись исследовательские проблемы политологического характера.

Исходный пункт возникновения политического исследования войны в России обнаруживается в первой трети XIX века. Следу-

ет отметить, что передовые мыслители царской России считали ограниченной военную науку и теорию стратегии, которые оторваны от политической и общественной жизни. Речь идет о предпринятой бароном Н.В. Медемом¹ попытке вскрыть политические детерминанты военной стратегии. На этой основе и под сильным влиянием идейного наследия Клаузевица ученый стремился разработать в Императорской военной академии курс стратегии и осмыслить стратегию с политической точки зрения. Предпринятая Медемом попытка не получила поддержки и, к сожалению, не удалась. Кроме того, даже относительно правомочности науки о войне как самостоятельной отрасли научного знания в России высказывались противоположные мнения.

При оценке осмысления в России роли политики на войне примечательны высказывания великого писателя Льва Толстого о «теории военного дела». Толстому все было ясно. По его твердому убеждению, не может быть никакой военной науки. Эти мысли излагаются одним из главных героев романа «Война и мир» князем Андреем Болконским: «Те, давно и часто приходившие ему во время его военной деятельности мысли, что нет и не может быть никакой военной науки, и поэтому не может быть никакого так называемого военного гения, теперь получили для него совершенную очевидность истины. “Какая же могла быть теория и наука в деле, которого условия и обстоятельства неизвестны и не могут быть определены, в котором сила деятелей войны еще менее может быть определена? Никто не мог и не может знать, в каком будет положении наша и неприятельская армия через день, и никто не может знать, какая сила этого или того отряда. <...> Какая же может быть наука в таком деле, в котором, как во всяком практическом деле, ничто не может быть определено, и все зависит от бесчисленных условий, значение которых определяется в одну минуту, про которую никто не знает, когда она наступит”» [Толстой 1983, 59–60]. В действительности Толстой в принципе отрицал возможность целостного понимания войны.

Признавая творческие заслуги великого писателя, авторитетные русские военные мыслители того времени убедительно аргументировали, что взгляды Толстого на военную науку и на волевой фактор на войне не выдерживают критики. Например,

¹ Барон Николай Васильевич Медем (1798–1870) был первым профессором стратегии созданной в ноябре 1832 года в Санкт-Петербурге Императорской военной академии.

известный русский военный теоретик генерал М.И. Драгомиров (1830–1905) опровергал позицию Толстого в специальной брошюре [Драгомиров 2012]. Согласно позиции Драгомирова, нет военной науки, но есть теория военного искусства и теория военного дела [Драгомиров 2012, 46]. Чтобы лучше понять воззрения и точку зрения генерала Драгомирова, необходимо подчеркнуть, что он являлся последователем прусского философа войны Карла фон Клаузевица. К его научным заслугам следует отнести, в частности, то, что он перевел с французского языка на русский раннее произведение Клаузевица [Учение о войне... 1888] и популяризировал в России его идеи.

В конечном итоге в образовании офицеров и в исследовании войны в России все же возобладали «освобожденная от политики» парадигма. Преемники Н.В. Медема на кафедре стратегии в Императорской военной академии направили свои усилия на то, чтобы не допустить такие взгляды и подходы.

В последующем известный русский и советский военный мыслитель А.А. Свечин (1878–1938) в присущей ему саркастической манере описывал подходы к содержанию курса стратегии в Императорской военной академии в середине XIX века: «Курс стратегии пятидесятых годов гласил: “вся политика войны состоит в том, чтобы, увидев неприятеля, наносить ему возможный вред. Что же касается до военно-политических отношений союзных держав и армий, условия, противные дисциплине и правилам военного искусства и военной службы, не должны быть допущены”. Предложение состоявшего на русской службе Жomini создать особые кафедры политики войны и военной политики отвергалось, так как, создавая эти науки, “можно затемнить еще более стратегические истины”. “Вникая в сущность дела, кажется невозможным открыть политику в войне”. “Какая может быть политика там, где бьются насмерть”» [Свечин 1935, 276].

Такой ограниченный подход сохранялся без изменений и в дальнейшем. Подтверждение сохранения такого изначально возникшего положения дел обнаруживается в воспоминаниях маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова (1882–1945), обучавшегося в Военной академии Генерального штаба в 1907–1910 годах. По его утверждению, изучение войны производилось следующим образом: «В широком смысле слова стратегия как наука о войне нам не читалась... Клаузевица в академии не признавали как теоретика учения о войне» [Шапошников 1982, 137].

В сложившихся условиях в императорской России политической науке не нашлось места в военных образовательных учреждениях и в исследовании войны. Последствия сложившегося положения оказались многоплановыми и стали фактически одной из причин социального и политического кризиса в стране в ходе Первой мировой войны. На важность целостного политического миросозерцания кадровых российских офицеров и драматические последствия его отсутствия уже после революции указывал в своей «Философии войны» А.Е. Снесарев (1865–1937): «Достаточно упомянуть тот роковой момент в жизни русской армии, случившийся в феврале 1917 года, когда на голову погибавшей, разлагавшейся и сбитой с исторического пути армии упал ряд военно-философских вопросов о существовании военного начальника, об организации военной власти, о пределах государственного принуждения и т.д. И не только все офицерство, все общество России почувствовало, что в области этих вопросов нет ни заблаговременных решений, ни ясного и проникновенного ответа...» [Снесарев 2003, 78].

В советский период самостоятельная полноценная и внепартийная политическая наука и политологическое образование были, как и прежде, невозможны. Политика, в том числе военная политика, официально имела единственный источник, а именно – предписания партии. В этих условиях любое сомнение относительно истинности и правомерности исходящих от партии директив не допускалось. Все политические указания и оценки исходили исключительно от Коммунистической партии. Вследствие этого советские исследования войны – при всех их значимых и признанных достижениях – обладали и известной ограниченностью, поскольку их главной отличительной чертой официально была определена глубокая партийность и классовая направленность [Военный энциклопедический словарь 1986, 135–136]. «Марксистско-ленинскому учению о войне и армии» была отведена роль единственно правильной теоретической базы военной науки.

Несмотря на это в советское время предпринимались некоторые плодотворные попытки трезвого и объективного политического осмысления войны и преодоления искусственно созданных теоретических препятствий. В этой связи обращает на себя внимание вышедший в Советском Союзе в 1926 году труд А.А. Свечина «Стратегия» [Свечин 2003]. Хотя он пишет именно о военной

стратегии, его произведение пронизано политическими идеями, поскольку Свечин в своих размышлениях однозначно исходил из принципа примата политики и воспринимал себя как последователя Клаузевица и Дельбрюка. Следует отметить, что труд Свечина с полным правом можно рассматривать в качестве развития идей Клаузевица о войне как политическом феномене. Мыслитель стремился к объективным оценкам военно-политической действительности и сознательно отказался от создания «наброска красной советской стратегической доктрины» [Свечин 2003, 34]. В результате в Советском Союзе труд Свечина оказался фактически единственной и смелой попыткой осмысления военной действительности с позиций политической науки, будучи отчасти освобожденной от исключительно классового подхода.

Наряду с преобладанием марксистского восприятия сущности и содержания войны, ее объективное изучение как политического феномена в 80-е годы XX века было существенно дезориентировано «новым мышлением» М.С. Горбачева. Его принципиальный тезис гласил: «Бывшая для своего времени классической формула Клаузевица, что война есть продолжение политики, только другими средствами, – безнадежно устарела. Ей место в библиотеках. Впервые в истории жизненной потребностью стало положить в основу международной политики общечеловеческие морально-этические нормы, очеловечить, гуманизировать межгосударственные отношения» [Горбачев 1988, 143–144]. Фактически такой подход означал, что война и военная сила должны быть исключены из перечня инструментов политики. Прямое следствие его реализации для советской науки состояло в обеднении и утрате смысла политического исследования войны.

Проблема отчасти была решена позже, после смены в России в конце XX века общественно-политического строя и признания самостоятельной политической науки. Так или иначе значение описываемого периода для становления относительно самостоятельных политологических подходов к исследованию войны состоит в развитии политических идей, существовавших в рамках других отраслей науки. Тем самым постепенно создавались предпосылки для будущей политологии войны.

Подходы общественных наук к изучению войны

Признавая значение и необходимость многопланового и полноценного изучения войны с учетом достижений других социальных

наук, необходимо принимать во внимание сложившиеся в их рамках отличия в подходах. В России в настоящее время детально разработаны многие важные идеи и научные подходы в отношении войны. Наряду с военной наукой заслуживают внимания научные идеи философского, социологического и психологического характера.

Обзор сложившегося положения целесообразно начать с **военных наук**. В постсоветской России в академических источниках под военной наукой традиционно понимают систему знаний о законах, характере войны, путях ее предотвращения, строительстве и подготовке вооруженных сил и страны к войне и отражению агрессии, о закономерностях, принципах и способах ведения вооруженной борьбы [Военный энциклопедический словарь 2007, 135]. В этой связи следует особо подчеркнуть, что фокусом и предметом исследования военной науки является вооруженная борьба, развитие ее средств и способов. Так рассматривалась военная наука в советское время, так она понимается и теперь.

Оценивая сложившееся состояние военной науки в России, следует отметить, что в настоящее время она претендует и на решение проблем, требующих более высокого уровня теоретического обобщения, и в результате выходит за пределы сферы своего объекта. Начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерал армии В.Н. Герасимов, характеризуя роль невоенных методов в разрешении межгосударственных конфликтов, отметил, что в настоящее время соотношение невоенных и военных мер находится в пропорции 4:1 [Герасимов 2013, 25].

В целом современное состояние российской военной науки характеризуется следующим.

1. Практически все военные исследователи солидарны в том, что современные войны и вооруженные конфликты претерпевают существенные изменения. Изменения происходят постоянно и нуждаются в столь же постоянном и тщательном осмыслении.

2. Признавая войну сложным социально-политическим явлением, российские ученые считают, что исследование войны – дело многих общественных, естественных и технических наук. При этом представители военной науки утверждают, что последняя составляет ядро общей системы знаний о войне и армии.

Неоднозначны распространенные суждения о статусе и задачах социально-политических исследований войны. Ряд представителей военной науки стремится принизить их роль. Иногда предлагается подчинить их военным исследованиям

и включить в качестве разделов теории военной науки, которая, как известно, понимается как учение о вооруженной борьбе. В этой связи следует особо подчеркнуть, что при таком подходе вооруженная борьба вместо средства политики может рассматриваться как ее цель.

3. В ряде военно-научных работ проявляется стремление взять на себя решение исследовательских задач, выходящих за пределы предмета военной науки. В некоторых исследованиях в ее структуру включаются разделы, не связанные напрямую с вооруженной борьбой и строительством вооруженных сил.

Представителями военной науки в России предпринимаются попытки исследовать не только вооруженную борьбу, но и другие ее виды. Вследствие этого при изучении несиловых, невоенных видов борьбы в современных и будущих войнах военная наука неизбежно вступает в сферы компетенции других наук.

4. Сложившаяся в мире и вокруг России военно-политическая обстановка способствовала возникновению множества сложностей теоретического и методологического характера. Интересы их решения требуют уточнения содержания объекта, предмета и структуры, перечня исследовательских задач военной науки. Изучение развернувшихся в России дискуссий и озвученных позиций показывает, что наибольшие разногласия возникли при обсуждении вопроса об объекте и предмете военной науки. Объект — только война или военная действительность в целом? Можно ли ограничить предмет военной науки только вооруженной борьбой? Представители каких наук должны в таком случае исследовать общие проблемы военного строительства, подготовки страны к обороне, ее экономики и т.д.?

При этом уже само признание вооруженной борьбы в качестве предмета военной науки требует наличия общей и признанной точки зрения на вопрос, что такое оружие. Средства же ведения вооруженного противоборства постоянно трансформируются. Их перечень непрерывно расширяется, в настоящее время интенсивность этого процесса только нарастает.

5. Обострилась проблема комплексных научных исследований военных проблем. Речь идет о военном строительстве, взаимодействии различных элементов военной организации государства. Остро стоит вопрос научной проработки проблем управления сферой обороны страны.

При этом можно констатировать существенное отличие взглядов военных ученых и, например, военных политологов и других исследователей на структуру системы знаний о войне и армии, на структуру собственно военной науки.

6. В России проявляется необходимость интеграции военнo-научных исследований, соединения усилий различных наук, изучающих проблемы национальной безопасности, обороны страны, войны и армии в интересах получения полного, цельного знания об этих явлениях общественной жизни. В современном же состоянии военная наука в России не готова решать многие теоретические и практические проблемы войны и военного строительства. Ее нужно перманентно приводить в соответствие с актуальными оценками современных войн и вооруженных конфликтов.

7. Наряду с общими подходами к оценке сущности и содержания военной науки, ее предмета, объекта и структуры в ходе дискуссий обозначились и существенные расхождения. Их существо состоит в различном понимании содержания современной войны.

Указанное различие является основным и порождает практически все остальные разногласия в подходах к месту и роли военной и других наук в исследовании войны и связанных с ней процессов и явлений общественной жизни. На первый план выходит задача определения границ других систем знаний, исследующих военную практику и войну. В междисциплинарных исследованиях, а исследование войны именно таким образом и происходит, наука сталкивается с такими сложными феноменами, которые в рамках отдельных дисциплин могут быть осмыслены и оценены лишь фрагментарно.

Во все времена существенный вклад в исследование войны вносила **философия**. Среди множества авторов обнаруживаются имена таких ученых, известных в прошлом и в настоящем в России и за рубежом, как Р. Штейнмец, А.А. Керсновский, А.Е. Снесарев и многих других мыслителей [Бельков 2019; Соловьев 2010].

Так, А.Е. Снесарев разработал учебный курс философии войны и сразу по окончании Гражданской войны в России преподавал эту дисциплину в Военной академии севшим на ученическую скамью командирам Красной армии. В те годы стратегия в этом образовательном учреждении не преподавалась. Характерно, что осенью 2018 года начальник Военной академии Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник В.Б. Зарудницкий прочитал

слушателям лекцию, которая была посвящена проблемам философии войны.

Важные заслуги в исследовании войны имеет **социология**. Прежде всего следует назвать отечественного военного социолога, представителя русской военной эмиграции генерала Н.Н. Головина (1875–1944). Думается, его можно отнести к создателям полемологии войны в современном понимании этой науки. По крайней мере, такой вывод можно сделать, ознакомившись со следующими работами Головина: «О социальном изучении войны» (Белград, 1937), «Наука о войне. О социологическом изучении войны» (Париж, 1938). Заслуживает внимания утверждение Головина о том, что «без изучения процессов, составляющих саму войну, нельзя объективно понять те явления, которые происходят на ее периферии» [Головин 2006, 52]. Мыслитель признавал особые заслуги Клаузевица в познании войны. При этом он полагал, что в названии главного труда прусского философа войны отсутствует слово «наука».

Можно назвать и другие важные российские исследования по социологии войны [Серебрянников 1998; Социология... 2004]. Выходят и научные труды на стыке социологии, политологии и военной стратегии, здесь можно назвать труд академика А.А. Кокошина [Кокошин 2005]. Его недавняя книга посвящена проблеме прикладной теории войны.

Заслуживают внимания в научном изучении войны и получили известность достижения российских **психологов**.

Восприятию войны с точки зрения психологической науки объективно способствовал и сам Клаузевиц с учетом его образа мышления. На данное обстоятельство обратил внимание исследователь его творчества Р. фон Кэммерер (1845–1911): «Исходя из этого мировоззрения, у нашего философа войны выросло стремление показать в своем труде прежде всего воздействие духовных и моральных сил, и потому его книга стала настоящей психологией войны» [Caemmerer 1905, 95].

С исследованием проблемы психологии войны непосредственно связан сборник работ известного русского философа Н.А. Бердяева [Бердяев 1990]. Эти статьи были написаны в 1914–1917 гг. под воздействием военных событий того времени. Из числа исследований современных психологов заслуживает высокой оценки труд профессора Е.С. Сеньявской «Психология войны в XX веке: исторический опыт России» [Сеньявская 1999].

Исследование войны и военных проблем в России в рамках политической науки

В приведенном выше солидном перечне общественных наук до сих пор отсутствует *политология войны*. Между тем уже само понимание войны как продолжения политики требует исследования войны с точки зрения политической науки. Как известно, прусский философ войны Карл фон Клаузевиц последовательно отстаивал мысль о том, что война есть частный случай политики. Вследствие этого всё её своеобразие, согласно его мнению, заключается в применяемых средствах: «война есть орудие политики; она неизменно должна носить характер последней; ее следует мерить мерой политики. Поэтому ведение войны в своих общих очертаниях есть сама политика, сменившая перо на меч...» [Клаузевиц 1936, 387]. Поэтому и исследование военно-политической реальности ориентирует на разработку такого относительно независимого раздела науки, как политология войны. Очевидно, что необходимость в ней назрела. При этом востребованность создания политологии войны продиктована не только обстоятельствами сугубо теоретической природы, связанными с развитием и продолжающейся дифференциацией политической науки. В инструментальном плане необходимость политологии войны обусловлена интересами обоснования подходов к предотвращению и ограничению войны. Тем более, что война постоянно трансформируется и меняет свой облик, всякий раз проявляется в новой ипостаси.

Следует также учитывать, что политология как самостоятельная и полноценная научная дисциплина официально возникла в России относительно недавно, только в конце 80-х годов прошлого века, во время горбачевской перестройки. Развитие новой общественной науки с самого начала сопровождалось различными трудностями. Речь идет прежде всего об искусственном и целенаправленном создании бюрократических препятствий со стороны действовавшей в то время государственной власти.

Важно отметить и то, что в постсоветской России получила развитие военная политология. Прежде всего, ее развитие обуславливалось необходимостью политологического образования кадровых офицеров. Политология, равно как и военная политология, в настоящее время представлена в образовательном процессе в российских военных вузах среди других общественных

учебных дисциплин. В некоторых военных образовательных учреждениях функционируют кафедры политологии.

При этом под военной политологией в России понимают систему научных знаний и учебную дисциплину, которая охватывает ряд проблем:

- закономерности возникновения, развития и функционирования военной политики;
- роль военного насилия в истории человечества;
- структура и содержание военного насилия, способы его применения в международных отношениях, во внешней и внутренней политике государств.

Военная политология как отрасль науки исследует:

- место и роль военного насилия в истории, его движущие силы, субъекты и формы;
- механизм, структуры и институты военной политики современных государств;
- состояние и тенденции развития военно-политических отношений в отдельных странах и мире в целом;
- социально-политические проблемы военного строительства;
- прошлые и современные военные идеологии;
- историю развития военно-политологических знаний [Военная политология 2006, 13–21].

Признавая и позитивно оценивая предложенное понятие и сложившееся видение содержания военной политологии как системы научного знания, целесообразно обратить внимание на то, что среди перечисленных проблем исследования военной политологии отсутствует, как ни странно, война как таковая. Названное обстоятельство характеризует сложившиеся исследовательские границы военной политологии в России и указывает на то, что де-факто война находится вне этих границ. Оценивая сложившийся статус-кво, правомерно задаться вопросом о том, произошло исключение войны сознательно или же неосознанно. Вместе с тем именно война и ее понимание выступают исходным пунктом для создания, подготовки и применения военной силы, для разработки и реализации военной политики и связанных с ней политологических исследований.

С учетом изложенного, в сложившихся условиях объект исследования политологии войны могут составить следующие проблемы:

- война как политический феномен, легитимация, политизация и деполитизация войны,

- отечественная война как российский политический феномен,
- понятие современной войны, политические концепции и теории войны,
- политические причины и последствия войн,
- политическое предотвращение и подготовка войны, военные доктрины,
- образ будущей войны в политике, в политических идеологиях и в государственных стратегиях,
- война как фактор организации гражданско-военных отношений,
- средства и правила современной войны (в том числе в международном сравнении) и т.д.

Разумеется, изложенные идеи относительно политологии войны нуждаются в дальнейшей проработке и в научном обсуждении. При этом политическая наука в России в ее современном состоянии предусматривает исследование войны и располагает необходимым инструментарием. Согласно действующей в Российской Федерации регламентации, в рамках политической науки выделяют следующие группы специальностей:

- теория и философия политики, история и методология политической науки,
- политические институты, процессы и технологии,
- политическая культура и идеологии,
- политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития,
- политическая регионалистика, этнополитика,
- конфликтология.

В соответствии с указанными специальностями разрабатываются и защищаются диссертации. Фактически в рамках любой из названных специальностей может оказаться и «военный» сегмент.

Заключение

В течение истории происходило накопление многих научных знаний о войне, были основательно проработаны эвристические идеи и подходы относительно войны. Заслуживают особого внимания военные, философские, социологические и психологические научные теории войны.

Востребован и специфический политологический подход, поскольку понимание войны как продолжения политики и другие обстоятельства обуславливают и требуют изучения войны с точки

зрения политической науки. В настоящее время политическая наука и другие гуманитарные науки уже создали необходимые предпосылки для разработки полноценной политологии войны.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бельков 2019 – *Бельков О.А.* Философия войны: слова и смыслы // Власть. 2019. № 2. С. 119–127.

Бердяев 1990 – *Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Философское общество СССР, 1990.

Военная политология 2006 – Военная политология / под ред. Н.И. Резника. – М.: Красная звезда, 2006.

Военный энциклопедический словарь 1986 – Военный энциклопедический словарь / председ. глав. ред. комиссии С.Ф. Ахромеев. – М.: Воениздат, 1986.

Военный энциклопедический словарь 2007 – Военный энциклопедический словарь / председ. глав. ред. комиссии А.Э. Сердюков. – М.: Воениздат, 2007.

Герасимов 2013 – *Герасимов В.В.* Основные тенденции развития форм и способов применения Вооруженных Сил, актуальные задачи военной науки по их совершенствованию // Вестник Академии военных наук. 2013. № 1. С. 24–29.

Головин 2006 – *Головин Н.Н.* Наука о войне. О социологическом изучении войны // Наука и война: сборник / подред. Д.П. Шеремецкого. – М.: Народный пушкинский фонд, 2006. С. 32–168.

Горбачев 1988 – *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М.: Политиздат, 1988.

Драгомиров 2012 – *Драгомиров М.И.* Разбор романа «Война и мир» с военной точки зрения / 2-е изд. – М.: Либроком, 2012.

Клаузевиц 1936 – *Клаузевиц К.* О войне. Т. 2. – М.: Госвоениздат, 1936.

Кокошин 2005 – *Кокошин А.А.* Политология и социология военной стратегии. – М.: КомКнига, 2005.

Свечин 1935 – *Свечин А.А.* Клаузевиц. – М.: Журнально-газетное объединение, 1935.

Свечин 2003 – *Свечин А.А.* Стратегия. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2003.

Сенявская 1999 – *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М.: РОССПЭН, 1999.

Серебрянников 1998 – *Серебрянников В.В.* Социология войны. – М.: Ось-89, 1998.

Снесарев 2003 – *Снесарев А.Е.* Философия войны. – М.: Финансовый контроль, 2003.

Соловьев 2010 – Соловьев А.В. Возможна ли философия войны? // Философия политики и права / под ред. проф. Е.Н. Моцелкова. – М.: Воробьев А.В., 2010. С. 162–177.

Социология... 2004 – Социология современных войн / под ред. П.А. Цыганкова, И.П. Рязанцева. – М.: Альфа – М, 2004.

Тостой 1983 – Толстой Л.Н. Война и мир. Т. III и IV. / прим. Л.Д. Опульской. – М.: Художественная литература, 1983.

Учение о войне... 1888 – Учение о войне Клаузевица. Основные положения / пер. и пред. М.И. Драгомирова. – СПб.: Типография М.С. Балашева, 1888.

Шапошников 1982 – Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды / 2-е изд., доп. – М.: Воениздат, 1982.

Caemmerer 1905 – Caemmerer R. von. Clausewitz. – Berlin: B. Behrs Verlag, 1905.

REFERENCES

Akhromeev S.F. (Ed.) (1986) *Military Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Voenizdat (in Russian).

Belkov O.A. (2019) Philosophy of War: Words and Meanings. *Vlast'*. No. 1, pp. 119–127 (in Russian).

Berdyaev N.A. (1990) *The Fate of Russia. Essays on the Psychology of War and Ethnicity*. Moscow: USSR Philosophical Society (in Russian).

Clausewitz C. (1936) *On War* (Vol. 2). Moscow: Gosvoenizdat (Russian translation).

Dragomirov M.I. (Comp.) (1888) *Clausewitz's Doctrine of War. Fundamental Principles*. Saint Petersburg: M.S. Balashev Press (in Russian).

Dragomirov M.I. (2012) *Analysis of the Novel War and Peace from a Military Point of View*. Moscow: Librokom (in Russian).

Gerasimov V.V. (2013) The Main Trends in the Development of Forms and Methods of Use of the Armed Forces, Current Tasks of Military Science to Improve Them. *Vestnik Akademii voennykh nauk*. No. 1, pp. 24–29 (in Russian).

Golovin N.N. (2006) The Science of War. On the Sociological Study of War. In: Sheremetsky D.P. (Ed.) *Science and War* (pp. 32–168). Moscow: Narodny pushkinskiy fond (in Russian).

Gorbachev M.S. (1988) *Perestroika and New Thinking for Our Country and for the Whole World*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Kokoshin A.A. (2005) *Political Science and Sociology of Military Strategy*. Moscow: KomKniga (in Russian).

Reznik N.I. (Ed.) (2006) *Military Political Science*. Moscow: Krasnaya zvezda (in Russian).

Senyavskaya E.S. (1999) *Psychology of War in the 20th Century: Historical Experience of Russia*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Serdyukov A.E. (Ed.) (2007) *Military Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Voenizdat (in Russian).

Serebryannikov V.V. (1998) *Sociology of War*. Moscow: Os'-89 (in Russian).

Shaposhnikov B.M. (1982) *Memories. Military Scientific Works*. Moscow: Gosvoenizdat (in Russian).

Snesarev E.A. (2003) *The Philosophy of War*. Moscow: Finansovy kontrol' (in Russian).

Soloviev A.V. (2010) How the Philosophy of War Is Possible? In: Moshchelkova E.N. & O.Y. Boytsova (Eds.). *Philosophy of Politics and War* (pp. 162–177). Moscow: O.V. Vorob'yev Publisher (in Russian).

Svechin A.A. (1935) *Clausewitz*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoye ob'yedineniye (in Russian).

Svechin A.A. (2003) *Strategy*. Moscow: Kuchkovo pole (in Russian).

Tolstoy L.N. (1983) *War and Peace* (Vols. 3–4). Moscow: Khudozhestvennaya. lit (in Russian).

Tsygankova P.A. & Ryazantseva I.P. (Eds.) (2004) *The Sociology of Modern Wars*. In: Moscow: Al'fa – M (in Russian).

von Caemmerer R. (1905) *Clausewitz*. Berlin: B. Behrs Verlag (in German).

Русская философия войны Серебряного века: основные особенности*

А.А. Скворцов

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена определению основных особенностей русской философии войны, сложившейся в первой трети XX века. Автор показывает, что в России философия войны не сложилась как отдельное широкое направление исследований, а ограничилась лишь несколькими содержательными, но достаточно краткими опытами. Тем не менее многие русские философы (Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин и др.) оставили глубокие, обоснованные рассуждения о войне, которые возможно реконструировать как последовательную систему взглядов. Одна из ее особенностей – смещение фокуса рассмотрения вооруженного насилия с социологического и политического к антропологическому и этическому; в центре рассмотрения находится не война как социальное явление, а положение человека на войне. В этом плане отношение к войне в русской философии парадоксально. С одной стороны, она несет с собой много зла – гибель множества людей и разрушений, – но вместе с тем способствует проявлению в людях лучших нравственных качеств, вплоть до самоотверженности и героизма. Вооруженное насилие представляется трагедией христианской совести, и обоснование для участия в войне должен самостоятельно найти каждый ее участник. Исходя из условий сложного морального выбора, личное, экзистенциальное обоснование может исходить из представлений о том, что люди не могут творить насилие с чистой совестью. В таком случае человек, выбирающий участие в войне, воспринимает сражение как собственную вину, которая требует искупления.

Ключевые слова: философия войны, теория справедливой войны, русская философия, насилие, этика, моральный выбор, добро и зло.

Алексей Алексеевич Скворцов – кандидат философских наук, доцент кафедры этики философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
lambis@mail.ru

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно исторического наследия».

Для цитирования: Скворцов А.А. Русская философия войны Серебряного века: основные особенности // Философские науки. 2020. Т. 63. № 11. С. 91–103. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-91-103

Russian Silver Age Philosophy of War: Main Features*

A.A. Skvortsov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the main features of the Russian philosophy of war that developed in the first third of the 20th century. The author shows that in Russia, the philosophy of war did not develop as a separate broad line of research but limited itself to only a few meaningful, but rather brief, experiments. Nevertheless, many Russian philosophers (Fyodor Dostoevsky, Vladimir Soloviev, Evgenii Troubetzkoy, Ivan Ilyin, Nikolai Berdyaev, Lev Karsavin and others) left deep, well-founded reasoning about war, which can be reconstructed as a consistent system of views. One of its features is the shift in the focus of considering armed violence from the sociological and political to the anthropological and ethical; the focus is not on war as a social phenomenon, but on the human's position in war. In this regard, the attitude to war in Russian philosophy is paradoxical. On the one hand, war brings a lot of evil in the form of death of many people and destruction, but, on the other hand, it promotes to the manifestation of the best moral qualities in people, up to selflessness and heroism. Armed violence seems to be a tragedy of the Christian conscience, and each participant must independently find a justification for his participation in the war. Based on the conditions of a difficult moral choice, personal, existential justification may come from the idea that people cannot commit violence with a clear conscience. In this case, the person choosing to participate in a war perceives the battle as his own guilt that should be expiated.

Keywords: philosophy of war, just war theory, Russian philosophy, violence, ethics, moral choice, good and evil.

Alexei A. Skvortsov – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Ethics, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. lambis@mail.ru

For citation: Skvortsov A.A. (2020) Russian Silver Age Philosophy of War: Main Features. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 11, pp. 91–103.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-91-103

* This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage.”

Введение

С начала XIX века словосочетание «философия войны» начинает завоевывать себе место в системе философских исследований. К концу XX века эта область сама становится разветвленным междисциплинарным направлением, включающим в себя большое количество сложных тем, начиная от поиска причин войн и их связи с природой человека, заканчивая изменением характера современных вооруженных противостояний и их отражением в современных СМИ. Несмотря на достаточно конкретный предмет исследования, ни один из авторов, работавший в этой области, не дал его удовлетворительного определения. Например, мнения Р. Штейнметца о поиске «существенной и вечной функции войны» [Штейнметц 1915, 18–20], или А.Е. Снесарева – «Философия войны есть научно переработанное (или проще обнаученное) военное миросозерцание» [Снесарев 2013, 109–110] – являются просто указанием, что философия войны претендует на самое глубокое и всестороннее постижение всех форм вооруженного насилия, не соглашаясь с притязаниями частных наук, изучающих войну.

Тем не менее сам термин «философия войны» остается полемичным, а отношения философии и войны были непростыми. С одной стороны, со времен Гераклита не было ни одного крупного философа, не высказывавшего значимых мыслей о войне, с другой – у войны всегда была своя наука, достаточно далекая от философских принципов. Главное отличие военных стратегий от философского осмысления войны заключалось в том, что первые рассматривали войну изнутри и понимали ее как достаточно абстрактную реальность, существующую для приложения профессионального взгляда и навыков, а философия войны смотрела на свой предмет извне и считала ее частью общественной жизни, неразрывно связанной с другими культурными явлениями. Отсюда философия войны, даже защищавшая милитаристские идеи, относилась к вооруженному насилию критично; для нее война не есть феномен, сродни явлению природы, а есть драматическое столкновение различных интересов, оказывающее огромное влияние на все стороны жизни общества. Без гуманистической линии, напоминающей, что войну ведут все-таки люди, а не безличные агенты-солдаты, философия войны не состоялась бы как оригинальное направление мысли. Справедливо будет утверждать, что европейская философия войны как отдельное направление формируется в начале XIX века в рамках германской

военной стратегии (Д. фон Бюлов, Г. Шарнхорст, К. Клаузевиц), но на нее оказали значительное влияние философско-правовая мысль Нового времени, начиная с Г. Гроция и С. Пуфендорфа, и гуманистическая линия, выразившаяся в рассуждениях о вечном мире (Ж.-Ж. Руссо, И. Гердер, И. Кант и др.).

Русские философы о войне: основная проблематика

В России, стране, вынужденной почти на протяжении всей своей истории вести войны, была создана своя, достаточно оригинальная философия войны. У нее не сложилось столь богатой традиции политико-правового осмысления войн, как на Западе, а гуманистическая составляющая была в большей степени связана с христианским содержанием культуры. Русская философия не создала масштабных произведений по философии войны, наподобие «О войне» К. Клаузевица, «Философия войны» К. Штейнметца или «Изучение войны» Ф.К. Райта, где вооруженная борьба рассмотрена как необходимая часть культуры – от ее эволюционных истоков и вплоть до выяснения роли в современной политике. В отечественной культуре было два блестящих по замыслу, но не законченных опыта построения философии войны в одноименных произведениях А.А. Керсновского [Керсновский 1995] и А.Е. Снесарева. Первый принадлежал к русской культуре эмигрантского периода, второй – уже к советскому периоду, хотя участвовал в Первой мировой войне как генерал Императорской русской армии.

Также русская философия не оставила систематических рассуждений о традициях и обычаях войны или справедливых и несправедливых войнах, как это представлено в современной англоязычной теории справедливой войны. Русские философы нередко обращались к этой проблематике, но не вели отдельных исследований данной темы. Рассуждения о справедливости и оправданности войн велись ими скорее с эмоционально-нравственной точки зрения, без обращения к нормам международного гуманитарного права. Но все же в русской мысли, как и в западной, не было ни одного крупного философа, не рассуждавшего о войне. Более того, вооруженная борьба, насилие для русской философии первой трети XX века, иногда называемой философией Серебряного века, в силу случившихся потрясений стала одной из центральных тем. Но в рассуждениях отечественных философов того времени просматривается важная отличительная черта: в центре их вни-

мания был именно человек на войне, а не просто война как особое состояние социума. В этом плане отечественная философия войны одновременно и антропологична, и этична. Человек – это и главная жертва, и главный герой войны, это персонаж, из-за воли которого могут разваливаться армии, гибнуть государства и, напротив, одерживаться блестящие победы. Поэтому рассуждать о войне отстраненно, как о движении безличных сил, для русских философов представлялось бесполезным. Война – это глубоко личностная драма, требующая от человека принятия сложных решений, осмысления собственной жизни и напряжения всех внутренних сил.

В «Философии войны» А.Е. Снесарев проводит разделение философской мысли с точки зрения отношения философов к войне на тех, кто в большей степени одобряет войну (милитаристы), тех, кто ее категорически осуждает (пацифисты), и тех, кто относится к ней неоднозначно [Снесарев 2013, 122–123]. Разделение это условно, поскольку некоторые философы могли менять отношение к войне в течение жизни. Но если исходить из него, то в русской философии трудно найти однозначные апологии войны по типу уже упоминавшейся «Философии войны» Р. Штейнметца или книги «Торгаши и герои» В. Зомбарта [Зомбарт 2005]. Пацифистская линия в русской культуре представлена Л.Н. Толстым, для которого любые войны представляются злом, а участие в войне – преступлением; со взглядами Толстого в той или иной степени полемизировали все философы Серебряного века. В основном, наиболее известные русские философы этого периода принадлежали к третьей группе, т.е. считали войну злом, но злом относительным, иногда оправданным, а в некоторых случаях и необходимым. Конечно, уровень поддержки вооруженной борьбы возрос к началу Первой мировой войны, но даже в тех условиях русские философы отказывались считать ее однозначным благом. При этом вопрос об оправдании войны опять же решался ими не с точки зрения социально-политических приоритетов, а в первую очередь, как личный нравственный выбор человека, осознающего ценностные основания жизни.

Война с внешней, политической точки зрения, может признаваться народом справедливой, но каждый прежде, чем вступить в нее, должен найти себе индивидуальное оправдание. И оно касается не формального вопроса о справедливости, а представления о правильном пути жизни: «...Совершенство и справедливость не

совпадают, – говорит И.А. Ильин, – справедливость может быть нравственно несовершенной, а нравственное совершенство может творить несправедливость» [Ильин 1996, 191]. Оправдание войны с точки зрения индивидуальной нравственной позиции – задача крайне сложная, ибо естественное моральное сознание не может согласиться с массовым нанесением вреда другим людям. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, которую И.А. Ильин назвал «основным нравственным противоречием войны» и сформулировал его так: «Может ли человек разрешить себе по совести убийство другого человека?» [Ильин 1996, 9]. Война – это реальность, которой нельзя не возмутиться с точки зрения естественной человечности, но при этом нельзя остаться от нее в стороне, поскольку речь идет о защите всего, что так дорого, что составляет ценностный горизонт жизни: «Участие в войне, – продолжает мысль И.А. Ильин, – заставляет душу принять и пережить высшую нравственную трагедию: осуществить свой, может быть, единственный и лучший, духовный взлет в форме участия в организованном убийстве людей» [Ильин 1996, 29].

Война как парадокс

Последнее соображение выводит нас на, возможно, главную отличительную особенность русской философии войны – понимание войны как глубокого парадокса, решить который возможно только личностным волевым усилием, но не обращением к абстрактным принципам. «Парадоксалист» – так назвал рассуждение о войне Ф.М. Достоевский, которое можно признать одним из самых глубоких в отечественной традиции. Рассуждение из «Дневника писателя» построено в форме воображаемого диалога между автором и «мечтателем», где обе стороны представляют взаимоисключающие точки зрения. Автор защищает позиции военного реализма, т.е. оценивает войну лишь с ее внешней стороны в виде страданий и разрушений, а «мечтатель» высказывает взгляды, прославляющие войну, и для него источник зла – не война, а долгий мир. Сама же война не просто полезна для развития общества, но даже возвышена: «Ложь, что люди идут убивать друг друга... напротив, идут жертвовать собственной жизнью – вот что должно стоять на первом плане. Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество...» [Достоевский 1981, 123]. Также неправда, что люди не любят войну. Она дает духовный подъем, «праздник в

душе», а когда гроза пройдет, то ничто не вспоминают так часто, как боевую славу минувших лет. Нет сомнения, что Ф.М. Достоевский отнюдь не защищает войну: два изложенных противоположных взгляда раскрывают диалектическое отношение к ней. «Парадоксалист» показывает, что к такому сложному явлению невозможно относиться однозначно. Последствия войны для общества могут быть непредсказуемыми: от полного крушения до великого подъема.

В идейном плане «Парадоксалист» оказал огромное влияние на последующие рассуждения русских философов о войне. Философы Серебряного века еще больше углубляют парадоксальный, диалектический взгляд на вооруженную борьбу. Исток парадокса лежит в борьбе добрых и злых начал, осуществляемых на войне. С одной стороны, война есть несомненное зло; как отмечает о. Г. Флоровский, «не то страшно, что люди умирают, а то, что они перестают быть людьми» [Флоровский 1998, 56]. С другой, можно сказать, что отказ вступать в вооруженную борьбу может закончиться еще большим злом, чем война; например, развалом государства, хаосом, анархией и т.д. Но если даже не принимать во внимание социально-политическую реальность, а исходить из индивидуально-этической точки зрения, то война – это такое зло, которое позволяет, а часто и требует от человека проявить свои лучшие качества. «Сверхчеловеческая сила ненависти вызывает ответные действия сверхчеловеческой силы любви» [Трубецкой 1994, 388], – замечает Е.Н. Трубецкой, а Л.П. Карсавин утверждает, что «в войне... совершается и такое великое добро, как жертва своей жизнью за других» [Карсавин 1994, 427] и продолжает: «Кто хочет быть совершенным, должен знать, что цена совершенства – жертвенная смерть» [Карсавин 1994, 440]. Случаи исключительного героизма и самоотверженности на войне происходят значительно чаще, чем в мирной жизни.

Диалектический взгляд на войну позволяет выявить амбивалентность ее различных явлений. Она представляется и как массовое убийство, и как «коллективное самопожертвование», и как воплощенная ненависть, и как жертвенная любовь, и как разрушение культурного наследия, и как обновление культуры, создание новой духовной общности, где жизнь каждого человека имеет огромное значение. «Великой проявительницей» назвал войну Н.А. Бердяев, поскольку война лучше всех других социальных явлений высвечивает пороки общества, указывает

на фальшь в отношениях людей. И, напротив, именно во время войны происходит сплочение людей: «В минуты подъема и волнения, – отмечает И.А. Ильин, – теряет даже смысл деление на “знакомых” и “незнакомых”: люди, впервые видевшие друг друга, уже соединены где-то в самом важном» [Ильин 1999, 9].

Война как нравственный выбор

Но особенно остро диалектика войны преломляется в индивидуальной экзистенции. Можно сказать, что чем дальше мы спускаемся с социального уровня на личностный, тем все более парадоксальным становится восприятие войны. Зло войны в виде насилий и убийств совершается именно индивидуально, но вправе ли те, кто не участвует в схватке, называть воинов убийцами? Вопрос вменения вины за совершенное насилие, либо, напротив, освобождения от вины может быть решен только контекстуально; исходя и из общих целей войны, и из поведения на ней человека. «Войну ведут не для того, чтобы убивать, – утверждает А.А. Керсновский, – а для того, чтобы побеждать. Немедленной целью войны является победа, конечной – мир» [Керсновский 1999, 25]. А Н.А. Бердяев обращается скорее к психологическому, но очень важному восприятию: «Воины – не убийцы. И на лицах воинов не лежит печать убийц. На наших мирных лицах можно чаще увидеть эту печать» [Бердяев 1990б, 220]. Участие в войне не может быть сведено к убийству, на нее идут, чтобы защищать Родину и жертвовать собой. Но все же с абсолютистской, христианской точки зрения, невозможно отрицать, что даже праведные цели войны достигаются несправедливыми, греховными средствами. Отсюда каждый, кто принимает участие в войне, вынужден находить оправдание насилию, которое ему приходится творить. А это значит, что политические, общегосударственные цели должны быть приняты сознательно и добровольно, как личный нравственный выбор. Но это решение – не сродни обыденному, когда избирается стратегия поведения в привычных жизненных ситуациях. Участие в войне – это всегда шокирующий выбор, когда человек из обыденной реальности перемещается в область, где царит смертельная опасность. Совершить такой выбор невозможно без определенного духовного суда над своей жизнью и над ее ценностными основами. Как точно заметил И.А. Ильин, война подходит к нам с вопросом: существует ли в нашей жизни исключительное ценностное основание («Духовный Кремль»), за

сохранение которого мы готовы сражаться до смерти? «Смысл войны, – утверждает И.А. Ильин, – в том, что она зовет каждого восстать и защищать до смерти то, чем он жил доселе, что он любил и чему служил» [Ильин 1999, 14].

Наиболее точный итог парадоксальному, диалектическому восприятию войны подводит Н.А. Бердяев: «Войну можно принять лишь трагически-страдальчески. Отношение к войне может быть только антиномическое. Это – изживание внутренней тьмы мировой жизни, внутреннего зла, принятие вины и искупления... Мы войну и принимаем и отвергаем. Мы принимаем войну во имя ее отвержения... Принятие войны есть принятие трагического ужаса жизни. И если в войне есть озверение и потеря человеческого облика, то есть в ней и великая любовь, преломленная во тьме» [Бердяев 1990а, 172]. Согласно такому взгляду, война – это трагедия совести, где добровольное принятие на себя страдания предполагает и необходимое принятие греха. Указанное противоречие для русской философии – это скорее не констатация факта, а нравственное требование. Понимание греховной природы войны – это первый шаг к ее очеловечиванию, к осознанию, что войны ведут все же люди: «Человеческое должно утверждаться даже в страшных условиях войны» [Бердяев 1993, 310]. В русской философии не встречается развернутых рассуждений о справедливости на войне, «праве во время войны» (*jus in bello*), но было последовательное требование не жалеть себя, но по возможности жалеть противника, т.е. «побеждать человеколюбием». Философы отечественной традиции были также убеждены, возможно, слишком категорично, что христолюбивый воин, обладающий развитыми нравственными качествами, может устоять перед соблазном ненависти и жестокости к противникам. В этом плане само оружие или вооруженная сила не может быть определена как добро или зло: «Но такова уж природа меча. – утверждает В.Ф. Эрн. – Свят он в руках святых, мерзок в руках разбойничьих. Своей же собственной, внутренней правды он не имеет» [Эрн 1991, 297].

Однако нравственное противоречие войны должно иметь свое разрешение. Пройдя через сомнения и сложный выбор, противоположности жертвенности и греховности выражаются в волевом начале, без которого невозможны решительные действия человека на войне. Для воина, убежденного в правильности целей войны и праведности решения участвовать в кровавой схватке, убийство все равно считается грехом и требует искупления. Чем, в таком случае,

может быть нравственно оправдан этот грех? Обоснованные политические цели войны, пусть даже избранные сознательно, – это скорее внешнее, коллективное оправдание, но требуется оправдание индивидуальное. Особенно для христианина, для которого насилие – это сложная дилемма. Но с другой стороны, согласно христианскому мировоззрению, война посылается нам в наказание за грехи и дает возможность грехи искупить. Кроме того, зло и грех – не одно и то же. «Становясь лишь на христианской почве злом, – говорит Ф.А. Степун, – война на ней же, и только на ней, становится смыслом, то есть – грехом человечества. На почве атеистической цивилизации она теряет этот свой глубокий религиозный смысл. . . перестает быть человеческой войной и становится нечеловеческой бойней» [Степун 1999, 192–193]. Смысл участия христиан в войне заключается в том, что они не могут это делать с чистой совестью, т.е. они принимают на себя вину за совершенные акты насилия. Но этот грех искупается решимостью пострадать, т.е. необходимость убивать оплачивается готовностью к самопожертвованию. Войной нельзя победить зло, его можно лишь ограничить, но зло можно победить добром служения и самоотречения. Грех не может быть оправдан, но всегда оправдано искупление греха. Посылая нам войну, Бог требует от нас подвига, страдания и жертвы, то есть требует, чтобы мы утверждали добро даже в самых страшных условиях войны.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что войну русские философы считают неизбежным злом, проистекающим из несовершенства природы человека и одновременно из сложных социальных условий, в которых находится большая часть человечества. Автор «Философии войны» А.А. Керсновский настаивает: «Война является бесспорным и большим злом. И решаться на это зло – на эту болезнь – следует лишь в положениях безвыходных – когда “клин клином” остается единственным средством за истощением всех остальных аргументов» [Керсновский 1995, 19]. Однако это зло нельзя считать абсолютным ни в плане влияния на общество, ни в плане влияния на индивидуальное моральное сознание. Также, согласно замечанию В.С. Соловьева, мир «сам по себе еще не есть подлинное благо... он становится благом только в связи с внутренним перерождением человечества» [Соловьев 1998, 478]. Одновременно с этим, если исходить из персонального восприятия войны, то участие в ней становится полем индивидуального

морального выбора. Это касается и ситуации добровольного участия в войне, когда человек понимает, что не может остаться в стороне, и ситуации принуждения государством, когда полем выбора становятся конкретные ситуации, требующие применения насилия. Этот выбор невозможен без оправдания участия в войне, без поисков конкретных ценностных оснований, за которые допустимо страдать самому и наносить страдания другим. Для русских философов самый глубокий, поистине нравственный смысл войны заключается в превращении вооруженного насилия из стихии кровавого хаоса, рожденного ненавистью, в упорядоченную деятельность разумных людей, стремящихся к ограничению насилия и отказывающихся ненавидеть противника. В сущности, обоснование такого отношения к вооруженному противоборству и обсуждение различных практических возможностей для его воплощения в действительность стало главной целью немногочисленных опытов построения отечественной философии войны.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бердяев 1990а – *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990.

Бердяев 1990б – *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. – М.: ИМА-пресс, 1990.

Бердяев 1993 – *Бердяев Н.А.* О назначении человека. – М.: Республика, 1993.

Достоевский 1981 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 22: Дневник писателя за 1876 год. Январь–апрель – Л.: Наука, 1981.

Зомбарт 2005 – *Зомбарт В.* Торгаши и герои. Раздумья патриота // *Зомбарт В.* Собр. соч. в 3 т. Т. 2. – СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 7–102.

Ильин 1996 – *Ильин И.А.* Основное нравственное противоречие войны // *Ильин И.А.* Собр. соч. в 10 т. Т. 5. – М.: Русская книга, 1999. С. 5–220.

Ильин 1999 – *Ильин И.А.* Духовный смысл войны // *Ильин И.А.* Собр. соч. в 10 т. Т. 9–10. – М.: Русская книга, 1999. С. 5–40.

Карсавин 1994 – *Карсавин Л.П.* Церковь, личность и государство // *Карсавин Л.П.* Малые сочинения. – СПб.: Алетейя, 1994. С. 414–446.

Керсновский 1995 – *Керсновский А.А.* Философия войны // Философия войны / под ред. А.Б. Григорьева. – М.: Анкил-воин; Российский военный сборник, 1995. С. 99–99.

Керсновский 1999 – Керсновский А.А. О природе войны // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции / сост. И.В. Домнин. – М.: Военный университет; Русский путь, 1999. С. 16–29.

Снесарев 2013 – Снесарев А.Е. Философия войны. – М.: Ломоносовъ, 2013.

Соловьев 1998 – Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. I. – М.: Мысль, 1998. С. 47–580.

Степун 1999 – Степун Ф.А. Чаемая Россия. – СПб.: Изд. Русского христианского гуманитарного института, 1999.

Трубецкой 1994 – Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М.: Республика, 1994.

Флоровский 1998 – Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. – М.: Аграф, 1998.

Штейнметц 1915 – Штейнметц Р. Философия войны. – Пг.: Образование, 1915.

Эрн 1991 – Эрн В.Ф. Меч и крест // Эрн В.Ф. Сочинения. – М.: Правда, 1991. С. 297–368.

REFERENCES

Berdyayev N.A. (1990a) *The Destiny of Russia*. Moscow: Sovetskiy pisatel' (in Russian).

Berdyayev N.A. (1990b) *Philosophy of Inequality*. Moscow: IMA-press, 1990 (in Russian).

Berdyayev N.A. (1993) *On the Vocation of Man*. Moscow: Respublika (in Russian).

Dostoevsky F.M. (1981) *Complete Works in 30 Vols. Vol. 22: A Writer's Diary. 1876, January–April*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Ern V.F. (1991) Sword and Cross. In: Ern V.F. *Works* (pp. 297–368). Moscow: Pravda (in Russian).

Florovsky G.V. (1998) *From the Past of Russian Thought*. Moscow: Agraf (in Russian).

Ilyin I.A. (1996) The Basic Ethical Contradiction of War. In: Ilyin I.A. *Collected Works in 10 Vols.* (Vol. 5, pp. 5–220). Moscow: Russkaya kniga (in Russian).

Ilyin I.A. (1999) Spiritual Meaning of War. In: Ilyin I.A. *Collected Works in 10 Vols.* (Vol. 9–10, pp. 5–40). Moscow: Russkaya kniga (in Russian).

Karsavin L.P. (1994) Church, Personality, and State. In: Karsavin L.P. *Short Works* (pp. 414–446). Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Kersnovsky A.A. (1995) Philosophy of War. In: Grigoyev A.B. (Ed.) *Philosophy of War* (pp. 99–99). Moscow: Ankil-voin; Rossiyskiy voeenny sbornik (in Russian).

Kersnovsky A.A. (1999) On the Nature of War. In: Domnin I.V. (Comp.) *Military Thought in Exile: Works of the Russian Military Emigration* (pp. 16–29). Moscow: Voenny universitet; Russkiy put' (in Russian).

Snesarev A.E. (2013) *Philosophy of War*. Moscow: Lomonosov (in Russian).

Solovyov V.S. (1998) Justification of the Good. Ethical Philosophy. In: Solovyov V.S. *Works in 2 Vols.* (Vol 1, pp. 47–580). Moscow: Mysl' (in Russian).

Sombart W. (2005) *Heroes and Merchants: Patriotic Rumifications*. In: Sombart W. *Collected Works in 3 Vols.* (Vol. 2, pp. 7–102). Saint Petersburg: Vladimir Dal' (Russian translation).

Steinmetz R. (1915) *Philosophy of War*. Petrograd: Obrazovaniye (in Russian).

Stepun F.A. (1999) *Desired Russia*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Press (in Russian).

Trubetsky E.N. (1994) *Meaning of Life*. Moscow: Respublika (in Russian).

Понятие войны в политическом реализме

С.А. Кучеренко

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

Настоящая статья посвящена пониманию войны в политическом реализме. Реализм претендует на оригинальное понимание войны, которое отличает его как от эмпирически-ориентированных исследований войн, так и от других школ теории международных отношений. В отличие от первых, политический реализм избегает формальных определений, делая акцент на понимании причин и сущности войны. Отличие реализма от школ теории международных отношений, таких как либеральный идеализм, марксизм, конструктивизм, заключается в утверждении вечного и неизменного характера политики, понимаемой как борьба за власть. Война является наиболее интенсивным проявлением этой постоянной борьбы, а потому не может быть окончательно устранена из международных отношений. В статье показано, какие нормативные выводы могут быть получены из такого понимания войны. Реализм в большей степени, чем пацифизм и теория справедливой войны осознает трудность нормативно-правового регулирования войны. Кроме того, реализм указывает на опасности, связанные с политическим морализмом и «криминализацией» войны. С другой стороны, реализм предлагает набор практических принципов, которые не превосходят классические принципы справедливой войны и обладают теми же недостатками: расплывчатость, сложность однозначной трактовки государственных интересов, возможность злоупотребления. Автор приходит к выводу, что для создания работоспособной системы принципов регулирования войны на основе политического реализма необходимо расширение его теоретических обоснований и дальнейшее сближение с другими школами теории международных отношений.

Ключевые слова: теория международных отношений, теория справедливой войны, теория демократического мира, политический неореализм, политический морализм, пацифизм, милитаризм, Моргантау, Уолц.

Кучеренко Сергей Анатольевич – аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

sergey.kucherenko93@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7644-9865>

Для цитирования: Кучеренко С.А. Понятие войны в политическом реализме // Философские науки. 2020. Т. 63. № 11. С. 104–127.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-104-127

The Concept of War in Political Realism

S.A. Kucherenko

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Abstract

The article deals with the concept of war in modern political realism. Realism claims to have an original notion of war, which distinguishes it from empirical war studies and from other schools in international relations theory. Realism does not have a strict formal definition of war like empirical studies do, it focuses on understanding the causes and nature of war instead. The distinction between realism and other international relations theories like idealism, Marxism or constructivism consists in the realist notion of politics. Realism understands politics as an eternal struggle for power that underlies all social life, while war is the most intense manifestation of this struggle. Thus, the possibility of war cannot be eradicated. The article shows the normative aspects of such understanding of war. Realism, unlike pacifism or just war theory, is less enthusiastic about ethical or legal regulation of war; furthermore, it shows the dangers that may be caused by political moralism and “criminalization” of war. On the other hand, realism fails to provide a set of norms or principles that would surpass the just war principles. The realist principles of national interest and prudence are as vague, unclear and prone to misuse as classic just war principles are. Author draws a conclusion that to be able to create a valid set of principles of war, realism needs to further converge with international relations theory schools and “enlarge” the set of its base theoretical notions.

Keywords: international relations theory, just war theory, democratic peace theory, political neo-realism, political moralism, pacifism, militarism, Morgenthau, Waltz.

Sergey A. Kucherenko – postgraduate student, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanitarian Sciences, National Research University Higher School of Economics.

sergey.kucherenko93@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7644-9865>

For citation: Kucherenko S.A. (2020) The Concept of War in Political Realism. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 11, pp. 104–127. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-104-127

Введение

Проблема определения понятия «война» является не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Интуитивное понимание наталкивается на сложности при попытке дать войне четкое определение. Особенно это заметно, если требуется отграничить войну «в узком смысле слова» от близких явлений, как то «бое столкновения», «восстание», «партизанская война», «холодная война» и т.п. В различных областях политических и социальных наук войну определяют и понимают по-разному. Мы рассмотрим, как понимает войну политический реализм – одно из наиболее значимых направлений в теории международных отношений.

Современный реализм возник в период между мировыми войнами как ответ на то, что получило название «идеализм». Идеалисты, среди которых можно выделить А. Циммерна, Н. Энджелла, Дж. Гобсона и В. Вильсона, были убеждены, что масштабные политические конфликты можно свести к неполитическим причинам: к экономическим проблемам, неправильным нравам или даже к нехватке информации. Отсюда проистекает возможность решить эти конфликты раз и навсегда путем создания международно-правовых институтов, правильного воспитания и удовлетворения экономических потребностей.

Реалисты, прежде всего Г. Моргентау, Р. Нибур, Р. Арон, Э.Х. Карр, полагали, что политические конфликты – конфликты по поводу власти – имеют причины, которые невозможно редуцировать до экономических, правовых или каких-либо других причин. Основание этих конфликтов лежит в несовершенной природе человека, который способен стремиться к власти как к самостоятельной цели. Это несовершенство человека невозможно устранить ни воспитанием, ни материальными благами, ни разумной системой права [Niebuhr 2013; Morgenthau 1997]. Политическая наука с точки зрения реализма должна начинаться с признания этого непреложного факта, а не с создания образа идеального государства или миропорядка, к которому следует стремиться.

Неспособность такого международно-правового института, как Лига Наций, обеспечить международную безопасность, достигшая кульминации во Второй мировой войне, привела к укреплению позиций реализма как в науке, так и в политической практике. Вершины популярности реализм достиг в 70–80-е годы XX века в варианте, получившем название структурного реализма,

главным представителем которого является К. Уолц. Хотя Уолц уходит от рассуждений о человеческой природе и смещает акцент на структуру международных отношений как главный источник конфликтов и войн, его основные выводы схожи с классическим реализмом. Война всегда возможна из-за особенностей структуры международных отношений, государства не могут доверять друг другу, а потом могут полагаться только на собственные силы.

В XX веке развитие крупных направлений теорий международных отношений велось вокруг вопроса, возможно ли предотвращение всех войн и каким образом [Vasquez 2002]. В то время как либеральные идеалисты полагали, что причины войн могут быть устранены, реализм занял более пессимистичную позицию и признал войны объективной вероятностью политики. В последние десятилетия мир переживает возрождение реализма, позиции которого сильно пошатнулись в 90-е годы в связи с распадом СССР. Неспособность США эффективно справляться с ролью мирового гегемона, укрепление России и Китая, отказ от некоторых аспектов глобализма, даже изоляционизм, в т.ч. самих США, – все это приближает современный мир к той модели, которой реалисты пользуются для объяснения мировой политики. Реализм при этом не остается исключительно исследовательской программой: такие политики, как Дональд Трамп или Виктор Орбан, прямо называют себя реалистами и претендуют на соответствующие действия. Дискуссии о возвращении реализма сильно поспособствовала и пандемия коронавирусной инфекции: некоторые увидели в ней вызов, который демонстрирует неэффективность международных институтов и показывает, что государства могут полагаться только на себя для защиты своих жизненно важных интересов [Бордачев 2020; Крастев 2020].

Такое возвращение реализма в теорию и практику закономерно влечет интерес к реалистическому пониманию войны. То, как в рамках теории понимается война, обуславливает как выводы о причинах войны и возможностях ее урегулирования, так и действия политиков, опирающихся в своей практике на положения политического реализма.

Определение войны в политическом реализме

Определение войны – важный элемент в ее исследовании, т.к. он позволяет определить границы предметной области. При этом общепринятая дефиниция войны отсутствует как в исследова-

ниях, так и в международном праве. На важность определения указывает Джон Васкез в работе «Пазл войны» («War puzzle»), где он сопоставляет ряд современных определений войны [Vasquez 2009, 21–28]. Общим местом определений, принадлежащих Х. Буллу, Б. Малиновскому, К. Райту, С. Бремеру и другим является понимание войны как организованного насилия (violence), которое осуществляют политические группировки. Аналогичное определение содержится в книге Б. Оренда «Война и политическая теория»: «Война – это жестокий (violent) конфликт между организованными группами людей, действительный, преднамеренный и широкомасштабный» [Orend 2019, 29–32]. Несмотря на все сходства, определения содержат тонкие различия, которые критически влияют на то, как они будут использованы. Так, Васкез отмечает, что определение С. Бремера, разработанное в рамках проекта «Корреляты войны» («Correlates of War»), устанавливает минимальный уровень жертв, причем учитывает только военных. Такое определение исключает значительную часть асимметричных войн. Определение Оренда, напротив, позволяет включать такие конфликты, но указанием на «действительность» исключает ряд феноменов, которые могут быть названы «торговые войны», «холодные войны» и т.п. О влиянии понятия войны на политическую практику пишет В. Белозёров, отмечая вслед за К. Шмиттом, что понимание войны влияет и на политику государства в мирное время [Белозёров 2018, 119].

В рамках реализма одной из трудностей в анализе понятия войны является то, что далеко не все реалисты приводят строгие дефиниции войны. В качестве примера можно привести «Политические отношения между нациями» Г. Моргентау [Morgenthau 1997, 657], «Человек, государство и война» [Waltz 2001, 262] и «Теория международной политики» К.Н. Уолца [Waltz 2007, 252], «Война и изменение в мировой политике» Р. Гилпина [Gilpin 1987, 271], «Трагедия политики великих держав» Дж. Миршаймера [Mearsheimer 2003, 554]. В них авторы избегают прямых определений войны. Как прослеживается в алфавитных указателях вышеперечисленных работ, война уже называется в конкретных контекстах – «война и национализм», «война и баланс сил» и т.п., но четких определений все-таки нет. Самые ранние упоминания войны в монографии Моргентау выглядят так, как если бы уже было понятно, что такое война [Morgenthau, Thompson 1997, 39, 47]. У Гилпина война фигурирует сама по себе в указателе, однако

обе страницы опять-таки содержат лишь упоминания о «войне между великими державами» и «разрушительности» войны в контексте ссылок на «Историю...» Фукидида [Gilpin 1987, 93, 163]. Такое умолчание любопытно в контексте того, что одним из главных предметов реалистов является вопрос о причинах и предотвращении войны. Впрочем, восприятие войны как чего-то почти очевидного присуще не только реализму: видные представители теории справедливой войны М. Уолцер и Дж. Макмэхен тоже избегают строгих определений.

Исключением из западных реалистов представляется Раймон Арон, который приводит в качестве определения войны цитату из Клаузевица: «Война является актом насилия, направленным на то, чтобы вынудить противника исполнить нашу волю» [Арон 2000, 71]. Это определение указывает не столько на материальные характеристики (вооружение, тип участников, количество погибших), сколько на *цель* войны. Другим объяснением войны является формула того же Клаузевица, гласящая, что война – это продолжение политики иными средствами [Клаузевиц 1998]. Эту формулу цитирует А.А. Кокошин [Кокошин 2013, 11–12], на ее актуальность указывает М.А. Хрусталеv, определяющий войну как вооруженный конфликт высокой интенсивности [Хрусталеv 2010, 113].

Итак, реалисты не придают большого значения формальному определению войны, делая вместо этого акцент на объяснении смысла войны и понимании ее причин. Тезис Клаузевица о войне как продолжении политики, столь любимый реалистами, подразумевает, что понимание войны зависит от понимания реалистами политики и политического. В рамках реализма существует две концепции политического. Во-первых, это понимание политики, как борьбы людей за власть, возникающей из присущей всем по природе жажды власти. Во-вторых, это представление структурных реалистов о борьбе за власть и могущество с целью обеспечения безопасности.

Ярчайшим представителем первого понимания политики является Ганс Моргентау, который видел в политике, прежде всего борьбу отдельных индивидов за власть друг над другом. Потребность во власти с его точки зрения возникала из потребности человека в преодолении собственных границ и личностного контакта с другими людьми [Morgenthau 1962]. Организация людей в государства позволяет более эффективно реализовать

стремление к власти: руководители властвуют над основной массой населения, а рядовые граждане ощущают причастность к успехам своей родины [Schuett 2007].

Особенностью такого понимания политики является неустрашимая потребность в конфликте по поводу власти. Борьба за власть, как ее понимает Моргентау, не допускает компромиссов: если двое борются за власть, то получить эту власть может только один и только путем подчинения второго [Morgenthau 1997, 32–33]. В случае вышеупомянутой организации людей в государства потребность граждан во власти не устраняется и не подавляется, но переходит на более высокий уровень как потребность в гордости за успехи своей страны на мировой арене.

Война при таком понимании политики всегда весьма вероятна, потому что имеет неустрашимую причину. Этим реализм отличается от таких теорий, как либерализм и марксизм, а также от ранней политической науки, восходящей к утилитаризму. В рамках этих теорий политические конфликты являются интенсивным проявлением других конфликтов – экономических либо нравственных. Устранив причину этих конфликтов, можно будет устранить политику как таковую, сведя ее к грамотному администрированию. Путь к устранению всех конфликтов лежал в простых, как казалось, решениях. Требовалось создать справедливую или изобильную экономическую систему, правильно воспитать людей, объяснить, что война менее выгодна, чем иные способы решения споров и т.п. Так, Норман Энджелл в начале XX века полагал, что экономика Европы уже достаточно интегрирована, чтобы войны были экономически невыгодны, а значит, невыгодны в принципе – требуется лишь в полной мере осознать эту истину. С точки зрения марксизма войны были обусловлены экономическими противоречиями классового общества. В эпоху античности и в Средние века экономический рост требовал захвата рабов и плодородных земель. В.И. Ленин полагал, что в эпоху капитализма войны ведутся монополиями за источники сырья и рынки сбыта, – переход к обществу, в котором не будет классового различия, устранил причины войн между государствами [Ленин 1969]. Схожим образом причины империалистических войн объяснял английский экономист Дж. Гобсон [Hobson 1975].

Другой значительной теорией, противостоящей реализму, является теория демократического мира, восходящая к проекту вечно-го мира Иммануила Канта и существующая по сей день. Теория

демократического мира утверждает, что устройство государства и политический режим серьезно влияют на внешнюю политику, в т.ч. на вопрос об объявлении и ведении войн. Предполагается, что рядовые граждане не заинтересованы в войнах в такой степени, как политики и высшие чиновники, а потому демократические государства в меньшей степени склонны развязывать войны. Демократизация всех государств приведет к тому, что войн просто не будет. С этой теорией отчасти перекликаются утверждения Ф. Фукуямы периода конца 90-х годов, который видел в либеральной демократии политическое устройство, при котором природа человека сможет добиваться свободы и признания, не прибегая к насилию и войнам [Fukuyama 1992]. Основной проблемой теории демократического мира является сложность формального определения как демократии, так и войны. Нередко военные операции, проводимые демократическими странами, позиционируются не как войны, а как антитеррористические операции и гуманитарные интервенции, либо формально демократические государства, ведущие войны, объявляются неполноценными демократиями, которые лишь имитируют демократические институты.

Таким образом, реализм, ссылаясь на властолюбие человека, утверждает фундаментальный, почти первичный характер войны, связанный с реальным существованием политики как борьбы за власть. Другие теории допускают хотя бы *гипотетическое* устранение причин войн в будущем. Это воззрение связано с надеждой на то, что интересы одних людей не обязательно должны быть удовлетворены за счет других людей. Война в этом случае будет либо ошибкой, связанной с недостатком образования, либо вызвана трудностями, которые в принципе устранимы невоенным путем. В случае, когда интересом является власть, разрешение конфликтов подразумевает, что участники ни при каких условиях не могут быть удовлетворены все и одновременно.

Второй подход к политике в реализме делает акцент на системных факторах и широко представлен у неореалистов. Систему международных отношений характеризует анархия: в ней нет единого арбитра, который мог бы разрешать споры, эффективно принуждать к исполнению правил и предотвращать конфликты. В этих условиях государства могут полагаться только на собственные силы в вопросах безопасности и разрешения споров. Эта линия аргументации восходит к Томасу Гоббсу, который аналогичным образом мыслил естественное состояние человека.

Лишенный социальных связей и институтов, человек пребывает в постоянном страхе за свою жизнь. В естественном состоянии нельзя надеяться на соблюдение соглашений, нельзя надеяться на то, что доброта всегда будет вознаграждена. Таким образом, с точки зрения Гоббса, возникает потребность в создании единого центра власти, который будет гарантировать людям безопасность друг от друга, и будет принуждать их к соблюдению правил, которые понятны и известны каждому, но не могут быть соблюдены из-за неопределенности и рисков.

В теории международных отношений эта логика воспроизводится неореалистами, прежде всего Кеннетом Уолцем, который характеризует систему международных отношений прежде всего, как анархическую. В мировой политике государства могут полагаться только сами на себя, поэтому война или угроза войны является крайним, но весьма распространенным средством принуждения к соблюдению правил и обычаев. В условиях анархии государства постоянно попадают в так называемую «ловушку Фукидида» – надеясь защититься от возможной агрессии, они усиливаются настолько, что внушают страх соседям и провоцируют гонку вооружений, увеличивая масштабы возможной войны. Значительное количество теорий, разработанных в рамках неореализма, посвящены вопросу о том, какие именно государства и на каком этапе стремления к гегемонии решаются начать войну.

Даже если допустить, что человек миролюбив по природе, утверждают неореалисты, система международных отношений будет оставаться анархической, а потому войны будут происходить. Это связано с тем, что в мировой политике нет легитимной монополии на насилие, а потому государства вынуждены разрешать споры и гарантировать соблюдение договоров, опираясь только на собственные силы. Необходимо, однако, отметить, что неореализм менее пессимистичен, чем классический реализм, связывавший природу политики с природой человека. Вариант неореализма Кеннета Уолца, получивший впоследствии название «оборонительного реализма», допускает, что государства смогут избегать войн достаточно долго, если научатся верно оценивать, сколько могущества им достаточно для оборонительной войны, какой силой обладают другие государства и как они воспринимают друг друга. Иначе говоря, в рамках оборонительного реализма мыслима ситуация, в которой государства совершают раздел сфер влияния и сохраняют баланс сил в течение долгого времени.

Война в таком случае является результатом ошибок в расчетах. Другие неореалисты менее пессимистичны, в особенности Дж. Миршаймер, который отбрасывает понятие о «достаточном могуществе», поскольку в условиях анархии достаточным является только максимальное могущество в рамках системы.

Подведем промежуточный итог. Война в политическом реализме – это вооруженный конфликт политических групп, как и в классических определениях войны. Отличительной чертой реализма является особое понимание причин войны, на основании которого делается много выводов о том, как война может быть ограничена и предотвращена.

1. Война – продолжение политики иными средствами. Война возникает из конфликта интересов и является крайним средством их защиты. Интересы объективны, потому и возможность войны объективна.

2. Существует особый политический интерес – захват, удержание и преумножение власти. Этот интерес не может быть гармонизирован: только одно государство может быть самым могущественным в мире/в регионе, только одно государство может обладать конкретной территорией и т.п. Из-за невозможности разрешения подобных вопросов на основе системы правил, политические конфликты всегда стремятся к силовым действиям.

3. В международной системе не существует стабильных институтов, обладающих авторитетом, сравнимым с авторитетом институтов внутри государства. Точно так же нет инстанции, способной объявить себя «монополистом на насилие». Не только политические споры, но и юридические, экономические и другие раздоры между государствами не могут быть надежно разрешены. Война оказывается крайним, но допустимым средством для решения любых конфликтов.

Реалисты рассматривают мир как арену постоянной борьбы за власть, причиной которой является то ли природная жажда власти, то ли чувство небезопасности. Война в привычном понимании – лишь обострение конфликтов, которые существуют всегда и, возможно, никогда не будут разрешены или подавлены. Перефразируя М. Хайдеггера, можно сказать, что с точки зрения реализма «война есть самая неотменимая возможность мира». В известной степени реализму неведом мир в чистом смысле, в том смысле, в котором его мыслит И. Кант в трактате «К вечному миру», а именно, как состояние, в котором исключена воз-

возможность будущей войны. Для реалистов состояние мира – это передышка, возможность подготовиться к войне или провести стратегию сдерживания. Можно также сказать, что мир – это «война, осуществляемая менее интенсивными средствами».

Нормативные следствия из понятия войны в политическом реализме

Важной чертой реализма является его двойственный характер. С одной стороны, реализм претендует на то, чтобы быть беспристрастной наукой, которая описывает политику «как она есть». Еще Н. Макиавелли претендовал на такую объективность, противопоставляя себя нормативным теориям, которые исходят из представления о должном. Точно так же поступают реалисты первой половины XX века, противопоставляя себя либеральным идеалистам. Однако, как и Макиавелли, современные реалисты не способны удержаться в рамках описательной и объясняющей теории и используют свои представления о том, как устроена политика, чтобы указать, как следует поступать. В случае с Гансом Моргентау это осуществляется через представление об «идеальном политике», на чью точку зрения становится исследователь, чтобы не просто понять, но и *оценить* образ действия реальных политиков [Morgenthau 1997, 4–6]. Кеннет Уолц и прочие неореалисты, исследуя структурные ограничения международной системы, также указывают, как государству следует поступать, чтобы гарантировать свое существование и возможности достижения других интересов [Waltz 2001, 172–178; Behr, Heath 2009].

Это верно и в отношении войны. То, как реализм объясняет причины и устройство войны, является основой для того, как реализм предлагает поступать в случае войны или угрозы войны. Выше мы отметили, что особенностью понимания войны в реализме является акцент на ее политических причинах. Реалисты не дают формальных определений, которые бы выделяли войну на основании типа участников, минимального количества погибших и т.п. Они вводят понятие о войне как высшей стадии конфликта, который имеет политические причины, т.е. борьбу за власть. Было бы серьезным упрощением утверждать, что только политические конфликты могут достигнуть стадии вооруженного столкновения. Однако, предполагается, что неполитические конфликты могут быть разрешены неполитическими средствами, что делает войну, требующую крайнего напряжения сил, не-

выгодной. Политический же конфликт имеет особую природу, которая допускает и даже требует решения его с помощью насилия. Как отмечает Ганс Моргентау, политический конфликт возникает не из-за разногласия, которое может быть разрешено в рамках правил, но по поводу *содержания самих правил*, что лишает участников конфликта почти всех мирных средств к его решению [Morgenthau 2012, 94–95].

Утверждая реальность политики как особой сферы человеческой деятельности, реалисты резко противопоставляют себя нормативным теориям войны. Поскольку политика, понимаемая преимущественно как борьба за власть, существует объективно и имеет в качестве основания природу человека и/или международной системы, необходимо осознавать, что вероятность войны всегда будет сохраняться. Это налагает определенные ограничения на нормативное регулирование войны.

В отличие от милитаризма и пацифизма, политический реализм не считает войну самостоятельной ценностью, как не считает самостоятельной ценностью и недопущение войны. Война может быть инструментом, но точно не чем-то, чего следует любой ценой избегать, либо искать. Пацифизм, с точки зрения реалистов, выглядит как набор ничем не подкрепленных лозунгов. Как отмечает В. Белозеров, аргументы пацифистов игнорируют субъект-субъектный характер политики, не принимают во внимание, что воли лишь одной из сторон недостаточно, чтобы избежать войны [Белозеров 2018, 116–117]. Исключение может быть сделано лишь для ограниченных форм пацифизма, которые допускают ограниченное применение силы в крайних случаях. Милитаризм в свою очередь выглядит как безрассудство, поскольку рассмотрение войны в качестве самостоятельной ценности подразумевает военные действия, которые не обязательно целесообразны с политической точки зрения. Реализм при этом нельзя считать какой-то промежуточной теорией на воображаемой шкале «милитаризм – пацифизм», которая не отрицает войну полностью, осознавая при этом опасность и нравственную проблематичность войны. В основании политического реализма лежит представление об интересе, понимаемом как власть, т.е. о том, что основной ценностью и целью политического является власть и могущество. Война, хотя и является неизбежной, должна подчиняться политической логике.

Интереснее отношение реализма к *теории справедливой войны*, которую иногда рассматривают как разновидность ограниченного пацифизма. Несмотря на то, что теории справедливой войны рассматривают войну как нечто морально негативное, их основной целью является определение ситуаций, в которых война допустима и даже необходима, и формулирование принципов, регулирующих боевые действия. Хотя нормативные теории такого рода существуют во всех культурах с древнейших времен, современные теории справедливой войны в большинстве своем восходят к христианской традиции, начатой Августином и серьезно переработанной и развитой в Новое время. Современная теория справедливой войны пользуется терминологией своих средневековых предшественников и во многом им следует. Нормы, связанные с войной, все так же подразделяются на допустимые поводы к войне и правила ведения боевых действий. Наиболее важно то, что теории справедливой войны допускают не только оборонительные и превентивные войны. В ряде случаев теория справедливой войны позволяет обосновать вмешательство в уже ведущуюся войну или внутренний конфликт. Иногда теория справедливой войны допускает вмешательство в ситуациях гуманитарных кризисов или для поддержки права народов на самоопределение [Moral Constraints... 2008]. В последних случаях теория приобретает отчетливый моральный характер.

Первое серьезное отличие реализма от теории справедливой войны заключается в акценте на реальное положение дел. Даже если принципы, которые предлагает теория справедливой войны, хороши, возникает вопрос, как обеспечить соблюдение этих принципов. В условиях, когда нет внешнего судьи, несоблюдение принципов может быть необходимо, чтобы не утратить стратегическое преимущество. Таким образом, должны быть изменены либо международная система целиком, либо сами принципы. К сожалению, рекомендации, которые дает реализм, имеют более расплывчатый характер, чем положения теории справедливой войны. Например, рекомендации Г. Моргентау сводятся к требованию подчинять внешнюю политику, включая военную, интересам государства, а также к *умеренности* [Morgenthau 1949; Morgenthau 1950]. Вопрос, как определить подлинные интересы государства и как узнать, где находится граница умеренности, остается открытым.

Политический реализм имеет инструменты критики политического морализма, которые частично применимы к теории

справедливой войны. Такие реалисты, как Г. Моргентау, Э. Карр, К. Шмитт, указывают на то, что морализм всегда имеет скрытую сторону. Ценности, которые провозглашаются универсальными и объективными, оказываются частными ценностями определенных групп, а следование моральным принципам до конца создает риск нежелательных последствий. В монографии «Человек науки против политики силы» [Morgenthau 1974] Моргентау подвергает критике либерально-демократическую систему ценностей, а также политическую науку, которая их поддерживала. Как утверждает Моргентау, за претензией на объективность и изложением фактов нередко скрывается неосознанная пропаганда конкретной идеологии. Такой, с точки зрения Моргентау, была либеральная политическая наука, рассматривавшая либеральные ценности и свободный рынок в качестве «нейтральных», везде применимых и, пожалуй, наилучших институтов для всех. Как отмечает Моргентау, сторонники такого подхода стремились представить свободу рынка и индивида не просто как универсальную ценность, но даже как позитивный факт, который установлен политической наукой с помощью научного метода. Наиболее успешные государства – государства либеральные, иногда либерально-демократические. Но при этом игнорировались как неравномерность в применении либеральных принципов внутри этих государств, так и связь их благосостояния с весьма агрессивной внешней политикой [Morgenthau 1974, 52–58]. Как подчеркивает Моргентау, свобода рыночных отношений, свобода слова и печати и другие свободы в наибольшей мере благоприятствуют тем, кто уже богат, – крупным буржуа. Эта критика отчасти применима к теории справедливой войны. Ее принципы зачастую излагают как нечто универсальное и очевидное, предполагая, что они восходят к некоей универсальной системе ценностей.

Другая стратегия критики морализма, наиболее ярко представленная у К. Шмитта, заключается в том, что перевод конфликта из плоскости политики в плоскость морали обостряет его беспредельно и неконтролируемо. Вместо борьбы двух государств за свое существование мы получаем конфликт Добра со Злом или «войну во имя мира» [Шмитт 2016, 371–372]. Политический конфликт по Шмитту интенсивен, он подразумевает возможность погибнуть, однако враг не воспринимается в качестве преступника или нравственного злого субъекта. Враг – такой же, как я, хоть мы с ним и находимся в состоянии войны [Шмитт 2016, 326]. Это

позволяет действовать умеренно и даже потенциально договориться с врагом о разделе сфер влияния. Если в политический конфликт привнесена нравственная компонента, возникает риск выхода конфликта из-под контроля. Если мы считаем врага недочеловеком, террористом или же нарушителем международного права, с ним невозможен диалог. В ряде случаев такой враг должен быть просто уничтожен. Таким образом, борьба, ведущаяся на нравственных основах, рискует приобрести абсолютный характер.

Своеобразным «идеалом» для реалистов может служить международное право Нового времени, описанное Шмиттом под названием «*ius publicum europaeum*» и основывавшееся на взаимном признании суверенитета государствами. Война в этой системе международных отношений была допустимым инструментом и представляла собой «судебный поединок», позволявший разрешить споры [Brown 2007; Kumankov 2015]. Как отмечает Крис Браун, Ганс Моргентау не был чужд ностальгии по старому порядку в европейской политике, который оказался разрушен демократической политикой, более чувствительной к вопросам морали [Brown 2007]. Своеобразная «криминализация» войны в международном праве и возросшая роль общественного мнения ограничили возможность разрешения некоторых конфликтов путем ограниченных боевых действий, проложив при этом дорогу трудно управляемым гуманитарным интервенциям и контртеррористическим операциям на чужой территории.

Итак, реализм небезосновательно критикует теорию справедливой войны, указывая на целый ряд ее недостатков. Теории справедливой войны действительно имеют спорные и неоднозначные нравственные основания, которые могут служить ширмой для корыстных интересов либо создавать риск превращения конфликта в неконтролируемый «крестовый поход». Парадоксальным образом политический реализм не может предложить взамен лучшую нормативную систему. Нормативные тезисы реализма, касающиеся войны, можно изложить следующим образом. Во-первых, войны нельзя отменить, поэтому к войнам следует быть готовым. Возможны ситуации, в которых война выгоднее, чем попытка ее избежать. Во-вторых, война является допустимым, хотя и крайним, средством проведения политики. В-третьих, война должна быть подчинена политическим интересам (в са-

мой общей формулировке – приумножению власти/могущества) и проводится как можно более умеренно.

Эти тезисы, несмотря на общую разумность, могут быть так же опасны, как принципы справедливой войны. Особенно опасны они, если политический деятель разделяет и основные установки реализма о природе человека, природе международной системы. Представление о том, что в международной политике доверие невыгодно и следует опираться только на силу, функционирует как самоисполняющееся пророчество. Это верно даже в тех случаях, когда лишь несколько государств мыслят подобным образом, вынуждая остальных участников международной системы подстраиваться под их опасное поведение. Одна из главных концепций объяснения войны в неореализме – дилемма безопасности, или «ловушка Фукидида» [Allison 2017], – показывает, что невыгодна ни одна стратегия государств. Отказ от укрепления обороноспособности сделает страну уязвимой для всех соседей. Участие же в гонке вооружений представит государство более опасным в глазах соседей и подстегнет милитаризацию. Нарращивание конвенциональных вооружений, судя по всему, не является эффективным сдерживающим фактором. Как показывает ряд эмпирических исследований, гонка вооружений положительно коррелирует с переходом конфликта в фазу вооруженного столкновения [Vasquez 2009, 200–202; Houweling, Siccama 1981].

На сегодняшний момент действительно эффективным фактором сдерживания является ядерное оружие, распространение которого поддерживал К. Уолц [Waltz 2012]. Время от времени, однако, высказывается мнение о том, что ядерное оружие не способно гарантировать полное уничтожение противника, а потому является сдерживающим фактором лишь из-за искажений в восприятии. В случае, если на практике подтвердится такая «безвредность» ядерного оружия, его применение станет обыденной практикой, которая увеличит разрушительность войн, но уже не сдержит их. Одним из новейших обсуждений такой точки зрения представляется статья В. Алексеева для сайта Российского совета по международным делам и развернувшаяся вокруг нее полемика [Алексеев 2019; Арбатов 2019].

Как отмечают упомянутый выше Г. Элисон и Р.Н. Лебоу, эффективность сдерживания покоится прежде всего на доброй воле сторон и только затем – на объективных факторах, в число которых входит военная сила [Lebow 1987; Lebow 2008, 88–93].

В работе 1987 года о ядерных кризисах Лебоу подчеркивает, что механизмы ядерного сдерживания имели ряд недостатков, таких как технические ошибки в системах оповещения, готовность военных применять ядерное оружие для «демонстрации решимости» или делегирование возможности принятия решения о ядерном ударе. Все эти факторы делают более вероятным обмен ядерными ударами, и только сдержанность высших лиц США и СССР, готовность пойти на переговоры, привели к тому, что ядерной войны не случилось. Сходного мнения придерживается А. Фененко, выдвинувший гипотезу о том, что ядерное сдерживание работает лишь потому, что у великих держав пока что не было поводов к обычной широкомасштабной войне [Фененко 2019].

Таким образом, единственный объективный, «реальный» фактор сдерживания войны, который предлагает реализм, работает весьма ограниченно. Более того, если участники международных отношений убеждены в онтологических тезисах реализма, они будут менее склонны к переговорам и уступкам. Два других утверждения реализма – о подчинении войны интересам и об умеренности – также малоприменимы на практике. Подчинение войны интересам государства требует понимания, в чем эти интересы заключаются. Даже такие широко раскритикованные реалистами войны, как война во Вьетнаме или вторая кампания США в Ираке, на момент своего начала обосновывались соображениями сохранения сферы влияния и безопасности. Возможность понять собственные интересы неправильно либо слишком широко, делает эту рекомендацию реализма малополезной. Точно так же и «умеренность» является крайне расплывчатым понятием, которое не налагает строгих ограничений, а потому допускает эскалацию конфликта до предела. Не будет серьезным преувеличением сказать, что эти рекомендации реализма по содержанию пересекаются с такими принципами справедливой войны, как «достаточное основание», «вероятность успеха» или «пропорциональность», но являются более расплывчатыми и подаются не как нравственные или правовые принципы, но как выводы из объективной науки о том, как устроено политическое на самом деле.

Заключение

Реализм претендует на то, чтобы быть теорией, беспристрастно описывающей политику. Этот пафос пронизывает работы ре-

листов первой половины XX века и восходит к Н. Макиавелли, который стремился показать, как обстоят дела на самом деле, чтобы уберечь политиков от ошибок, связанных с неосторожным и неосмотрительным преследованием возвышенных идеалов. Для реалистов XX века одним из таких опасных идеалов является идеал мира без войны, следование которому приведет либо к потере бдительности, либо к разрушительной войне за установление вечного мира. С этим связано то, как реализм понимает войну.

Реализм рассматривает войну как крайне интенсивное выражение конфликтов по поводу власти и могущества, которые всегда присутствуют в обществе и не могут быть устранены. Такое понимание войны подразумевает, что война всегда возможна и не может быть устранена без изменений настолько фундаментальных, что о них нет смысла рассуждать всерьез. Из осознания «неизбежности войны» следуют своеобразные «нормы», принципы войны, которые можно противопоставить другим нормативным теориям войны, прежде всего теории справедливой войны.

Как показано выше, реализм в конечном итоге не слишком отличается от теории справедливой войны, чтобы быть полноценной альтернативой, если таковая требуется. Хотя реализм может быть использован для беспристрастной критики теории справедливой войны за умолчание в отношении собственных оснований, за расплывчатость принципов и возможность злоупотреблений, сам он обладает теми же недостатками. Во-первых, реализм претендует на то, чтобы быть объективным описанием и объяснением реальности, однако он регулярно выступает в качестве нормативной теории со специфической системой ценностей. Во-вторых, такие принципы как «подчинение войны политическим интересам» и «умеренность» не менее расплывчаты, чем принципы теории справедливой войны, и позволяют ошибаться и злоупотреблять в неменьшей степени.

Трудно говорить о том, должен ли быть реализм исправлен, и если да, в какой степени. При всех своих проблемах, он обладает рядом достоинств, которые необходимо сохранить. В их число входит представление о политике как особой сфере человеческой деятельности, которая не может быть устранена и которая имеет собственные законы. Другим достоинством является осознание реализмом ограниченности как моральных, так и научных теорий: первые выдают частные ситуативные системы ценностей за универсальные, тогда как последние опираются на конкретную моральную

систему, претендуя на беспристрастность и объективность. К сожалению, реализм сам в значительной степени страдает от второй проблемы. С одной стороны, реалисты навязывают политическую систему ценностей, в которой место верховной ценности занимает могущество. С другой стороны, реализм основывает эту систему ценностей на безапелляционных утверждениях о природе человека или свойствах международной системы, которые не всегда удается верифицировать. Попытки преодолеть эти ограничения предпринимают Майкл Уильямс с его проектом «своенравного реализма» (willful realism) и Р.Н. Лебоу с его программой «культурной теории международных отношений». Оба эти исследователя, взяв за основу тезис о реальности политики и методологию Г. Моргентау, пытаются сблизить реализм с социальным конструктивизмом и расширить его инструментарий, анализируя политику с точки зрения сразу нескольких систем ценностей. Как нам кажется, дальнейшее «расширение» реализма, включение его в более широкий контекст социальных наук и сближение с другими школами теории международных отношений может стать основой для гибкой и практичной нормативной теории войны.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 2019 – *Алексеев В.* Миф ядерного сдерживания // Российский совет по международным делам. 2019, 15 марта. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/mif-yadernogo-sderzhivaniya/>

Арбатов 2019 – *Арбатов А.Г.* Миф выживания в ядерной войне // Российский совет по международным делам. 2019, 18 апреля. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mif-vyzhivaniya-v-yadernoy-voyne/> (дата обращения: 08.10.2020)

Арон 2000 – *Арон Р.* Мир и война между народами. – М.: NOTA BENE, 2000.

Белозёров 2018 – *Белозёров В.К.* Образ будущей войны в политических идеологиях и государственных стратегиях // Выбор долгосрочной стратегии в условиях глобальной нестабильности и цивилизационное наследие России. – М.: Институт Наследия, 2018. С. 106–123.

Бордачев 2020 – *Бордачев Т.В.* Долгая Правота Реализма // Россия в глобальной политике. 2020, 4 апреля. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/dolgaya-pravota-realizma/>

Клаузевиц 1998 – *Клаузевиц К.* О войне. – М.: Логос, 1998.

Кокошин 2013 – *Кокошин А.А.* Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013.

Крастев 2020 – *Крастев И.* Семь первых уроков глобального коронавирусного кризиса // Россия в глобальной политике. 2020, 24 марта. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sem-urokov-koronakrizisa/>

Ленин 1969 – *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. – М.: Политиздат, 1969.

Хрусталеv 2010 – *Хрусталеv М.А.* Методология системного исследования мировой политики // Современная мировая политика: прикладной анализ / отв. ред. А.Д. Богатуров. – М.: Аспект пресс, 2010. С. 100–121.

Шмитт 2016 – *Шмитт К.* 2016. Понятие политического. Слово о сущем. – СПб.: Наука, 2016.

Фененко 2019 – *Фененко А.* Эффективно ли ядерное сдерживание? // Российский совет по международным делам. 2019, 26 апреля. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/effektivno-li-yadernoe-sderzhivanie/>

Allison 2017 – *Allison G.T.* Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

Behr, Heath 2009 – *Behr H., Heath A.* Misreading in IR Theory and Ideology Critique: Morgenthau, Waltz and Neo-Realism // Review of International Studies. 2009. Vol. 35. No. 2. P. 327–349.

Brown 2007 – *Brown C.* “The Twilight of International Morality?” Hans J. Morgenthau and Carl Schmitt on the End of the *Jus Publicum Europaeum* // Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations. – Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 42–61.

Fukuyama 1992 – *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. – New York: Free Press, 1992.

Gilpin 1987 – *Gilpin R.* War and Change in World Politics. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1987.

Hobson 1975 – *Hobson J.A.* Imperialism: A Study. – New York: Gordon Press, 1975.

Houweling, Siccama 1981 – *Houweling, H.W., Siccama J.G.* The Arms Race war Relationship: Why Serious Disputes Matter // Arms Control. 1981. Vol. 2. No. 2. P. 157–197.

Kumankov 2015 – *Kumankov A.* Humanism as Casus Belli: Carl Schmitt's Critique of Just War Theory // Russian Sociological Review. 2015. Vol. 14. No. 4. P. 77–91.

Lebow 1987 – *Lebow R.N.* Nuclear Crisis Management: A Dangerous Illusion. – Ithaca: Cornell University Press, 1987.

Lebow 2008 – *Lebow R.N.* A Cultural Theory of International Relations. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008.

Mearsheimer 2003 – *Mearsheimer J.* The Tragedy of Great Power Politics. – New York: Norton, 2003.

Moral Constraints... 2008 – Moral Constraints on War: Principles and Cases / ed. by. B. Coppeters, N. Fotion. – Lanham: Lexington Books, 2008.

Morgenthau 1949 – *Morgenthau H.J.* The Primacy of the National Interest // The American Scholar. 1949. Vol. 18. No. 2. P. 207–212.

Morgenthau 1950 – *Morgenthau H.J.* The Mainsprings of American Foreign Policy: The National Interest vs. Moral Abstractions // American Political Science Review. 1950. Vol. 44. No. 4. P. 833–854.

Morgenthau 1962 – *Morgenthau H.J.* Love and Power // Commentary. 1962. Vol. 33. No. 3. P. 247–251.

Morgenthau 1974 – *Morgenthau H.J.* Scientific Man vs. Power Politics. – Chicago: University of Chicago Press, 1974.

Morgenthau 1997 – *Morgenthau H.J.* Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. – Singapore: McGraw-Hill, 1997.

Morgenthau 2012 – *Morgenthau H.J.* The Concept of the Political. – London: Palgrave Macmillan, 2012.

Niebuhr 2013 – *Niebuhr R.* Moral Man and Immoral Society: A Study in Ethics and Politics. – Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2013.

Orend 2019 – *Orend B.* War and Political Theory. – Cambridge, UK; Medford, MA: Polity Press, 2019.

Schuett 2007 – *Schuett R.* Freudian Roots of Political Realism: The Importance of Sigmund Freud to Hans J. Morgenthau's Theory of International Power Politics // History of the Human Sciences. 2007. Vol. 20. No. 4. P. 53–78.

Vasquez 2002 – *Vasquez J.A.* Realism and the Study of Peace and War // Realism and Institutionalism in International Studies / ed. by M. Brecher, F.P. Harvey. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. P. 52–71.

Vasquez 2009 – *Vasquez J.A.* The War Puzzle Revisited. – New York: Cambridge University Press, 2009.

Waltz 2001 – *Waltz K.N.* Man, the State, and War: A Theoretical Analysis. – New York: Columbia University Press, 2001.

Waltz 2007 – *Waltz K.N.* Theory of International Politics. – Boston: McGraw-Hill, 2007.

Waltz 2012 – Waltz K.N. Why Iran Should Get the Bomb: Nuclear Balancing Would Mean Stability // Foreign Affairs. 2012. Vol. 91. No. 4. P. 2–5.

REFERENCES

Alekseyev V. (2019) The Myth of Nuclear Deterrence. *Russian International Affairs Council*. Retrieved from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/mif-yadernogo-sderzhivaniya> (in Russian).

Allison G. (2017) *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt.

Arbatov A. (2019) The Myth of Survival in Nuclear War. *Russian International Affairs Council*. Retrieved from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mif-vyzhivaniya-v-yadernoy-voynе> (in Russian).

Aron R. (2000) *Peace and War: A Theory of International Relations*. Moscow: NOTA BENE, 2000 (Russian translation).

Behr H. & Heath A. (2009) Misreading in IR Theory and Ideology Critique: Morgenthau, Waltz and Neo-Realism. *Review of International Studies*. Vol. 35, no. 2, pp. 327–349.

Belozerov V.K. (2018) Image of Future in Political Ideologies and State Strategies. In: Rastorguyev V.N. & Nikandrov A.V. (Eds) *The Choise of Long-term Strategy in the Context of Global Instability and Civilizational Heritage of Russia* (pp. 106–123). Moscow: Institut Naslediya (in Russian).

Bordachev T. (2020) The Enduring Truth of Realism. *Russia in Global Affairs*. Retrieved from <https://globalaffairs.ru/articles/dolgaya-pravota-realizma> (in Russian).

Brown C. (2007) “The Twilight of International?” Hans J. Morgenthau and Carl Schmitt on the End of the Jus Publicum Europaeum. In: Williams M. (Ed.) *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations* (pp. 42–61). Oxford: Oxford University Press.

Clausewitz C. (1998) *On War*. Moscow: Logos (Russian translation).

Coppieters B. & Fotion N. (Eds.) (2008) *Moral Constraints on War: Principles and Cases*. Lanham: Lexington Books.

Fenenko A. (2019) Is Nuclear Deterrence Effective? *Russian International Affairs Council*. Retrieved from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/effektivno-li-yadernoe-sderzhivanie/> (in Russian).

Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press.

Gilpin R. (1987) *War and Change in World Politics*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Hobson J.A. (1975) *Imperialism: A Study*. New York: Gordon Press.

Houweling H.W. & Siccama J.G. (1981) The Arms Race war Relationship: Why Serious Disputes Matter. *Arms Control*. Vol. 2, no. 2, pp. 157–97.

Khrustalev M.A. (2010) Methodology of System Research of World Politics. In: Bogaturov A.D. (Ed.) *Modern World Politics: Applied Analysis* (pp. 100–121). Moscow: Aspekt Press (in Russian).

Kokoshin A.A. (2013) *Military Dimension of Political and Strategic Issues of Russian State Security and International Security*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Krastev I. (2020) The First Seven Lessons of Global Coronavirus Crisis. *Russia in Global Affairs*. Retrieved from <https://globalaffairs.ru/articles/sem-urokov-koronakrizisa> (in Russian).

Kumankov A.D. (2015) Humanism as Casus Belli: Carl Schmitt's Critique of Just War Theory. *Russian Sociological Review*. Vol. 14, no. 4, pp. 77–91.

Lebow R.N. (1987) *Nuclear Crisis Management: A Dangerous Illusion*. Ithaca: Cornell University Press.

Lebow R.N. (2008) *A Cultural Theory of International Relations*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Lenin V.I. (1969) Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. In: Lenin V.I. *Complete Works* (Vol. 27). Moscow: Politizdat (in Russian).

Mearsheimer J. (2003) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, NY: Norton.

Morgenthau H.J. (1949) The Primacy of the National Interest. *The American Scholar*. Vol. 18, no. 2, pp. 207–212.

Morgenthau H.J. (1950) The Mainsprings of American Foreign Policy: The National Interest vs. Moral Abstractions. *American Political Science Review*. Vol. 44, no. 4, pp. 833–854.

Morgenthau H.J. (1962) Love and Power. *Commentary*. Vol. 33, no. 3, pp. 247–251.

Morgenthau H.J. (1974) *Scientific Man vs. Power Politics*. Chicago: University of Chicago Press.

Morgenthau H.J. (1997) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Singapore: McGraw-Hill.

Morgenthau H.J. (2012) *The Concept of the Political*. London: Palgrave Macmillan.

Niebuhr R. (2013) *Moral Man and Immoral Society: A Study in Ethics and Politics*. Louisville, KY: Westminster John Knox Press.

Orend B (2019) *War and Political Theory*. Medford, MA: Polity Press.

Schuett R. (2007) Freudian Roots of Political Realism: The Importance of Sigmund Freud to Hans J. Morgenthau's Theory of International Power Politics. *History of the Human Sciences*. Vol. 20, no. 4, pp. 53–78.

Schmitt K. (2016) *The Concept of the Political*. Saint Petersburg: Nauka (Russian translation).

Vasquez J.A. (2002) Realism and the Study of Peace and War. In: Brecher M. & Harvey P.F. (Eds.) *Realism and Institutionalism in International Studies* (pp. 52–71). Ann Arbor: University of Michigan Press.

Vasquez J.A. (2009) *The War Puzzle Revisited*. New York: Cambridge University Press.

Waltz K.N. (2001) *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. New York: Columbia University Press.

Waltz K.N. (2007) *Theory of International Politics*. Boston: McGraw-Hill.

Waltz K.N. (2012) Why Iran Should Get the Bomb: Nuclear Balancing Would Mean Stability. *Foreign Affairs*. Vol. 91, no. 4, pp. 2–5.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-128-144

Original research paper

Оригинальная исследовательская статья

Risk Distribution between UN Peacekeepers and Local Civilians: An Ethical Analysis

M. Dewyn

Royal Military Academy, Brussels, Belgium

Abstract

Since the beginning of UN peace operations, there has been discussion as to exactly how they should be carried out. Thus far, a just theory of UN peacekeeping operations has not yet been formed, in the way a Theory of Just War for waging war or a theory of police ethics for law enforcement in a peace context had been formed. The article discusses what a justified risk distribution between UN peacekeepers and local civilians should be. One of the points of criticism of UN peacekeeping missions is the lack of protection of the local population in the course of an escalating situation. Familiar examples are the traumas of Rwanda (1994) and Srebrenica (1995). Discussing differences between UN peacekeeping missions, warfare, and law enforcement, it appears that peacekeepers have more in common with law enforcers than with combatants during wartime. Through the method of analogy and by applying some typically military ethics principles, the moral status of the UN peacekeepers is analyzed. Finally, a risk distribution analysis between UN peacekeepers and the local population is carried out, by offering a concise overview by philosophers of arguments for and against taking fewer risks by peacekeepers. The analysis reveals important deontological and consequentialist arguments. Taking also into consideration that transferring more risk to the peacekeeping troops alone does not mandatory lead to less exposure to risk of the vulnerable and innocent local civilians, it can be concluded that a more practical, virtuous, responsible risk calculation will be necessary at that point to find the best risk distribution.

Keywords: military ethics, UN peacekeeping operations, Just War Theory, police ethics, law enforcement, individualism, collectivism, moral equality of combatants.

Michaël Dewyn – Ph.D. in Philosophy and Moral Sciences, Assistant Professor of Military Ethics, Department of Philosophy, Royal Military Academy of Belgium.

michael.dewyn@mil.be

<https://orcid.org/0000-0003-4212-0425>

For citation: Dewyn M (2020) Risk Distribution between UN Peacekeepers and Local Civilians: An Ethical Analysis. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 63, no. 11, pp. 128–144. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-128-144

Распределение рисков между миротворцами ООН и гражданским населением: этический анализ

М. Девейн

Королевская военная академия, Брюссель, Бельгия

Аннотация

С самого начала проведения миротворческих операций под эгидой ООН ведутся дискуссии о этических принципах поведения миротворцев. Пока еще не сформулирована «теория справедливых миротворческих операций», подобно тому, как имеется развитая теория справедливой войны, определяющая поведения на войне, или теория полицейской этики, которой руководствуются правоохранители в мирное время. В статье обсуждается, каким должно быть обоснованное распределение рисков между миротворцами ООН и местным мирным населением, т.е. в какой мере миротворцы должны рисковать собой для того, чтобы снизить риски для мирных жителей. Одним из объектов критики миротворческих миссий ООН является незащищенность местного населения в случае обострения ситуации. Известные примеры, когда миротворцы не защитили местных жителей, – трагедии в Руанде (1994) и Сребренице (1995). Обсуждая различия между миротворческими миссиями ООН, войной и правоохранительными органами, выясняется, что у миротворцев больше общего с правоохранительными органами, чем с комбатантами во время войны. По принципу аналогии и на основе базовых принципов военной этики анализируется моральный статус миротворцев ООН. Наконец, проводится анализ приводимых философами аргументов за и против того, чтобы миротворцы ООН в меньшей степени рисковали собой ради защиты местного населения. Анализ выявляет важные деонтологические и консеквенциалистские аргументы. Следует также принимать во внимание также то, что взятие на себе дополнительных рисков миротворческими войсками необязательно приводит к снижению подверженности риску уязвимых и ни в чем не повинных местных гражданских лиц. Делается вывод, что для оптимального решения конфликта интересов миротворцев и мирных жителей необходим более ответственный, реалистичный и практичный анализ самих этих рисков.

Ключевые слова: военная этика, миротворческие операции ООН, теория справедливой войны, полицейская этика, правоохранительная деятельность, индивидуализм, коллективизм, моральное равенство воюющих сторон.

Девейн Михаэл – доктор философии и моральных наук, доцент военной этики кафедры философии Королевской военной академии Бельгии.

michael.dewyn@mil.be

<https://orcid.org/0000-0003-4212-0425>

Для цитирования: Девейн М. Распределение рисков между миротворцами ООН и гражданским населением: этический анализ // Философские науки. 2020. Т. 63. № 11. С. 128–144.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-128-144

Introduction

If a person sees another person who needs help, for example somebody who is drowning in a lake, they must help that person. It is not an unconditional principle; the bystander must do what they can, without putting themselves in danger. The risks they have to take are limited. This article deals with taking limited risks¹, as applied to UN peacekeeping missions. In 2015, the United Nations (UN) published a critical report about their UN peacekeeping missions: the *High-level Independent Panel on UN Peace Operations (HIPPO) Report* [United Nations 2015]. It was the first significant review of UN peace operations since the 2000 Brahimi Report². One of the points of criticism in this report is the lack of protection of the local population in the course of an escalating situation during peacekeeping missions. Familiar examples are the traumas of Rwanda (1994) and Srebrenica (1995). Escalations in violence ended in genocides after the withdrawal of the UN troops. Even in the 21st century, the same protection issues continue to exist. For example, more than 180 people were killed near a MONUC³ camp in Kisangani in 2002 because UN forces failed to protect them [Nsia-Pepira 2017]. The same problem occurred in Darfur, in South-Sudan, in 2016, where hundreds of civilians were killed, even though UN troops were present [Amnesty International 2016].

Since the beginning of UN peace operations, there has been discussion as to exactly how they should be carried out: from a few

¹ Risk here means physical risk: the risk to get wounded or to die.

² Lakhdar Brahimi is an Algerian politician that published in 2000 the “Report of the Panel on United Nations Peace Operations” about the failure of these missions.

³ United Nations Organization Mission in Democratic Republic of the Congo (Mission de l’Organisation des Nations Unies en République Démocratique du Congo). This was a peacekeeping mission of the UN in Congo between 1999 and 2010.

passive missions during the Cold War because of vetos in the UN Security Council, to more frequent missions with proactive use of force after the Cold War, often waged in complex circumstances, and in the vicinity of civilians [Blocq 2005, 203]. Although UN peace missions have existed since the creation of the United Nations in 1945, a just theory of UN peacekeeping operations has not yet been formed, in the way a theory of Just War for waging war, or a theory of police ethics for law enforcement in a peace context have been formed. However, the need for a UN peacekeeping philosophy is expressed in the specialized literature. For instance, Daniel S. Blocq states: “The article explains the fog of UN peacekeeping by showing how traditional guidelines fail to provide ethical direction in current peacekeeping operations” [Blocq 2005, 201]. Blocq calls this an ethical vacuum. Tony Pfaff states: “Just War Theorists, as well as those who rely on the Just War Tradition to form policy and law, must work to extend it to peacekeeping operations. It is not enough simply to declare the mission as peacekeeping and then conclude the police ethic applies” [Pfaff 2000, 21]. He pleads for more consideration of the ethical aspects of UN peacekeeping missions.

In the 2015 report, the UN responded by stating: “Wherever United Nations peace operations are deployed with a protection of civilians’ mandate, they must do everything in their power to protect civilians under threat” [United Nations 2015, 36]. What does “do everything in their power” mean in concrete terms? This article is a normative-ethical research that helps to fill the ethical vacuum by answering the following research question: what would be a just distribution of risk between the UN peacekeepers and the local population during an escalating situation?⁴

The main scientific methodology used in this article is analogy. Firstly, some differences between UN peacekeeping missions, warfare, and law enforcement are discussed based on certain characteristics. Next, through the method of analogy and by applying some typically military ethics principles, the moral status of the UN peacekeepers is analyzed⁵. This chapter shows that there is a closer link between law enforcement and peacekeeping, than between peacekeeping and

⁴ The concept of Responsibility to Protect (R2P), developed in 2005, is not discussed in this article.

⁵ For more information about the judicial status of the UN peacekeeper, which is not discussed in this article, see for example: [Fleck 2013].

warfare. With the insights of the first part, a risk distribution analysis between UN peacekeepers and local population is carried out, by offering a concise overview by philosophers of arguments for and against taking of these risks.

A comparison between UN peacekeeping missions, war, and law enforcement, and the consequences for the moral status of UN peacekeepers

A comparison between UN peacekeeping missions, war, and law enforcement

The main objective of UN peacekeeping operations is to contribute significantly to a sustainable peace context. For the UN troops themselves, there is no vital interest at stake. The mission often takes place in a country far away, where the UN will be the impartial party between the host state and various local groups and organizations; they do not take a side. No vital interests are at stake for the UN troops⁶. On the contrary, during traditional warfare, such as a typical offensive or defensive, vital core interests are at stake where the warring parties are partial. The main objective of warfare is to win the battle and weaken the clearly defined enemy, to push them back and sometimes even to defeat them⁷. [Tucker 1998, 3–5] This is one difference between the two. Another one is that in war, consent is less important for the military commander [SEEBRIG Handbook PSO 2000]. In UN peacekeeping operations however, it is essential. The consent of all parties to having the UN troops present is one of the main principles. Another principle of UN peacekeeping operations is the minimum use of force. Diplomacy, dialogue, and negotiations are the main methods used in peacekeeping operations. For example, according to Kofi Nsia-Pepira, in the DRC during MONUSCO⁸, the loss of M23, a rebellion group, happened thanks to the diplomatic pressure of the

⁶ This does not mean that no interests at all are at stake, like for example more power in the region.

⁷ On the other hand, according to Just War Theory, the overall aim of warfare should be international peace. Last couple of years *jus post bellum* has been developed. Here, the theory speculates about the post-war period and principles applicable to it. For more information, see, for example: [Orend 2007].

⁸ Mission de l'Organisation des Nations Unies pour la stabilisation en République démocratique du Congo: this peacekeeping mission was the successor of MONUC in 2010 in the DRC.

United States, and not because of military force. International pressure led to the withdrawal of Ugandan and Rwandan troops and support of the rebellions. Moreover, partnerships between the UN troops and discredited host states guilty of civilian killings and other human rights abusers can lead to more attacks against the troops and the civilians [Nsia-Pepira 2017]. In war, *jus in bello* principles⁹ are applied: the principles of discrimination¹⁰ and proportionality¹¹. Instantaneously, a military commander will calculate how to use a maximum of force within the limits of these principles, instead of a minimum use of force [Pfaff 2000, 1–2]. This is a third difference. Another difference is the environment. Peace operations can only take place in the right environment. Three environments can be distinguished: permissive, insecure, and hostile. In a permissive environment, the national local authorities support the operation and have full control of the territory. In an insecure environment, the national authorities do not completely control the situation, but at least they are not hostile toward the troops. In a hostile environment, the national authorities oppose the UN troops. Because consent is one of the principles of peacekeeping, UN troops can only act in a permissive or an insecure environment. A hostile environment is more compatible with warfare.

Peacekeeping can also be compared to law enforcement. The police try to have people respect the law. Just like peacekeepers, they maintain or “keep” the law and order, but not the peace in the state. Indeed, one difference between the two is the scale. In a peacekeeping mission, the escalated situation can end in a genocide. In a stable state, the scale is much smaller: a person or an organized gang behaving criminally. Peacekeepers are deployed when the complete state system is in danger. When a state’s police force can no longer handle the situation, peacekeepers may be asked to intervene. Another difference is that peacekeepers protect people not of their community – foreigners¹², while law enforcers maintain the law of their own people. However, we see more similarities than differences. The police is impartial as are

⁹ The principles that concern the conduct in war.

¹⁰ Once soldiers put on their uniforms, they can be attacked at any time by the other party. Unlike soldiers, innocent civilians have done nothing wrong to deserve losing their right to not be attacked.

¹¹ This principle weighs the expected military gain of a particular action against the collateral damage and injuries that are expected from the act.

¹² Except of foreigners in the state.

peacekeepers, in the sense that they do not choose a side and they apply universal principles. Just as peacekeepers, the police will try to come to an agreement between the various parties. The principle of minimum use of force is also applicable to law enforcement, and applied even more strictly. For example, collateral damage during law enforcement is not morally accepted, except in exceptional circumstances. Take for example the Bataclan, the concert hall targeted during the Paris Attacks of November 2015, people were killed by the terrorists quickly and at random; the longer the police had waited, the more people would have died. However, if collateral damage does occur, there will be a thorough investigation. Alternatives to using force are always analyzed first. Even the principle of consent is applicable during law enforcement: actually, people accept the presence of the police in exchange for a secure environment, and even the criminals accepted this; indeed, for a long time, they enjoyed the advantages of the stable state. A last similarity is that neither peacekeeping nor law enforcement are about vital interests for the state¹³. Peacekeeping missions are carried out in countries far away, law enforcement is indeed applicable to the state's own people but there is little use of violence and there are no consequences for the system as a whole.

*The implications of the comparison and of other ethical principles
on the moral status of UN peacekeepers*

Pfaff states that the Just War Theory cannot be applied to peacekeeping operations just like that, even though peacekeepers are also militaries in uniform, and are allowed to use force. On the other hand, he states that police ethics or law enforcement ethics cannot simply be applied to UN peacekeeping missions without consideration [Pfaff 2000, 21]. We noticed more similarities between UN peacekeeping and law enforcement, than between UN peacekeeping and warfare. Does that mean that the moral status of peacekeepers might be closer to that of law enforcement? Let us first, before drawing any conclusions, look at some ethical principles. According to the Just War Theory, combatants are linked to the following principles: moral equality of combatants, collectivism, and the principle that during war, non-imminent threats may always be attacked. On the other hand, law enforcers are linked to

¹³ Law enforcement as a whole can be vital, but here a single law enforcement action is meant.

principles such as moral inequality between the police officer and the criminal, individualism, and the principle that non-imminent threats may never be attacked.

Michael Walzer, proponent of the Just War Theory, believes that all the combatants, regardless of whether the war their country started is just or unjust, should be treated morally equal, that they should be given the same rights and responsibilities, once the hostilities have started¹⁴ [Walzer 1977, 37–38]. The purpose of this principle is to convince the unjust party to respect the *jus in bello* principles of discrimination, proportionality, and military necessity¹⁵. Even if the reason for waging war is unjust, the unjust party can limit its negative consequences by adhering to these principles. Even though the research question is about the intentional attacking of innocent people, which is always an unjust method, it is possible that the party was encouraged for a long time to use just methods. However, this does not mean that the attacking group should be given the same rights as the UN peacekeepers. The setting is not about two states fighting a war because of opportunistic or vital interests. The purpose of the mission is to keep the peace. It resembles more the work of a police officer, in that it is also maintaining the law, and neutralizing a criminal who breaches that law. Such a situation is accompanied by a moral inequality. Because of the unjust criminal action, the criminal loses some of his rights. He may not attack the police officer. On the other hand, the criminal retains some of his rights: he cannot be killed just like that and he is presumed to be innocent unless the opposite is proven [Pfaff 2000, 13]. Local groups intentionally attacking local civilians or peacekeepers should be treated as criminals. The local group should not lose all its rights either.

One of the existing explanations for the use of deadly violence during wartime is the collectivist interpretation, which states that a soldier may be killed because of the threat posed by their country [Walzer 1977, 36]. However, according to Jeff McMahan, everybody should be treated individualistically and the various parties should be treated according to the justness, or not, of their cause, so morally unequal [McMahan 2004, 733]. The criterion to individualize must be moral responsibility for a contribution to the unjust war. Since these local groups can be considered more as criminals than as combatants, with the basic right of being

¹⁴ This is also called the symmetry position.

¹⁵ The principle that everything in war that contributes to the military victory, is military necessary.

presumed innocent until proven guilty, individualism seems the most logical choice here: person after person should be investigated. However, as mentioned before, one difference between law enforcement and peacekeeping missions is the scale. It does not concern one criminal or an organized gang, but these escalations can lead to a genocide, committed by significant local groups. In an escalated situation, it is impossible to distinguish people anymore. This epistemological argument comes out on the side of collectivism. This is similar to the police: except that when there are no other options, during a hostage situation for example, it will not be possible to consider cases individually. However, the starting point should be individualism, and the peacekeepers should always do their best to analyze each person separately. Indeed, the delicate peace process demands such a careful approach. Again, this does not mean that these persons can be killed just like that; the principle of minimum use of violence in peacekeeping operations is still applicable; if possible, reasonable alternatives such as detention must be found to neutralize the threatening groups. But again, in an escalating situation, killing will often be the only option.

Walzer's first principle of the war convention, which includes principles for conducting warfare, states that during wartime, once the hostilities have begun, soldiers and in some exceptional cases civilians may be killed at any time, no matter whether the threat is imminent or non-imminent [Walzer 1977, 138]. They lose their right not to be attacked once the war has started. In peacetime, this is not the case. Killing someone who is a non-imminent threat will never be permitted. Besides, killing will only be the last option. This principle is applied to peacekeeping operations, but the crucial question is "What difference does the scale factor make here?" A person about to attack someone is non-imminent, but what about the case of a large group heading towards hundreds of innocent civilians? A group is generally harder to stop than a few people, especially when your military capacities are limited. The police in a stable country can easily ask for reinforcements, but UN troops cannot be reinforced as simply. Good intelligence can help to solve the problem: if you are sure that this group will attack the innocent civilians and you have clear proof of that, you can try to arrest these people preventively. Generally, there is more chance of obtaining information about a group, which consists of many people communicating with each other, than about a lone wolf interacting with nobody. Proof is necessary not only to counter lies and manipulations

on the part of opponents in the delicate peace process, but also to prevent abuse of the UN troops themselves.

Overview of ethical risk distribution arguments between UN peacekeepers and the protected local civilians

Arguments in favor of fewer risks for the UN peacekeepers

Risk paradox. The previous analysis shows that the moral status of UN peacekeepers is closer to that of law enforcers than to that of combatants, based not only on differences shown after comparison, but also after applying three principles of military ethics. Despite the moral inequality principle, law enforcers and UN peacekeepers have to take many risks during their activities because of the individualism approach and the fact that they have to wait until the threat becomes imminent. This requires a precise evaluation, giving added risks. During an escalation situation, the application of the principles becomes vaguer but the starting point remains, as stated, individualism. Compare this to a hostage situation. The police have to try and arrest the hostage-takers. There might be negotiations, but they will not always end the hostage. The police have to take a certain risk. On the other hand, while combatants have lost their right not to be attacked in a war, law enforcers should not have to feel relief when they come home having survived another day. A policeman is supposed to help other people and to solve problems, not to risk his life. This is a paradox. That is one of the reasons why hostage situations are best avoided: they involve too many risks for the police officers. The same applies to the UN peacekeeper. You could reduce these risks by supplementing the capacities needed in a peacekeeping mission and providing proper training. However, this is not always realistic [Yun 2015]. The risk paradox pleads for fewer risks for UN peacekeepers, since the demands made of them are already very high.

The doctrine of double intention. A doctrine of risk distribution in warfare is the doctrine of double effect (DDE): it is sometimes permissible for a negative effect to occur as a side effect of trying to do something positive (hence there is a “double effect”). Although an intentional attack on innocent people is always forbidden, collateral damage can be caused while neutralizing a target. Such a killing is non-intentional but foreseen; foreseen means that you should not intend

to kill innocent civilians, but there is a probability that it will happen. If, for example, you bomb a factory, then you know that innocent civilians will probably die. In this respect, four conditions need to be met: “(1) The act must be good in itself or at least neutral, which means, for our purposes, that it is a legitimate act of war; (2) Its direct effects must be morally acceptable (e.g., the destruction of military supplies or killing of enemy soldiers); (3) The intention of the actor must be good, meaning that his aim is to achieve the acceptable effect, while not employing any evil effects as means to this end; (4) The good effect must be sufficiently good enough in order to compensate for permitting the evil effect to occur” [Walzer 1977, 153]. Or, in other words, the collateral damage must be proportionate to the military necessity. However, these are not the only conditions that should be met. One important point for the problem in this article is that Walzer also states that it is very important that a double intention is guaranteed: besides the 4 conditions, one must be sure that the losses are kept to a minimum, even when this results in your own troops being at more risk. However, this condition remains rather vague. He sets the limit to no longer being able to execute the mission. This does not necessarily mean that no soldiers will die.

Let us apply this in a peacekeeping context. We may not expect of the policemen or the UN peacekeepers that they have to take too many risks. One consequence of this is that less risks should be taken than in the DDE case. The two limits are: taking no risks at all and taking risks up to the point at which your own mission becomes endangered. Unlimited taking of your own risks is excluded. Is it morally acceptable that risks should be taken until the life of just one UN peacekeeper is in danger, which would be a narrower point of view than Walzer's? Mari Katayanagi states: “It would be meaningful to codify the principle that peacekeepers should do their best to protect human rights without risking their own life” [Katayanagi 2002, 253]. If the analogy between a policeman and a peacekeeper is sufficiently unadulterated, we would agree with this point of view, which is definitely a plea for taking fewer risks.

Priority list. However, does the profession of law enforcer or UN peacekeeper not presuppose that they should die in the place of an innocent civilian, if a choice really has to be made? Asa Kasher and Amos Yadlin, who write philosophical articles about the Israeli Defense Force and their fight against terrorist groups, work with a so-called

priority list: the state has the duty to first protect its own civilians, including the combatants, and in the second place, foreign civilians. According to them, civilians have special obligations to fellow civilians that they do not have to others [Kasher & Yadlin 2005, 17]. Applied to peacekeeping, this means that less risks should be taken by the UN troops toward the innocent foreign civilians. Ray Murphy, too, states that: “If a force cannot intervene directly without exposing troops to significant danger, then the duty of a commander must first be to the safety of his or her personnel” [Murphy 2003]. However, this does not mean that no risks at all should be taken.

Jeff McMahan's arguments. According to McMahan, if individualism applies rather than collectivism, this implies that civilians also are affected if they contribute to an unjust war, by being more exposed to risks for example [McMahan 2004, 725–726]. This point of view differs from Walzer's, who defends a strict separation between combatants and non-combatants (the traditional discrimination principle). However, during the escalated situation in a peacekeeping operation, the protected innocent civilians are not responsible for a contribution to an unjust war. Thus, this argument does not plead for civilians to be exposed to more risks. However, McMahan presents another argument which does transfer more risks to the protected civilians: “combatant beneficiaries.” Because the innocent civilians benefit from the protection of the combatants, they should be exposed to some of the risks too, as long as the protection produces more positive than negative consequences, compared to no protection [McMahan 2010, 359–360]. Imagine helping an arbitrary person in the street. In such situation, you will not be taking any significant risks either. The person should in fact be happy that they are receiving help. If someone is drowning, you should not drown trying to save them; only a calculated risk is morally obligated. The difference with this research case is that the UN have chosen to be there, you just happen to be walking alone in the streets. There is a kind of contract between the UN and the local population. Another problem with this argument is that it is rather vague: risks should be taken, but the question is “How many?”

Reluctance to contribute to UN missions. Another argument that pleads for taking fewer risks is that countries are reluctant to send troops if too many risks have to be taken [Yun 2015]. States fear casualties and public opinion will put pressure on ceasing participation.

Besides, there is already some reluctance since these missions are not about vital interests; they are fights against non-existential threats [Nsia-Peptra 2017]. In these “zero casualty warfare” times, this is less obvious. However, we do not believe this is a valuable argument; only by sending enough capacity, you can limit the risks and still do meaningful things like protect local civilians.

Arguments against fewer risks for UN peacekeepers

No difference between their own and the protected foreign population.

UN peacekeepers protect foreign civilians. In war, it depends on whether the war is waged on its territory or not. In law enforcement, it concerns the domestic people. According to David Luban, in the context of collateral damage, it does not matter whether it concerns the domestic civilians or not, because it is about a “universal, not a special, obligation” [Luban 2011, 13]. Luban’s point of view is that military and civil lives all have equal value. He speaks of “risk egalitarianism.” Even when in certain cases it might be morally permitted to transfer risk to others, it is not morally permitted to transfer significant risks to others which for you are lesser risks, because then you are considering yourself to be more valuable than others. Luban assumes that the risks troops take in the battle space are always smaller than those of civilians, because soldiers are better equipped to safeguard themselves, with either of the chosen tactics [Luban 2011, 19]. Luban believes in a “minimally acceptable care soldiers owe to their own civilians,” and since everybody has equal value, this also counts for civilians other than yours. You are permitted to take more risks for your own civilians, but the minimum counts for both. Luban also presents a potential argument for shifting risk from combatants to non-combatants, namely: when this is necessary in a military sense. However, this is not a good argument, “because this way of thinking involves illegitimate double counting of the soldier’s value, coupled with a refusal to double count the value of anyone else” [Luban 2011, 13]. Applied to the case in which there is no reason to think that an equal risk distribution should not be applicable, this means that the protection duty counts as much for the local population as for your own population, and that risks cannot be transferred from the peacekeepers to the civilians [Luban 2011, 42]. Besides, during peacekeeping missions, the objective is the protection of the civilians, and if you do not fulfill that, it cannot go together with this purpose. If you allow this genocide to happen, then you lose all

credibility for the rest of the mission. In this kind of missions, there is no other advantage possible than protecting the civilians.

Sara Van Goozen also studied the issue of risk distribution in war. She analyzed whether “special kinds of relationships” exist, as claimed by Kasher and Yadlin, which allow us to give them an advantage over others against whom there are no such special obligations. Think of the relationship parent-child, or employer-employee. In particular, she focuses on “associative duties” for compatriots against each other, and combatants against each other. She distinguishes between intrinsic and instrumental relationships. The relationship is intrinsic if it is valuable on its own rather than being just a tool that helps us achieve some other valuable end. She states that at best, for many, the relationship between compatriots will be instrumental: it is impossible to have an intrinsic connection with everyone of that state. Nor can the relationship between combatants be called intrinsic. Their relationship is based solely on surviving and many do not know each other (for example, air support for the infantry). The argument is not without critics. There are opposing opinions about these kinds of relationships; some perceive them as more valuable: combatants can become like brothers after many years of training together [Van Goozen 2018, 6–15].

A consequentialist perspective. From a consequentialist perspective, you could ask whether the point of view of fewer risks is justified when many local civilians are threatened with death. It might not be the responsibility of the UN, but rather the responsibility of the host state. But if the host state does not intervene, will you then in principal defend the fewer risks principle? Suppose that 1,000 people will die, would you not increase the risks for your own troops then? Ray Murphy states that: “But this will not relieve them of responsibility to take some action, as protest on the ground and later through higher channels can have effects. This is the kernel of the dilemma. Will commanders hide behind the cloak of preserving force security to excuse a failure to protect?” [Murphy 2003]. If you are there for keeping the peace for the local population, and that peace and even the lives of the people are threatened, then it is not morally acceptable to look away. This does not mean that every UN peacekeeper should risk his life. Again, his moral status lies close to that of a policeman, who we do not expect to expose themselves to much risk. However, at the least, a balancing act should be made because of the potential horror scenario. Indeed, a lack of intervention could lead to a genocide.

Conclusion

What would be a fair distribution of risk between UN peacekeepers and local population during an escalation? We have discussed arguments in favor of and against UN peacekeepers taking fewer risks. After a comparison and an application of principles, it appeared that peacekeepers have more in common with law enforcers than with combatants during wartime. A number of elements were subsequently reviewed. In the end, the following dilemma or field of tension occurs. We may not expect of either a UN peacekeeper or a law enforcer that they should have to take many risks. UN peacekeepers are not there for themselves; they are impartial, they have a worthy purpose and they are not defending their own people. On the other hand, the principal difference discussed in this paper between UN peacekeeping missions and law enforcement appeared to be the scale; a UN peacekeeping operation could end in an absolute horror scenario: a genocide. At a certain point, when defending the principle of fewer risk for peacekeepers from a 100 % deontological view, many people will die. At a certain point, doing nothing will no longer be an option. A more practical, virtuous, responsible risk calculation will be necessary at that point to resolve the tensions between the consequentialist and deontological approaches. We cannot expect unlimited risks to be taken, but, on the other hand, not intervening because one peacekeeper would die, is not an option either. On the other hand, Walzer's "taking risks until the mission is in danger," is too dangerous; this would imply many dead peacekeepers.

The balancing act of distributing risk is a difficult one to achieve. Just as in the case of hostages during peacetime, this kind of escalating situation should be avoided at all cost; after all, there is no winner in the end. Lastly, we wish to add that transferring more risk to the peacekeeping troops alone will not lead to less exposure to risk of the vulnerable and innocent local civilians. Risk transfers are only one of the dimensions during a peacekeeping operation. Responsible and virtuous behavior should be present on at least two other levels. Firstly, a maximum of effort should be made in the domain of diplomacy and dialogue with the host state, with as many local parties and organizations possible. Secondly, intelligence is very important in ascertaining the true intentions of local groups. Intelligence can also help to anticipate attacks and prevent escalating tensions between groups, which is essential in this fragile political

context. Further research is necessary in this domain, by analyzing in greater detail the various arguments for and against transfer of risks.

REFERENCES

Amnesty International. (2016) *Sudan: Credible Evidence of the Use of Chemical Weapons to Kill and Maim Hundreds of Civilians Including Children in Darfur Revealed*. Retrieved from <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2016/09/sudan-credible-evidence-chemical-weapons-darfur-revealed/>

Blocq D.S. (2006) The Fog of UN Peacekeeping: Ethical Issues Regarding the Use of Force to Protect Civilians in UN Operations. *Journal of Military Ethics*. Vol. 5, no. 3, pp. 201–213.

Fleck D. (2013) The Legal Status of Personnel Involved in United Nations Peace Operations. *International Review of the Red Cross*. Vol. 95, no. 891/892, pp. 613–636.

Kasher A. & Yadlin A. (2005) Military Ethics of Fighting Terror: An Israeli Perspective. *Journal of Military Ethics*. Vol. 4, no. 1, pp. 3–32.

Katayanagi M. (2002) *Human Rights Functions of United Nations Peacekeeping Operations*. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers.

Luban D. (2011) Risk Taking and Force Protection. *Georgetown Public Law Research Paper*. No. 11–72.

McMahan J. (2004) The Ethics of Killing in War. *Ethics*. Vol. 114, no. 4, pp. 693–733.

McMahan J. (2010) The Just Distribution of Harm between Combatants and Noncombatants. *Philosophy & Public Affairs*. Vol. 38, no. 4, pp. 342–379.

Murphy R. (2003) United Nations Military Operations and International Humanitarian Law: What Rules Apply to Peacekeepers? *Criminal Law Forum*. Vol. 14, no. 2, pp. 153–194.

Nsia-Pepira K. (2017) Moral Obligation: UN Missions Should Not Abandon Vulnerable Civilians in Critical Times. *Global Peace Operations Review*. Retrieved from <https://peaceoperationsreview.org/thematic-essays/moral-obligation-un-missions-should-not-abandon-vulnerable-civilians-in-critical-times/>

Orend B. (2007) *Jus Post Bellum*: The Perspective of a Just-War Theorist. *Leiden Journal of International Law*. Vol. 20, no. 3, pp. 571–591.

Pfaff T. (2000) *Peacekeeping and the Just War Tradition*. Carlisle, PA: Strategic Studies Institute.

SEEBRIG *Handbook for Peace Support Operations* (Part 2) (2000). Retrieved from http://www.seebrig.org/publications/info-booklet/doc_download/49-pso-handbook-2.html

Tucker K.K. (1998) *Assessing The Prospects and Limitations of Military Operations Other Than War* (research report). Alabama: Maxwell Air Force Base.

United Nations. (2015) *High-level Independent Panel on UN Peace Operations (HIPPO) report*. A/70/95–S/2015/446. Retrieved from https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2015/446

Van Goozen S. (2018) Harming Civilians and the Associative Duties of Soldiers. *Journal of Applied Philosophy*. Vol. 35, no. 3, pp. 584–600.

Walzer M. (1977) *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. New York: Basic Books.

Yun S.Y. (2015) The Imbalance In Countries Contributing UN Peace-keeping Troops. *Stimson*. Retrieved from <https://www.stimson.org/2015/imbalance-countries-contributing-un-peacekeeping-troops/>

Military Ethics Education and the Changing Nature of Warfare

B. Višekruna

University of Belgrade, Belgrade, Serbia

D. Stanar

Union – Nikola Tesla University, Belgrade, Serbia

Abstract

This article analyzes two traditional approaches to teaching military ethics, aspirational and functionalist approach, in light of the existing technological development in the military. Introduction of new technological solutions to waging warfare that involve dehumanization, such as unmanned aerial vehicles, as well as employment of different technological tools to enhance humans participating in war and to improve military efficiency (such as built-in AI algorithms), not only bring to the surfaces the obviously existing weakness and inadequacies of the two traditional approaches to military ethics education, which have been rendered suboptimal, but also raise new challenges. The paper argues that teaching military ethics solely from the two perspective does not meet the demands of the upcoming (perhaps even already ongoing) military technological revolution and that the future will demand a more profound and conceptual moral education of military personnel that will reassess the role of martial virtues, increase responsibility for killing in war (making war more “real” and riskless killing more “difficult”) and result in military professionals that resemble “a Renaissance man” in their philosophical outlook. Only by ensuring that all military professionals (in particular high-ranking officers) have been properly and adequately ethically educated, future armies, as well as entire societies, can actively aspire toward optimal armed forces structure, a more professional and efficient approach to military profession, and ultimately better and more responsible military personnel in total.

Keywords: military ethics, military ethics education, military *ethos*, virtue ethics, technology, unmanned military systems, dehumanization of warfare.

Bojana Višekruna (maiden **Simeunovic**) – Ph.D. Candidate, Research Assistant, Institute for Philosophy, Faculty of Philosophy, University of Belgrade.
bojanasimeunovic5@gmail.com

Dragan Stanar – Ph.D., Associate Professor, Faculty of International Politics and Security, Union – Nikola Tesla University.
draganstanar@yahoo.com

For citation: Višekruna B. & Stanar D. (2020) Military Ethics Education and the Changing Nature of Warfare. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 63, no. 11, pp. 145–157.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-145-157

Образование в сфере военной этики и изменение характера войн

Б. Вишекруна

Белградский университет, Белград, Сербия

Д. Станар

Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия

Аннотация

В настоящей статье два подхода к преподаванию военной этики – мотивирующий и функциональный – рассматриваются с учетом тенденций изменения методов ведения боевых действий. Внедрение автоматизирующих технических решений при ведении военных действий – например, использование беспилотных летательных аппаратов, – равно как и использование разнообразных технических средств, позволяющих повысить эффективность человека в ходе военных действий и общую эффективность военных действий (например, встроенные алгоритмы ИИ), показывают очевидную слабость и несоответствие двух традиционных подходов к преподаванию военной этики, признанных малоэффективными, и создают новые сложности. В статье утверждается, что преподавание военной этики исключительно с применением двух подходов не соответствует требованиям грядущей (или, возможно, уже происходящей) технологической революции в военном деле, а также тот факт, что в будущем потребуются более глубокое на понятийном уровне образование военнослужащих, которое позволит переоценить роль моральных принципов военных, повысит ответственность за убийство в ходе военных действий (что делает войну более «реалистичной», а убийство без риска – более «трудным»). Такое образование позволит сформировать у военнослужащих систему философских взглядов, близкую к «человеку эпохи Возрождения». Только за счет обеспечения надлежащего образования в области военной этики для всех военнослужащих (в частности, для старших офицеров) армии будущего и целые общества смогут направить усилия на формирование оптимальных структур вооруженных сил, реализовать более профессиональный и эффективный подход к военной деятельности и, в конечном итоге, добиться лучшего уровня подготовки и большей ответственности военнослужащих.

Ключевые слова: военная этика, преподавание военной этики, воинский этос, этика добродетели, технологии, автоматические боевые системы, обезличивание военных действий.

Вишекруна (Сименович) Бояна – соискатель степени кандидата философских наук, научный сотрудник Института философии при философском факультете Белградского университета.
bojanasimeunovic5@gmail.com

Станар Драган – кандидат философских наук, доцент, факультет международной политики и безопасности Университета «Унион – Никола Тесла».
draganstanar@yahoo.com

Для цитирования: Вишекруна Б., Станар Д. Образование в сфере военной этики и изменения характера войн // Философские науки. 2020. Т. 63. № 11. С. 145–157. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-145-157

Introduction

At the Defense One Tech Summit in July 2017, Drew Cukor, Chief of the Algorithmic Warfare Cross-Function Team within the Office of the Undersecretary of Defense for Intelligence, announced the US military's dedication to integrate sophisticated AI technology into the existing weaponry system in order to increase its effectiveness and precision. The idea behind this AI research, also referred to as Project Maven, has been to develop the technology that would be integrated into drone systems and would provide automatic object recognition in surveillance videos. In that sense, an algorithm would correct for human error by increasing the preciseness of drone surveillance and reducing the time spent on reviewing collected video materials, essentially helping acquire accurate intelligence on the enemy's whereabouts in war zone areas. With the help of this kind of technology, as Cukor pointed, "one analyst will be able to do twice as much work, potentially three times as much, as they're doing now"; and the AI is there to complement, not replace the human operator [Pellerin, internet].

Despite its evident positive implications, technological advancement in the war industry brings to attention a number of ethical issues. We have seen that technology much less sophisticated than AI has already altered common moral dilemmas tied to the context of war and warfare. For example, with sophisticated unmanned aerial vehicles (UAVs), weapons are programmed and targets are selected by the staff on the ground, and weapons, once released, are largely autonomous [Cook 2009, 109]. The judgment of discrimination and proportionality is now partly embedded in the systems and is not solely a product of individual moral choices. This form of technology is certainly more accurate in targeting than fighter-pilots have ever been. It allows

for the set of coordinates to be bombed with a small and managed blast effect, with limited collateral damage to both civilians and infrastructure. However, it has put pilots as those who launch weapons in an asymmetrical position, behind the controlling bars, at no risk of losing their lives whatever action they take¹. This change in context resulted in the change of pilots' roles and, hence, in the change of their moral status, challenging the limits of their responsibility. One of the key questions is: Are these pilots-operators, and military staff in general, trained in a proper way to be able to make morally justified decisions in this emerging context and according to a different set of criteria? Moreover, has the current way military ethics is being taught become irrelevant in the wake of current and upcoming technological military advancement?

Traditional military ethics education

From ancient times until today, an essential component of military ethics education has been the formation of virtues, habits, military bearing, customs, and all elements of a military *ethos* that distinguish professional military officers from civilians [Cook 2008]. *Ethos* is different from ethics: whereas ethics focuses on principles that guide behavior, *ethos* encompasses the way in which a specific community or profession operates and lives [Deakin 2008, 21]. The aspirational approach to teaching ethics in the military focuses on *ethos*, a term broader and somewhat different than ethics.

As Wolfendale argues, the aim of military ethics education, according to the aspirational view, is “to cultivate good behavior through cultivation of good moral character” [Wolfendale 2008, 164]. However, she argues that the justification for such ethical training is not purely instrumental, but an end in itself. The goal is to make good people out of soldiers, by helping them develop moral capacities rather than requiring them to simply follow pre-defined rules and behave in an expected manner. Wolfendale's understanding of the role of military ethics stresses an important element of the aspirational approach: only good people make for good soldiers and what makes them good people is not merely possession of specific virtues but also behavior in accordance with those. Therefore, it is no surprise that, in majority of cases, “military ethical training emphasizes formation of strong moral character rather than sets of rules” [Schulte 2012, 110] as it is

¹ They are subject to clear sanctions by the law, but this sanction is rarely lethal, meaning that they are at an equal risk like the target of losing their life.

expected that character guarantees moral behavior. This is completely in accordance with the very notion of virtue from the perspective of virtue ethics, where virtue actually implies “a disposition or a pattern in someone’s character or personality that leads them to act morally” [van Hooft 2006, 1], which means that no pre-defined rules of behavior are necessary. Still, even if soldiers are morally good people and they behave as such, they could easily be deluded with relation to why they behave in the way they do. Particularly because of that, the aspirational approach underlines the importance of soldiers reflecting on the methods that the institution employs to influence their future behavior. If it were mere instilling of virtues and behavior in accordance with those virtues, the aspirational approach would fail to acknowledge that soldiers are, after all, individual human beings.

There are two traditional problems with teaching military ethics solely in the aspirational tradition: one secondary and one fundamental. First, it is unclear whether virtues can be taught at all. Olsthoorn claims that current military education is inclined to teach *about* virtues in an academic setting, through case studies and sometimes role-playing, but is unable to teach virtues through practicing and repetition in real-life situations [Olsthoorn 2009]. Yet even if we were to assume that the existing practice is able to instill virtues into military professionals, a more fundamental “problem remains that virtue and ethics are not the same: virtues are about character, ethics is about conduct” [Olsthoorn 2009, 151]. Virtues alone cannot inform proper behavior in warfare. Moreover, even outside of the context of warfare, it is necessary for a person to possess practical wisdom (φρόνησις) in order to properly “use” virtue as a moral compass. In times of war, the significance of this practical wisdom in soldiers simply cannot be overstated. War is a very complex phenomenon and the fact that someone is a virtuous man does not guarantee that he will behave in a morally justified manner and vice versa. Lieutenant Colonel Nathan Sassaman, of the United States Army, provides us with a valuable example of how virtue-based military ethics education can yield disappointing results in reality. In his book *Warrior King*, Sassaman writes that his soldiers, who were accused of forcing an Iraqi civilian off a bridge into the Tigris river, not only carried a card of Army member virtues and values in their pockets but also knew them “inside and out – and in fact, strictly followed them” [Sassaman & Layden 2008, 289]. The fact that one is a loyal soldier does not determine whether and under what circumstances it is morally justified to engage in killing an enemy’s non-

combatant. Though deadly, war is an endeavor between rational human beings, invested with ethical expectations and regulated by specific rules that are restrictive from both moral and legal points of view [Orend 2004]. Military officers need to learn, understand, and uphold those rules because these are directed toward attaining a military goal while securing a minimum standard of humane treatment in warfare. Even though it is true that virtuous people are more inclined to behave in a morally acceptable way, character shaping cannot be the only end goal of military ethics education as it provides no clear guidance on how to behave in a specific context.

Functionalist approach to teaching military ethics fills in this very gap. According to this approach, the sole goal of military ethics education is to ensure principle-guided behavior. The essence is “the transmission and perpetuation of the ethos of professionalism” that is formed out of general rules aimed at maximizing military efficiency [Wertheimer 2010, 159]. The idea is to incorporate ethics into the officers’ conception of themselves as professionals with the aim of teaching them how to behave correctly when carrying out their professional duties [Kasher 2008]. The role of ethics is teaching military professionals principles and rules of proper behavior inherent to their profession. The application of these principles and rules is instrumental: they are justified as long as they lead to the highest possible level of military efficiency. That way, military efficiency becomes the end goal of ethical training in the military. As members of a specific profession, soldiers are thus completely subordinated to their organization and their actions are judged as morally justified or unjustified based on the pre-existing framework of rules evaluated in terms of their contribution to victory, i.e., the highest possible level of efficiency.

One of the major shortcomings of the functionalist approach is that it puts efficiency above morality. Wolfendale claims that the functionalist view is not an ethical view at all because the end goal of teaching military ethics according to functionalists is the promotion or enhancement of military efficiency and this, as Wolfendale argues, is a non-moral concept [Wolfendale 2008, 164]. Essentially, it prescribes not morally justified behavior but “proper occupational behavior.” Any kind of action that results in the achievement of military efficiency is justified, regardless of its morality. Additionally, functionalists favor no means apart from those prohibited by the professional standard; rather, any mean that is instrumentally valuable – that secures the fulfillment of the pre-defined purpose – is acceptable. In that sense, functionalists

would not object to any form of conditioned behavior (drugs, post-hypnotic suggestions or alike) that results in correct behavior serving the pre-defined purpose, i.e., military efficiency. The functionalist view, as Wolfendale infers, does not treat soldiers as autonomous rational agents “whose moral autonomy restricts how they may legitimately be treated” [Wolfendale 2008, 171].

In defense of the functionalist approach, we can say that “to be efficient” means to achieve as much as possible with as few resources as possible. Therefore, one could argue that, on the grounds of efficiency, reckless killing of military non-combatants seems to contribute very little to an efficient closing of a war in the long run. Victory as a constitutive part of war is a non-moral concept. The goal of each side in war is to win by reaching peace not justice [Babic 2019]. There is no right way to end war: what for one side is a win, for another is a loss. Therefore, it makes perfect sense to argue that if victory is a desired end to each war, then any behavior that contributes to its efficient attainment and is within the limits of professional standard could be justified on those grounds. Efficiency as a criterion can therefore limit atrocities in war. However, it still cannot solve the more fundamental problem: if the sole purpose of military professionals is to behave in a (somewhat) prescribed manner to achieve military efficiency, they still seem to be treated as less than autonomous agents.

We can conclude that both of the traditional approaches are not sufficient by themselves and should be used as complementary in the military ethics education curriculum, which is mostly the case today. However, with increasing automation of war, even when combined, these approaches fail to meet the demands of the emerging technologically advanced reality of warfare. Modern warfare brings to light two questions that challenge the very foundations of the two traditional approaches: What does it mean to be a soldier today and how does technology alter military as a profession? And the answer is clear: “Automating warfare and using military robots for a great variety of functions effectively devalues traditional military skills [and virtues] and could lead in the long term to the complete extinction of the military as a unique or at least distinct profession” [Krishnan 2009, 136]. Let us explore these observations in detail.

Virtueless war(iors) and (un)functionalist approach

No aspect of human civilization has been left unaffected by the technological revolution that is profoundly altering our lives and our

world at an unprecedented pace. War, a perpetual shadow of human civilization has also been transformed in many ways by technology, in some perhaps even fundamentally. The way we fight wars today would be inconceivable and perhaps even unacceptable for our ancestors, whom we often celebrate as great warriors and victors. Technology enabled our generation to kill and mutilate other human beings in war without ever even setting foot on an actual battleground, without ever even being face to face with our foes. We must ask ourselves whether the very notion of a warrior is apposite for today's soldiers who increasingly resemble IT technicians more than warriors. If we were to define a warrior, we would be obliged to use moral attributes as they essentially represent a *differentia specifica* of the set of warriors differentiating the elements of this set from the elements of the murderers set. Virtues of courage, loyalty, honor, etc. have always been integral parts of warriors' codes, and they are still pivotal attributes of what we call soldiers today. These key martial virtues are inherent for true soldiers; they are "a part of their personal identities." [Fatic 2017, 120] These virtues are essential elements of a number of other professions and social roles as well, which are characterized by high levels of danger and crucial social responsibility that comes with the role.

What troubles us, from an ethical standpoint, is the question of these virtues in modern warfare characterized by complete spatial and partial (in cases perhaps even total) emotional detachment from the battlefield and the process of killing in war. How can one be courageous if there is literally no risk involved in his killing of another human being? What is courageous in the act of riskless remote killing via semi-autonomous weapons? Can we even conceive a warrior without courage, if we know that courage is "the martial virtue *par excellence*"? [Sparrow 2015, 383] It seems as though this remote and riskless killing is incompatible with the honor of military profession, that martial virtues are redundant in these scenarios. One can draw the following parallels: a fire-fighter who is prepared to put the fire down only at a safe distance does not possess true virtues of a fire-fighter; a police officer who only engages unarmed and harmless suspects is obviously deprived of key police virtues. As Walzer [1999, 6] nicely puts it: "You can't kill unless you are prepared to die" [Walzer 1999, 6]. Additionally, if a soldier is at no risk, then the distinction between combatants and non-combatants is in danger of becoming a bit blurry, because none of the two groups pose a real threat. It has been shown that not only academics and military ethicists find this entire situation problematic, but also the military itself – Sparrow explains how some

section of the U.S. military rejected the idea of awarding prestigious medals to drone operators as they thought of them as “not really at war” [Sparrow 2015, 380]. Moreover, virtues seem utterly unimportant and simply inapplicable when we think of the relationship between a soldier/operator of a semi-autonomous weapon and the rest of his “unit” comprising of a non-animate object. Can virtues even be considered in a relationship between humans and robots?

When we discuss dehumanization in modern warfare we usually tend to refer to dehumanization of enemies that can, along with authority, “create an alarming willingness for individuals to harm others, even when they face no immediate danger to themselves” [French & Jack 2015, 170]. We do not dispute this assertion regarding the perils of dehumanization, rather we raise a different issue: Is the process of dehumanization reserved solely for the enemy, or are technological innovations also creating an “emotional and human gap” between members of the same army? If we observe that operators of semi-autonomous weapons are becoming more and more isolated from the rest of their own troops², we can rightfully question the bond, empathy, and cohesion between them. Naturally, an operator is fully aware of the difference between “friendlies” and hostiles on his screen, but they are all simply dots on the screen for him, pixels that have no profound and deep emotional or human meaning. They often do not even have direct communication with ground forces, and even if they do, it is conducted using digital communication platforms, without any face-to-face contact and deeper interaction. Furthermore, even the contact and relationship between operators working in the same base is quite different than what is usually understood as martial comradeship, as they do not depend on each other, they do not place their lives in each other’s hands, they do not share the feeling of lethal danger and primal fear, which is so characteristic for people in combat. All the things that are necessary for the existence of the proverbial “band of brothers,”³ so essential for military ethos, are simply missing. Detachment from battle and enemies, combined with the lack of danger, risk, and shared experience, erodes not only unit cohesion and empathy, but also the

² Operators sit in high-tech control centers, usually isolated in containers and small rooms filled with screens, with absolutely no personal contact with the on-ground forces they are providing support to.

³ Even in Shakespeare’s famous St Crispin’s Day Speech (where the term “Band of brothers” was forged), Henry V only considers those who “shed their blood with him” worthy of becoming his brothers [Shakespeare 1914, 84].

cornerstones of the unique military ethos. The increase of non-human factors in military operations gives rise to new ethical challenges and questions the validity of virtue-based warrior identity of soldiers.

In a survey conducted by Mental Health Advisory Team IV under the project Operation Iraqi Freedom 05-07, a third of both soldiers and marines deployed in Iraq reported facing moral dilemmas in combat to which they did not know how to respond [Mental Health Advisory Team IV, 2006]. They all received training in battlefield ethics; however, because of a shift in the nature of warfare and the complexity of context in the Iraqi war, their training proved to be not entirely relevant. Rules and codes of conduct work in a rule-bound environment that is defined by hierarchy, both hierarchy in values and hierarchy of rank – such were symmetric wars of the 20th century. The 21st century asymmetric conflicts, like those in Afghanistan and Iraq, had brought those exact rules into question, and the introduction of unmanned systems has made them almost redundant in the new emerging context. Introduction of network-centric warfare and a shift toward virtual, rather than face-to-face, communication have loosened the military hierarchy. Some drone operators explained that in most cases communication via digital platforms creates confusion, as it allows for simultaneous online presence of people with different military ranks. Sometimes, soldiers do not know who they are talking to and whose command they should follow [Singer 2009, 513]. Moreover, geographical detachment from the battlefield has brought into question the definition of a combatant itself, in a more profound way than that was the case with the emergence of irregular warfare. Operating unmanned systems from their cubicles, after finishing their shifts, soldiers retreat to their normal life, picking up their kids from school and having dinner with their family. It would be counterintuitive to argue that they are legitimate targets even after their shift, and that is exactly what the current definition of a combatant would suggest. When the context drastically changes, the rules and principles need to adapt as well.

Perhaps a conclusion can be drawn from this, that every functionalist approach in ethics is destined to fail if it neglects to readapt its rules and principles to the emerging context – what and why is morally obligatory, permissible, or forbidden – but also if it fails to address the necessary understanding of what and why is done. This new emerging context dictates that we teach our soldiers higher philosophical concepts and the fundamental nature of moral demands and moral behavior. Never before in history has it been more important to insist on deeper

understanding of moral principles in the military, as technological progress enabled militaries to be extremely efficient in what they do, in performing their function. New moral dilemmas of soldiers caught up in a high-technology warfare will demand profound and conceptual moral education, not simply cookie-cutter ethical programs with lists of demands and abstract values that serve to achieve maximum efficiency with minimum resources.

Conclusion

Military profession is undergoing significant change, and it is paramount for military ethics to keep pace with these changes and adapt accordingly. Military ethics education must evolve in such a way that it transcends the traditional approach, yet preserving both the functionalist and virtue-ethics component in the process. Soldiers of the future will perhaps resemble gamers more than traditional warriors, but that does not mean that the killing they will do will be any less real or morally challenging. One of the main goals of ethical education of future soldiers will be to make the killing more “real,” more personal and more “difficult.” At first glance, it may seem a bit counter-intuitive to think that we must strive to make killing more “difficult” for our own soldiers, but it will be a counter-balance to the historically unparalleled easiness of taking lives made possible by modern military technology. Increased feeling of responsibility for killing must be instilled in those who will in future kill much less personally than ever before. Virtue of courage in war will also need to be readdressed and perhaps even redefined in order to emphasize the significance of what is called moral courage. This element is much lacking in modern armies that are currently “no bastions of moral courage” [Olsthoorn 2011, 53]. As Mark Mandeles argues, future militaries will require “‘renaissance men’ who have wide knowledge of natural and social sciences, computers, and software (and who can ‘shoot’)” (as cited in: [Krishnan 2009, 136]). Perhaps this paradigm shift in the nature of warfare even opens the door for a much bigger role of deontology and absolutistic prohibitions in the study of military ethics. Perhaps the unbearable easiness of killing in the future will enable us to establish some type of a *consequentialism threshold*⁴ at which absolutely no amount of military advantage could justify killing.

⁴ As opposed to the deontological threshold “at which the prohibition against murder is overridden” [Nagel 1979, 62].

REFERENCES

Babić J. (2019) Ethics of War and Ethics in War. *Conatus*. Vol. 4, no. 1, pp. 9–30.

Cook M. (2008) Ethics Education, Ethics Training, and Character Development: Who ‘Owns’ Ethics in the US Air Force Academy? In: Robinson P., de Lee N., & Carrick D. (Eds.) *Ethics Education in the Military* (pp. 57–65). Hampshire: Ashgate.

Cook M. (2009) Teaching Military Ethics in the United States Air Force: Challenges Posed by Service Culture. In: Robinson P., Connelly J., & Carrick D. (Eds.) *Ethics Education for Irregular Warfare* (pp. 107–118). Hampshire: Ashgate.

Deakin S. (2008) Education in an Ethos at the Royal Military Academy Sandhurst. In: Robinson P., de Lee N., & Carrick D. (Eds.) *Ethics Education in the Military* (pp. 15–29). Hampshire: Ashgate.

French S. & Jack A. (2015) Dehumanizing the Enemy: The Intersection of Neuroethics and Military Ethics. In: Whetham D. & Strawser B.J. (Eds.) *Responsibility to Protect: Perspectives in Theory and Practice* (pp. 169–195). Boston: Brill-Nijhoff.

Kasher A. (2008) Teaching and Training Military Ethics: An Israeli Experience. In: Robinson P., de Lee N., & Carrick D. (Eds.) *Ethics Education in the Military* (pp. 133–145). Hampshire: Ashgate.

Krishnan A. (2009) *Killer Robots*. Hampshire: Ashgate.

Mental Health Advisory Team IV, Operation Iraqi Freedom 05-07 (2006) *Final Report*. Retrieved from http://www.combatreform.org/MHAT_IV_Report_17NOV06.pdf

Nagel T. (1979) *Mortal Questions*. Cambridge: Cambridge University Press.

Olsthoorn P. (2009) Ethics Education for Operations Other Than War: The Dutch Approach. In: Robinson P., Connelly J., & Carrick D. (Eds.) *Ethics Education for Irregular Warfare* (pp. 145–158). Hampshire: Ashgate.

Olsthoorn P. (2011) *Military Ethics and Virtues: An Interdisciplinary Approach for the 21st Century*. Burlington: Routledge.

Orend B. (2004) Kant’s Ethics of War and Peace. *Journal of Military Ethics*. Vol. 3, no. 2, pp. 161–177.

Pellerin C. (2017) Project Maven To Deploy Computer Algorithms to War Zone By Year’s End. *DOD News*. Retrieved from <https://www.defense.gov/News/Article/Article/1254719/project-maven-to-deploy-computer-algorithms-to-war-zone-by-years-end/>

Sassaman N. & Layden J. (2008) *Warrior King: The Triumph and Betrayal of an American Commander in Iraq*. New York: St. Martin’s Press.

Schulte P. (2012) Morality and War. In: Lindley-French J. & Boyer Y. (Eds.) *The Oxford Handbook of War* (pp. 99–115). Oxford: Oxford University Press.

Shakespeare W. (1914) *Henry V*. New York: American Book Company.

Singer P.W. (2009) *Wired for War*. London: The Penguin Press.

Sparrow R. (2015) Drones, Courage, and Military Culture. In: Lucas G. (Ed.) *Routledge Handbook of Military Ethics* (pp. 380–395). Burlington: Routledge.

van Hooft S. (2006) *Understanding Virtue Ethics*. Slough: Acumen Publishing Limited.

Walzer M. (1999) Kosovo. *Dissent*. Vol. 46, no. 3, pp. 5–7.

Wertheimer R. (2010) The Morality of Military Ethics Education. In: Wertheimer R. (Ed.) *Empowering Our Military Conscience: Transforming Just War Theory and Military Moral Education* (pp. 159–196). Burlington: Routledge.

Wolfendale J. (2008) What is the Point of Teaching Military Ethics? In: Robinson P., de Lee N., & Carrick D. (Eds.) *Ethics Education in the Military* (pp. 161–174). Hampshire: Ashgate.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации и отзывы

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-158-159

Отзыв на книгу

Book commentary

Отзыв о книге:

**А.Ю. Коробов-Латынцев. Философ и война.
О русской военной философии. –
М.: Русская философия, 2020**

А.А. Скворцов

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Алексей Алексеевич Скворцов – кандидат философских наук, доцент кафедры этики философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
lambis@mail.ru

Для цитирования: Скворцов А.А. Отзыв о книге: А.Ю. Коробов-Латынцев. Философ и война. О русской военной философии (М.: Русская философия, 2020) // Философские науки. 2020. Т. 63. № 11. С. 158–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-158-159

Book Commentary:

A.Yu. Korobov-Latyntsev. *Philosopher and War. On Russian Military Philosophy.*

Moscow: Russkaya filosofiya, 2020

A.A. Skvortsov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Alexei A. Skvortsov – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Ethics, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.
lambis@mail.ru

For citation: Skvortsov A.A. (2020) Book Commentary: A.Yu. Korobov-Latyntsev. *Philosopher and War. On Russian Military Philosophy* (Moscow: Russkaya filosofiya, 2020). *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 11, pp. 158–159.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-158-159

Сочетание «философ и война» может вызвать у читателя удивление, поскольку многим кажется, что философ – это отстраненный мудрец, далекий от мира политических коллизий. Но не было ни одного крупного философа, не рассуждавшего о войне, и немало мыслителей, отечественных и зарубежных, которые участвовали в вооруженной борьбе. Вспомним, к примеру, Сократа, Р. Декарта, Н. Гартмана, Л. Витгенштейна, а из российских – П.Я. Чаадаева, Л.Н. Толстого, К.Н. Леонтьева, Ф.А. Степуна, А.А. Зиновьева, Э.В. Ильенкова,

Книга А.Ю. Коробова-Латынцева посвящена отечественным философам, их взглядам, тем, кто сражался, творил, защищал русскую культуру и на поле боя, и на поле мысли. В повествовании находят отражение четыре войны: Отечественная 1812 года, Крымская, Первая мировая и Великая Отечественная 1941–1945 годов. Не все из обсуждаемых в книге наблюдателей войны вступали в поединок с оружием в руках. Кто-то находился рядом с линией огня, а кто-то далеко от фронта. Но и тех, и других объединяет важное обстоятельство: созерцание войны оказало огромное влияние на их мировоззрение и существенно изменило философские взгляды в сторону большего трагизма в оценке положения человека в мире.

Заслуга автора издания заключается в том, что на языке философии он стремится выразить оригинальный русский взгляд на войну, не милитаристский и не пацифистский, а скорее, диалектически-страдальческий. Русская философия признает войну очевидным злом. Однако у отечественных мыслителей нет сомнения в том, что иногда участие в бою – единственный путь к сохранению себя как нравственного существа, т.е. существа, для которого добро – это не абстрактная мечта, а возможность решительного действия по изменению мира. Возможностей для того, чтобы изменить мир к лучшему в атмосфере спокойствия, не слишком много, поскольку мир как таковой обычно не призывает на службу людей исключительных способностей, героических качеств, а война призывает. Именно о носителях таких качеств, ратных и интеллектуальных, рассказано в книге А.Ю. Коробова-Латынцева «Философ и война. О русской военной философии».

Цели и задачи

«Философские науки» – ежемесячный рецензируемый научный журнал, публикующий статьи на русском и английском языках. Журнал был учрежден в 1958 г. как научное образовательное просветительское издание для системы отечественного образования. Статьи журнала посвящены как традиционным, классическим философским темам, так и актуальным проблемам современности и перспективам социокультурного и цивилизационного развития человечества.

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = *Filosofskie nauki* is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале
и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<https://www.phisci.info/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 – 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 15.11.2020 г. Формат 60х90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info